СВЕТО-ТЕНЬ

Карина Вран

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Она — впечатлительная, чрезмерно эмоциональная особа, оценивающая окружающий мир исключительно сквозь призму своего «я». Ей предлагают билет в сказку — и она соглашается, не раздумывая. Однако сказка вскоре обернется кошмаром, в котором она — не главная героиня, а так, марионетка…

- Карина Вран
  -
  - ЧАСТЬ I. Восход
  - ЧАСТЬ II. Свет (Айе)
  - ЧАСТЬ III. Эшти (Тень)
  - ЧАСТЬ IV. Когда сплетутся Свет и Тьма
  - Вместо послесловия
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37

Карина Вран
Свето-Тень

Я не сразу начала датировать свои записи, они делались урывочно, стихийно, и не всегда систематизировались. Когда же я поняла, что путаюсь в событиях, и решила привести разрозненные листы к подобию порядка, оказалось, что я не имею ни малейшего понятия, от чего, собственно, начинать подсчет. От календарной даты? Так она впоследствии не играла никакой роли, только помножила бы трудности… Тогда я махнула рукой и обозначила точку отсчета так, как она отпечаталась в памяти: тот самый первый день…

ЧАСТЬ I. Восход

Тот самый первый день.

Вроде бы он был человеком. Как там: руки, ноги, голова, все на месте, но было в нем нечто необычное. Может быть, костюм, если это можно так назвать. Грязно-серый жемчуг, раскатанный по телу. А тело, между прочим, очень даже ничего… Смущал только широкий ремень с металлической пряжкой в форме шестиугольной звезды, с непонятно как держащимися на нем странного вида предметами. Хотя вот тот, например, весьма и весьма напоминает пистолет, только дуло слишком вытянутое. И еще одного я не могла понять — что он делает у меня на кухне в три часа ночи? Возникло дерзкое желание накричать на него, но я сравнила шансы маленькой худенькой девушки в тонком халатике, накинутом наспех на голое тело против шансов взрослого вооруженного мужчины, судя по всему, занимавшегося спортом, и сказала:

— Здравствуйте.

— *Э коллин тери мино,* — раздалось в ответ. Певуче, красиво и непонятно. В бытность свою студенткой филфака мне приходилось соприкасаться с языками, но эта его фраза осталась для меня загадкой. Ладно, попробуем иначе.

— Hello!

Незнакомец посмотрел на меня большими серыми и безмерно умными глазами, и протянул руку к ремню, как раз к своему странному пистолету.

Я резко вздрогнула, прижавшись спиной к утробно урчащему холодильнику. Вот и все, сейчас он тебя застрелит, а вы даже не успели познакомиться. Нет, права была мама, хреновая из тебя хозяйка, могла бы и чаю гостю предложить…

Пока вся эта чепуха стремительными порывами ветра проносилась в моей голове, он отсоединил от ремня соседствующую с оружием коробочку и протянул ее мне. Понадобилось огромное усилие воли, чтобы не дать телу сползти по дверце холодильника на пол. По позвоночнику пробежала волна дрожи, навязчивой и противной. И это я всегда утверждала, что не боюсь смерти? Впрочем, так оно и было, пока смерть оставалась абстрактным понятием и не явилась ко мне на кухню в лице красивого брюнета с серыми, как сталь, глазами…

Видя мои колебания, он поднял правую руку с открытой ладонью, очевидно, желая меня успокоить. Не помогло. Дрожь достигла всех четырех конечностей и неумолимо приближалась к зубам. Тем временем он шагнул ко мне и занес маленькую

коробочку над моей головой. Прежде, чем я успела что-нибудь подумать, холодные усики прижались к вискам.

— *Э коллин тери мино,* — повторил незнакомец свою белиберду, но на этот раз я его поняла.

— Не пугайтесь меня, пожалуйста.

Нашел, что сказать! Разум оставил мое ослабшее тело, и оно-таки скатилось на пол. Хорошо еще, что пол чистый — зашептал мой трусливый рассудок, возвращающийся к хозяйке. Я как-то вяло заметила, что морозец на висках исчез. Нет, я вообще очень люблю научную фантастику, да и не научную тоже, но столкнуться с ней на кухне своей квартиры на восьмом этаже чуть ли не в центре Санкт-Петербурга — это уж, поверьте мне, слишком!

Мой гость прицепил свою коробку на место.

— Извините, я вообще не хотел вас беспокоить, через некоторое время меня найдут, и я вас покину, но было темно, я забыл использовать инфракрасное зрение и случайно уронил эту мебель, — выдал он, указывая на табуретку, — Ужасная, непростительная глупость!

— Да ладно, что уж там, — ответила я, поднимаясь с пола. Он, может, конечно, и чистый, но чрезвычайно холодный.

И тут же чуть не грохнулась обратно. Мы с сероглазым изъяснялись на его певучем языке. Ох и ни фига себе! Ну и где, скажите мне, пожалуйста, он был со своим приборчиком, когда я парилась с латинским, древнегреческим и иже с ними?!

Я постаралась взять себя в руки и изобразить хорошие манеры.

— Вы предпочитаете чай или кофе?

— Мне то же, что и вам, — он улыбнулся. В глубоких серых глазах заиграло весеннее солнце.

Я выбрала чай. Уровень адреналина в крови и так достиг немыслимых высот, кофе здесь будет явно лишним. Я поставила чайник, соорудила бутерброды с ветчиной и только тут поняла, что я еще глупее, чем предполагала. Вот уже полчаса мы находимся в одном помещении, а я даже не представилась.

— Извините, я совсем забыла. Меня зовут Ира. Ирина Калинина. А вас?

Незнакомец молча смотрел мне в глаза. Может, я сдуру нарушила какое-нибудь табу? Оскорбила его достоинство? (Только позднее я узнала, что в его мире доверить имя чужаку означало большой риск).

— Брендон Атир, — наконец ответил он. Надломлено, будто сломалась прозрачная перегородка. — Ирина Калли, можно я буду звать вас так? — Он как-то особенно нежно произнес это

двойное «эль».

Мне понравилось. И глаза мне его тоже понравились. Вот только откуда же он взялся?

— Ирина скажите, это Терра? — спросил Брендон.

Я очнулась от транса.

— Что? Ах, да, это Земля, — подумав, добавила непрошенное: — Начало двадцать первого века, две тысячи пятый год.

— Терра… Древняя легенда. Никогда не думал, что увижу ее. В мое время это невозможно.

— Почему же? — липкое подозрение зашевелилось в душе. Я даже не замечала, что чайник подпрыгивает на плите.

— В конце двадцать шестого века разразилась война. Две самые сильные державы того времени обменялись ядерными ударами, никакие щиты не помогли. Видимо, не рассчитали мощность — все живое на планете погибло, даже находившиеся в специальных бункерах люди.

Брендон замолчал. Я отвернулась к плите, вспомнив наконец-то про чайник. Против воли по щекам бежали слезы. Нам осталось пять веков. Нет, меня лично это не коснется, и моих детей тоже, но стоит ли их рожать, зная, что у их правнуков не будет будущего? Голубизны неба, свежести легкого ветерка, теплых лучей солнца — ничего, не будет даже жизни…

Чашка выскользнула из рук и с оглушающим звоном разбилась на мелкие осколки. Давай еще перебудим соседей и поделимся с ними новостью — людям осталось жить всего ничего!

А потом кто-то кому-то скажет гадость и — оп! — нет никого. Вообще. Хотя, стоп, откуда же взялся Брендон? В набирающей обороты истерике я вдруг подумала, что повторяюсь… И все-таки. Зовут его вполне по-человечески, внешне не похож он на маленьких зеленыхголовастиков, какими я представляла себе инопланетян…

Я присела на корточки, собирая кусочки симпатичной кружки с голубенькими цветочками. Ко мне кинулся Брендон.

— Я помогу.

И тут он увидел мое лицо. К слову, я и так-то не слишком хорошо выглядела: светлые, стриженные под каре, волосы растрепаны сном, никакой косметики (не ожидала я среди ночи встретить мужчину своей мечты), а с раскрасневшимся от потоков соленой влаги лицом и опухшими веками и вовсе была ожившим кошмаром. Так что я вполне понимаю, почему Брендон испугался. Прямо там, под раковиной, по соседству с тазиком, в котором у меня жил мусор, поминутно вытирая мои щеки, он начал сбивчиво говорить:

— Человечество выжило. За три века до случившегося оно начало разлетаться по разным уголкам Галактики. Ирина, на момент Катастрофы на Терре остались только те, кто не мог отправиться в космос — или не хотел. И… все произошло внезапно, скорее всего, они ничего не почувствовали даже. Просто Терра вдруг замолчала — на всех каналах связи.

Я уткнулась носом в его теплое плечо и зарыдала еще сильнее. Левая рука непроизвольно сжалась в кулак. Я завизжала.

— Что с вами, Ирина Калли?

Уже даже не плача, я протянула ему ладонь. Довольно большой кусок фарфора вонзился в кожу. Руку свела безумная боль.

— Тихо, сейчас я все сделаю, — умиротворяющее прошептал Брендон. Почему-то я ему поверила.

Он осторожно вынул осколок.

— Закрой глаза, — попросил он. Когда это мы перешли на ты?! Но глаза я закрыла. Почувствовала тепло его ладони на моей и тихо ждала. А потом я вдруг поняла, что боли нет. Не дожидаясь разрешения, открыла глаза. Он убрал свою руку.

— Сэр Брендон! Сэр Брендон, вы слышите? — загорелась звезда на его ремне.

— Да, слышу, — как-то устало отозвался он.

— Как им удалось настолько далеко вас отправить? Мы будем готовы перенести вас через пару минут.

Брендон молча выпрямился и подал мне руку, помогая встать.

— Если я позову тебя с собой, ты согласишься?

Я заглянула в эти невозможно прекрасные глаза и спросила:

— Почему?

— Должен же я отблагодарить тебя за гостеприимство.

Я окинула взглядом кухню, больше всего напоминавшую сейчас Бородинское поле после битвы французов и русских… Нарезанные бутерброды, валяющаяся табуретка, разбитая кружка, капли моей крови. Да уж, хорошо гостеприимство. А потом я вспомнила о своемвнешнем виде и спросила:

— Что, прямо так?

Он засмеялся.

— Да, желательно. Понимаешь, у нас мало времени.

Нет, когда мы все-таки успели перейти на ты? И вдруг я услышала тихое:

— *Ари*…

Самое непонятное — это сказала я! В переводе с иреа — языка Брендона — *ари* означало «да».

— Дай мне свои руки, — произнес Брендон. Перед тем, как

выполнить его просьбу, я украдкой взглянула на левую ладошку — на ней не было даже шрама, ни малейшего следа! Может, я перепутала руки? Додумать я не успела. Дико закружилась голова, я почувствовала, как падаю. Куда-то очень далеко, скорее всего, в бесконечность.

День 2-й.

Какой однако необычный был сон. Я сладко потянулась, не открывая глаз. Нет, что ни говорите, лучший друг человека — диван. И чем он мягче, тем лучше. Нестерпимо зачесалась ладонь левой руки. Где же все-таки шрам? Какой шрам, дорогая, что ты городишь, проснись, открой глаза, ты дома, под любимым одеялом! И я открыла.

Только домом тут и не пахло. Больше всего окружающее смахивало на каюту звездолета — я о таких читала. Небольшое, неправильной формы помещение, у одной из стен — округлое ложе, на стене напротив — множество разнообразных панелек, если знать, как ими пользоваться — невероятно удобная штука, наверное. Никаких намеков на дверь или окно (иллюминатор?..). Обтекаемые формы, тусклый металлический блеск. Единственным инородным предметом здесь была я в своем бледно-голубом халатике с сине-зелено-желтымабстрактным рисунком.

Часть стены беззвучно отплыла. Ко мне в каюту вошел Брендон Атир.

Вот здесь он на своем месте, осознала я, со своей величественной осанкой, в этом странном серебристом костюме. И пряжка его ремня целиком соответствовала обстановке, в пространстве, среди звезд и нарождающихся галактик, Брендону было самое место. Вопрос в другом, радость моя, что ты тут делаешь, где был твой разум, когда ты соглашалась на эту авантюру?!

Он был невероятно красив.

— Я принес тебе одежду, — он положил рядом со мной точь-в-точь такой же костюм, как и у него, а сверху ремень с шестигранной звездой. Он на секунду замешкался с ремнем, чуть заметно усмехаясь.

— Вообще-то нельзя было этого делать. Рэйна будет жутко кричать.

Решив не спрашивать, кто такая Рэйна, знание — далеко не всегда сила, я таки поинтересовалась:

— Почему нельзя?

— Понимаешь, эта Звезда — символ Дома Атиров, носить его имеют право только члены семьи. Но мне хотелось сделать для тебя что-нибудь приятное после всего, что произошло. Выходит, ты теперь — что-то вроде названной сестры мне.

Уже выходя, он добавил:

— Когда оденешься, просто поднеси руку к стене — она откроется. Я проведу тебе экскурсию по «Страннику».

Он ушел. Мне вдруг захотелось закричать от злости к самой себе — меньше всего меня интересовала роль сестры!..

Кто такая эта Рэйна?!

Костюм (на поверку оказавшийся комбинезоном) сидел на мне, словно вторая кожа. Хотя нет, даже первая, я его абсолютно не ощущала, и это доставляло известное неудобство, я как-то не привыкла ходить при людях обнаженной, а впечатление складывалось именно такое. Я пригладила руками волосы, расчески поблизости не оказалось. Где бы здесь еще зеркало найти? И я его увидела — прямо перед собой, часть стены с абсолютно зеркальной поверхностью. Или я его раньше не замечала, и оно всегда было там, или я сошла с ума. Поразмыслив, пришла к выводу, что оба утверждения верны.

Оказалось, что выгляжу я совсем неплохо — синяки под глазами исчезли, лицо свежее, а волосы будто вышли из-под рук профессионального парикмахера (с чего бы это?). Возле ложа обнаружились ботинки, легкие, даже невесомые, точно моего размера. Но таким мелочам я уже не стала удивляться, предыдущие события выработали защитную реакцию на потрясения — так мне, по крайней мере, казалось. Усмехнувшись, я застегнула ремень — хотя это громко сказано, скорее, он застегнулся сам, я только поднесла его к талии. Покончив с туалетом, я направилась к выходу. Поднесла руку к стене, как учил Брендон, и часть ее скользнула в сторону. Я сделала шаг, потом вдруг передумала и оглянулась: зеркала на противоположной стене не было.

Экскурс прошел неудачно. Брендон даже ни разу на меня не взглянул, я молча скрежетала зубами и делала вид, что внимательно его слушаю. О корабле в результате я ничего не могу сказать, кроме того, что он большой. Ни формы, ни реального размера, ни назначения я не уловила, в общем, шпион из меня аховый. А потом он завел меня в рубку управления, или как там это называется. Брендон познакомил меня с капитаном, Тиором Райли, но только меня сие нисколько ни взволновало — передо мной зияла бездна космического пространства. Я

почувствовала пустоту, но не там, снаружи, а в себе. Там же была нереальная чернота вечной ночи, глубокая и наполненная. И в холоде этих пространств было нечто, вглядывающееся сейчас в меня, оценивающее спокойно и беспристрастно. Приступ морской (уместно ли?) болезни отпустил, вернулась возможность дышать и ясно мыслить. Где-то на задворках рассудка мелькнуло: принята… Кем?.. Космос глядел на меня мириадами глаз-осколков. В глубине его звезды смазывались до обрывков спектральных линий…

Повинуясь неясному зову, я поинтересовалась:

— Брендон, мы далеко от Солнечной системы?

Брендон пожал плечами, за него ответил Тиор Райли.

— Нет, совсем рядом. Для этого корабля несколько десятков парсеков — пустяки.

— Скажи, ты действительно хочешь сделать мне приятное? — еще не до конца понимая, зачем мне это понадобилось, спросила я.

Он недоумевающе кивнул головой в знак согласия.

— Тогда курс на Солнечную систему, капитан.

Брендон, милый, подумала я, тебе не понять. Пусть даже мертвая, уничтоженная радиацией и людской жаждой власти, Земля остается для меня точкой опоры, родным домом, а мне сейчас так нужен глоток уверенности в совершенно чуждом мире.

— Ирина, я не все тебе рассказал, — донесся до меня голос Брендона. — Спустя десять столетий после Катастрофы люди столкнулись с иным разумом. Эти существа не были гуманоидами, больше всего они напоминали разросшихся троглодитов[1], но, тем не менее, они были разумны. И человечество показалось им маленькой песчинкой, занесенной в глаз гения космическим ветром. Криоги, так они себя называли, решили уничтожить эту песчинку. Но люди объединились, создав Межгалактическую Империю. Мы побеждали. Тогда криоги, сознавая свое поражение, уничтожили Терру, раздробив ее на множество мелких кусочков. Наверное, они хотели таким образом отомстить — за не нами развязанную войну. Мы истребили их, всех до единого, стерли с лица Вселенной, только это уже ничего не могло изменить. Между орбитами Венеры и Марса образовался новый пояс астероидов…

Он остановился, уставившись в пол. Молчала и я. В ушах стоял тонкий хрустальный звон — кажется, именно с таким звуком бьются надежды. Сердце глухо выбивало удары, только почему-то в висках. По телу волнами катилась боль, нестерпимо хотелось разрыдаться — но слез не нашлось. Услужливая память подбрасывала картины: город, в котором я родилась, напоенный

ароматом цветущих каштанов и акаций, тихий и сонный пруд, окруженный плакучими ивами, деревня на Вологодчине, с ее безбрежными полями, с веселой, игривой, прозрачной до дна рекой, с зарослями земляники — родина моего отца… Теперь вместо этого в космосе плавают безликие каменные глыбы.

— Подтверждаете курс? — спросил Тиор Райли.

Я кивнула, выныривая из воспоминаний. Курс на развалины родного дома.

Брендон явно чувствовал себя виноватым. Он оторвал взгляд от пола, словно собираясь возразить мне. Наверное, было в моем лице что-то, заставившее его промолчать. В этот миг (единственный за всю историю нашего знакомства!) он был мне совершенно безразличен, как кресло пилота. Просто бесплатное приложение к журналу «Пенсия и жизнь», с горечью усмехнулась я.

Непроглядная темень, сквозь которую стремительно несся «Странник», понимающе смотрела мне в душу. Нет, она не сочувствовала, не сожалела, она просто понимала, и от этого немыслимым образом становилось спокойнее.

Я очнулась, лишь когда перед глазами промелькнул огромный разноцветный диск — Уран, по-видимому. Скорость резко снизилась в окрестностях Юпитера, капитан высчитывал курс полета через пояс астероидов. Мимо нас величественно и надменно проплывал Гигант. Красно-кирпичного цвета, с вкраплениями желтых полос, невообразимо царственный, в окружении своих многочисленных спутников. Планетарная система в миниатюре, подумалось мне. Тиор Райли закончил расчеты и вывел звездолет на спин-траекторию по касательной к орбите Марса. Вокруг безжизненной красной планеты вращались две скалы — Фобос и Деймос, с обеих сторон планету обрамляли каемки астероидов. А были ли мы первыми? — промелькнула неясная мысль. Возможно там, между Юпитером и Марсом, когда-то кружилась еще одна полная жизни твердыня, на которой могла зародиться раса разумных существ, а потом о них узнали криоги или кто-то еще. Как говорил Брендон? Песчинка, занесенная космическим ветром? Скорее насекомые-вредители, типа тараканов, только по какому, скажите, праву криоги взяли на себя роль очистителей Вселенной, чем им мешали соседи, пусть и с более слабым интеллектом? По какому праву они возомнили себя богами?!

Земли не было. Вопреки словам Брендона я все-таки ждала ее увидеть, теплую голубо-зеленую планету. Кто-то однажды сказал, что Земля — это колыбель человечества, но нельзя же вечно оставаться в колыбели. И вот я видела останки этой колыбели:

обугленные, неровные осколки былой славы. Былой жизни.

Довольно равнодушно за всем наблюдала звезда класса G IV, желтый карлик. Мое Солнце. Я прильнула к прозрачному пластику, пытаясь уловить немножко тепла, но Солнце было в перигее, я только отморозила кончик носа.

В последний раз взглянув на то, что было системой Земля — Луна, я отвернулась. На меня выжидающе смотрели две пары глаз — серебристые Брендона и зеленые Тиора Райли. Я кивнула капитану, давая разрешение продолжить прежний путь и, поежившись, шагнула к Брендону.

— Достаточно.

Боль ушла, осталось только зыбкое отупение…

— Брендон, скажи, какой сейчас год?

Интересно, почему сей факт заинтересовал меня только теперь? Мы сидели в моей каюте, точнее, сидел Брендон, а я расхаживала взад-вперед перед его носом, пытаясь сладить с нахлынувшими чувствами.

— По твоему исчислению, — прикинул он, — Четыре тысячи пятьсот двадцатый, так что ты старше меня почти на двадцать пять столетий.

Он пытался меня развеселить или оскорбить?

— Отлично. Ты вполне можешь оказаться моим пра-пра-пра-… - внуком. Но я все равно многого не понимаю. Куда мы летим, например?

— Домой. На мою родную планету. Она находится…

Я жестом прервала его. Меньше всего мне были нужны астрономические подробности, с ними мы будем разбираться позднее.

— Я не об этом. Объясни мне, почему мы вообще оказались в звездолете, в глубоком, безлюдном космосе, вместо того, чтобы сразу переместиться на эту твою планету? Или ваша машина времени действует только в безвоздушном пространстве?

Брендон вздохнул, очевидно, собираясь с мыслями. Конечно, нехорошо так эксплуатировать человека, но должна же я, наконец, разобраться в хламе своих мыслей.

— Это сложно объяснить, — выдавил все же мой сероглазый красавец. — И еще сложнее понять. Нет никакой машины времени. Понимаешь, когда люди начали обживать новые планеты, они вступили с ними в какое-то взаимодействие. Миры, которые они заполнили, изменили людей. Это принято называть мутацией — пусть будет так. Но, на мой взгляд, просто пробудились дремлющие до поры способности, ведь сжигали в

темные века ведьм. Надо сказать, что изменения произошли не везде — и не везде одинаково. К счастью, второго круга инквизиции не случилось. Возможно, человечество стало мудрее.

Я смотрела на него широко распахнутыми глупыми глазами и ничего не понимала. Однако! Вселенная, в которой вместо цианистого калия используют чары?! Нет, или я сошла с ума, или я окончательно с него спрыгнула! Тайком ущипнула себя за запястье. Чувствительность в норме. Брендон прокашлялся и продолжил свою страшную сказку — именно так я воспринимала происходящее.

— Не знаю, зачем меня переместили. Наверное, я чему-то мешал, а на физическое устранение они не решились; они — потому что одному человеку такое не под силу… Перенести меня обратно в принципе было не сложно, но вот найти… Пришлось прощупывать пространственно-временной континуум, а у планет очень сильный мыслефон, создаваемый живущими на них людьми, потому поиск вели в космосе.

Его слова наваливались на меня неподъемной массой. Мне вдруг стало страшно.

— Брендон? — жалобно позвала я.

— Да?

— А найдется ли в твоем волшебном мире место для меня?

— Найдется. Я уверен в этом. Ведь смогла же ты вызвать зеркало.

Я хотела было спросить, откуда он знает, и что значит вызвала, но не стала. Знает, и все. Надо привыкать. Усталость. Усталость разливалась по венам вместо крови, делала ватными конечности…

Брендон уловил мое состояние и встал.

— Спокойных сновидений, Леди Калли. Завтра прибываем на Консул I, мой дом.

День 3-й.

Я видела эльфов — не статных и прекрасных эльфов Толкиена, а маленький сказочный народец, по преданиям обитающий в кронах деревьев. Они были крохотными, меньше новорожденного младенца, с переливающимися всеми цветами радуги крылышками. Эльфы парили над лужайкой с бирюзовой травой, а над их головами, в ярко-оранжевом небе, летал рубиновый дракон, вяло помахивая крыльями. Точно такого же я видела в компьютерной игре «Герои меча и магии III». Дракон показал раздвоенный язык и я проснулась.

Надо мной стоял Брендон Атир и зачем-то тряс мое плечо. Замечательно, я умудрилась уснуть в одежде и ботинках. До какой же степени я вчера утомилась?..

— Доброе утро, Ирина, — его серые глаза лучились мягким светом. — Дорога закончилась. Пойдем, нас ждут.

Я вскочила, запуская в прическу пальцы. Мог бы вообще-то дать мне возможность умыться и привести лицо в порядок.

Нас ждали. Но не толпа с радостными приветствиями, а высокая девушка в длинном красивом платье. Хотя, если бы на нее надели мешок из-под картошки (как ни избито), она не выглядела бы хуже. А жаль. Длинные черные локоны обрамляли лицо с безупречно белой кожей. Темно-зеленые огромные глаза с длиннющими угольными ресницами, брови вразлет, аккуратный точеный носик и пухлые, чуть капризные губы. Никакого Dior`а или Maybelline — мечта! Великолепная фигура — тонкая талия, высокая грудь, ноги от шеи… Сия стройная нимфа летящей походкой приближалась — нет, не к нам — к Брендону.

— Милый, наконец-то, я так переживала, — очаровательным грудным голосом пропела она.

Меня передернуло.

— Здравствуй, Рэйна, — спокойно ответил Брендон.

Нимфа повернула голову в мою сторону. Встрепенулись массивные изумрудные серьги в маленьких мочках (и как она выдерживает такую тяжесть?). Впрочем, на груди переливались такие же камешки, а длинные пальцы унизывали многочисленные перстни.

— А это еще кто?! — возмущенно воскликнула она. — И кто дал право ей носить Звезду Атиров?! Между прочим, даже я, твоя невеста, не удостоилась этой чести!

Итак, все встало на места свои. Это изумительное и крикливое создание — будущая жена Брендона. А с чего ты взяла, что такой красавец будет дожидаться тебя, маленькую и невзрачную?

…Интересно, согласится капитан внеурочно подбросить сиротку до дома?

— Рэйна, успокойся. Это Ирина, Леди Калли, она спасла мне жизнь, если тебе о чем-то это говорит. Леди Калли, представляю вам Леди Ивер.

Когда я успела? По-моему, он перебарщивает — жизнь! Просто не вызвала милицию. Однако заявление подействовало на девушку отрезвляюще. Мило улыбаясь, она обернулась ко мне.

— Простите мою несдержанность, Леди Калли, нервы. Я благодарна вам за Брендона. Добро пожаловать в сердце Империи.

Зеленые глаза излучали дружескую благожелательность, а голос был мягким и завораживающим. Я рукоплескала: ни малейшего оттенка фальши…

— Ладно, Рэйна, — сказал Брендон. — Пора отправляться домой. Вечером устроим маленький семейный праздник — там и побеседуем.

— Извини, дорогой, но это невозможно.

— Почему? — изумился Брендон. — В казне закончились средства?

— Не иронизируй. Твой отец, Хорин Атир, умер.

Мне показалось или Рэйна старалась побольнее ударить Брендона? Сдается мне, не так сообщают о смерти отца любимому человеку… Брендон рухнул на колени и закрыл лицо руками. Рэйна не шелохнулась. Вчера вечером Брендон сказал, что его не зря забросили ко мне на кухню, в глубокое прошлое, что он кому-то мешал. И вот… Стоп.

— Отчего он умер? — спросила я Рэйну, предельно вежливым и отстраненным тоном.

— Инфаркт., - она эффектно повела плечом, отчего одна из удерживающих темно-зеленое одеяние бретелек почти соскользнула. — Возможно, на него так подействовало исчезновение сына. А может, просто возраст.

Что-то здесь не то, твердила я себе. Не верю я, что отцом молодого Брендона — на вид ему нет и тридцати — был древний старец.

Брендон вырвал из земли пучок изумрудной травы, его правильное лицо было перекошено страданием. Между нами стояла его ослепительно красивая невеста, и я не смела даже дотронуться до Брендона. За всем свысока и безмолвно наблюдало бледно-желтое небо без единого облачка.

— Веди себя достойно, Брендон, — безжалостно произнесла Рэйна. — Я разделяю твою скорбь, но… Император умер, да здравствует Император! Встань, правитель Межгалактической Империи не может валяться в грязи.

Ноги мои подкосились. К такому обороту меня никто не подготовил, я, конечно, догадывалась, что Брендон не простой смертный, разговоры о Доме Атиров и тому подобном наводили на определенные мысли, но чтобы так! И что мне теперь полагается делать? Припасть на одно колено и поклясться в верности моему повелителю? Мне стало стыдно. Кем бы он ни был, Брендон оставался человеком, убитым горем. А Рэйна устроила из трагедии шоу…

Брендон встал, отряхивая колени.

— Ты права, Рэйна. Скорбеть следует в одиночестве.

От металла в его голосе по коже пробежали мурашки, пусть я и понимала, что он предназначался не мне.

— Извини, Ирина. Если бы я знал, что так получится…

Я собрала все оставшиеся силы, чтобы покачать головой. Разумеется, ты не мог знать, что где-то по дороге я влюблюсь в тебя, что встреча с твоей невестой будет, мягко говоря, неприятной неожиданностью, что меня настолько шокирует вид обломков планеты Земля, ты даже не мог знать, что уронишь табуретку в моей кухне…

Дворец был снежно-белым, белее, чем кожа Рэйны. И светлее рождественских снов самого раннего детства. Он был цвета сказки. Вокруг него росли удивительные деревья, совсем неземные, но оттого не менее красивые. А изнутри дворец отдаленно походил на Эрмитаж — высокие лепные потолки, скульптуры и картины. И покой. Еле заметно сновали фигуры в белых одеждах. Брендон взмахом руки подозвал одну из них, юную девушку, младше меня, стройную, как ивовый прутик.

— Это Тайли. Она будет помогать, и охранять тебя.

Я окинула Тайли оценивающим взглядом. Наивные голубые глаза и облако светлых волос. С помощью ясно, без нее я элементарно заблужусь, но вот охрана! Да этого ребенка самого оберегать нужно!

— Тайли, — продолжил Брендон. — Проводи Леди Калли в апартаменты Леди Атир.

— Брендон! — вскипела Рэйна. — Что это значит?!

— Лишь то, что залы для гостей вскоре будут заняты в связи с предстоящей инаугурацией, а комнаты моей матери пустуют. И еще, — он обернулся ко мне. — Для всех ты здесь — Леди Калли, после я тебе все объясню. И, Рэйна, я полагаю, ни к чему вдаваться в подробности прошлого Леди Калли. Кроме семьи, оно никого не касается.

Глаза Рэйны были цвета бушующего моря.

— Милый, меня бы очень обрадовал рассказ о деталях твоего спасения.

(И меня!)

Брендон отмахнулся, как от назойливого насекомого.

— Позже, Рэйна, позже! Ты позволишь мне попрощаться с отцом или будешь досаждать мне своей идиотской ревностью?! Считай, что Леди Калли — моя сестра, и отношение мое к ней — соответствующее.

Я решила, что мне здесь больше делать нечего — никогда не любила семейные ссоры — и дотронулась до плеча Тайли. Она

кивнула и увлекла меня вглубь дворца.

Апартаменты были очаровательны. В углу гостиной бил маленький фонтанчик, наполняя помещение дивным ароматом весеннего леса. У дальней стены разместился белый рояль, точнее — сильно похожий на него инструмент. И изумительно красивая мебель, просто не верилось, что сейчас черт знает какой год, все было милым и домашним, вполне соответствующим моей современности. У комнаты было две двери, правда, открывались они, как и на звездолете, но к такому я уже привыкла. В принципе, пока со мной не происходило ничего необъяснимого, сказала я себе, поднося руку к одной из стен, может, у меня просто разгулялась фантазия?

Спальня встретила тихим, но отчетливым шипением. Я вскрикнула и отпрыгнула назад.

Тайли улыбнулась.

— Это, наверное, Миара, любимица Сэра Брендона.

Ирочка, ты трусиха и истеричка. Бояться совершенно нечего. Я заставила себя войти внутрь. За огромной кроватью с балдахином сидело пушистое существо и шипело.

— Кошка?!

— Да, — удивленно ответила Тайли. — Кошка Сэра Брендона. С тех пор, как он исчез, мы нигде не могли ее отыскать. Не понимаю, как она тут оказалась? Вряд ли ее кто-нибудь принес — она никого, кроме Сэра Брендона, к себе не подпускает…

Совсем никого? Ну, это мы еще посмотрим. Безумно люблю представителей славного семейства кошачьих. Так, Миара — по-нашему Мурка. Поискав в певучем языке Брендона что-нибудь подходящее (безрезультатно), я присела на корточки и позвала ее по-русски:

— Кис-кис-кис…

И протянула руку.

Дымчато-серое пушистое тельце перестало шипеть, потом осторожно подошло и лизнуло большой палец. Шершавый язычок приятно щекотал. Через минуту я сидела на кровати с Миарой на коленях. Маленький комочек меха и тепла размеренно мурлыкал от удовольствия.

Тайли смотрела на меня, словно на нового мессию.

— Как у вас получилось, кошки ведь не поддаются магии?

Я пожала плечами. Как я могла ей объяснить, что за миллионы километров и сотни лет от дома я нашла родственную душу?

— Так вот ты где! — раздался громовой голос.

Надо мной стоял Брендон Атир, и обращался он, по всей видимости, к кошке. Я же теперь только предмет интерьера.

— Маленькая изменница! Чем ты ее очаровала?

— Меня уже спрашивали. Я не знаю.

Миара подняла голову, мяукнула (наверное, в знак приветствия) и свернулась поудобнее, посапывая и выпуская коготки. Тайли куда-то испарилась и на долю секунды я позволила себе размечтаться: вот он наклоняется, и… Порыв прошел. Брендон возвышался надо мной, будто отвесная скала — недостижимый и суровый.

— Я хотел пригласить тебя прогуляться перед ужином. Покажу тебе закат.

— Брендон… А как же твой отец?

— Я видел его тело. И уверен, что он умер не от инфаркта. Но не будем сейчас об этом, хорошо? Вы принимаете мое приглашение, Леди Калли?

— Конечно, но только если вместе с ней, — я показала на кошку. — Мы ведь не можем бросить ее здесь одну.

Он засмеялся.

— Если ты хочешь. Но она и без нас не пропала бы.

Легкий воздух уже наполнили вечерние тени. Небо теперь было густо-лимонного цвета, а верхушки невесть откуда взявшихся облаков золотил тонкий луч солнца. Над миром повисла одуряющая тишина. Внезапно тишину прорезал звонкий мелодичный голос — какой-то пернатый певец вещал о безмятежности и покое. От порыва теплого ветерка зашепталась листва деревьев, чуть слышно и натяжно жужжали насекомые.

Закат набирал обороты. Огромный огнедышащий диск залил участок неба алыми сполохами. Где-то глубоко в саду птица громче и громче пела о бескрайних просторах, о новых мирах… В воздухе плыл запах незнакомых мне цветов. Я взглянула на дворец — от его белизны не осталось и следа, он был весь золотисто-оранжевым и сверкающим.

Небо вдруг налилось сочным оранжевым светом, воздух вокруг меня был оранжевым… Не хватает только рубинового дракона, всколыхнулась мысль. Светило скатывалось за горизонт, отбрасывая последние багряные вспышки. Трель птицы, стремительная и невообразимая, оборвалась на середине ноты. Невозможно оранжевое небо величаво нависало над нами.

Прямо там, где несколько минут назад горел огромный солнечный диск, зарождалось маленькое северное сияние — я видела такое в детстве под Лабытнангами… Оно разрасталось, заполняя небосклон искрами неоновой рекламы. Порывы ветра колыхали сияющее покрывало, переливающееся и струящееся в

вечерней полудреме… И опять не раздавалось ни звука — природа засмотрелась на феерическое светопредставление. Этот восторг длился считанные минуты, а потом иссыпанный блестками свод начал меркнуть.

Похолодало. Неслышной поступью к нам подкрался вечер.

— Ах, — только и смогла вымолвить я.

— Результат ионизации воздуха и примесей инертных газов в атмосфере, — прокомментировал Брендон. Его глаза вдруг блеснули. — А хочешь, покажу настоящее волшебство?

Я недоверчиво кивнула.

— Смотри, — он показал наверх. Прямо над моей головой пролетала птичка (или насекомое-переросток, сгущающиеся сумерки скрадывали очертания) пронзительно-голубого цвета.

С руки Брендона сорвалась искорка — птица зависла.

— … - Сказала я на чистом русском нелитературном языке.

— Что? — не понял Брендон.

Я собралась с мыслями. Хороший вопрос.

— Это непереводимая игра слов. Приблизительно означает полное непонимание происходящего.

Передо мной стоял властитель великой Межгалактической Империи и ухмылялся. У меня неожиданно родилась идея — чем я хуже местных волшебников?..

— Научи меня, Брендон. Будет, что внукам показать…

Император посерьезнел. Он взмахнул рукой, и птица продолжила свой полет, как ни в чем ни бывало.

— Боюсь, у меня нет времени. Официальная церемония со всеми из нее вытекающими… Я ведь к этому не готов. Знаешь, мне нравилось быть наследником престола — да, я много учился, но всегда мог сорваться на «Страннике» с Тиором к звездам. У меня была свобода, пусть мимолетная, но свобода, а теперь…

Он покачал головой.

— Ты справишься, — я постаралась придать голосу убедительности. — Ты готов уже многие годы, твои сомнения подтверждают это. Стремись ты к власти, честолюбие погубило бы и тебя, и Империю. Просто все обрушилось на тебя слишком неожиданно. А свобода… Она цена реальной власти, хотя и относительная — ты всегда сможешь выделить пару дней для себя.

Мне было не по себе. Кто я такая, чтобы учить Брендона? Корреспондент русской версии журнала «Вог»? Да уж, знаток человеческих душ и политических систем! Я об этой-то могу достоверно только одно сказать — победы коммунизма во всем мире не случилось. Но на Брендона мои вялые доводы, как ни странно, оказали воздействие. Его лицо посветлело и

разгладилось, он даже улыбнулся.

— Ты хороший друг, Ирина. Страшно представить, мы запросто могли и не встретиться с тобой. Спасибо тебе.

Прекрасно, сестра, друг… Что на очереди? Хотя, право, на предложение от Брендона руки, сердца и какой-нибудь Галактики, рассчитывать было бы глупо. Рядом с восхитительной Рэйной, ты, милая, больше всего напоминаешь Человека-Невидимку, в лучшем случае играя роль неброского благоприятного фона. Все, чем ты обладаешь — это легкая аура необычности. И здесь ты — абориген из каменного века, демонстрирующий некоторые проблески ума и логики.

Я и правда ощущала себя в мире Брендона питекантропом в научной лаборатории.

Миара сонно зашевелилась.

— Ты не устала ее держать? — поинтересовался Брендон.

Я отрицательно покачала головой, прижимая мягкий комочек к сердцу.

— Наверняка нас уже ждут. Да и ты должна бы проголодаться.

— Есть немного, — подтвердила я.

Обратно мы шли молча, погруженный каждый в свои мысли. Мне столько всего хотелось узнать, но Брендону сейчас совершенно не до меня. Прямо перед дверьми он сказал:

— Ирина, поговори с Тайли. Она научит тебя всему, чему сможет.

Я как-то не сразу поняла, о чем он, но вспомнила зависшее в воздухе крылатое и кивнула.

В спальне меня ждало маленькое чудо — изумительное платье цвета морской волны, все искрящееся и воздушное. Я бережно опустили Миару на постель и приложила платье к телу. На стене привычно засверкала зеркальная гладь. Оно мне безумно шло — цвет сочетался с глазами, плавные линии скромно замалчивали об угловатостях, подчеркивая немногочисленные достоинства фигуры. Я впала в грех самолюбования, воображая себя сказочной феей.

Сзади мягкие кошачьи лапки чем-то зашуршали. Я невольно обернулась. Киска теребила лист бумаги. На поверку это оказалось не совсем бумагой, химический состав я разобрать не смогла, но не суть, мне было жутко любопытно, что там написано. Так, алфавит на основе латиницы, значит, текст для меня труда не составит, учитывая знание устной формы языка.

— Нет! Леди Калли, не читайте!

Тайли подбежала ко мне и выхватила лист из внезапно похолодевших пальцев.

— Смотрите.

Она занесла руку над текстом, и буквы искорежились, поплыли, на мгновение над ним материализовалась объемная голова монстра, сверкнула ядовито-желтыми глазами и втянулась внутрь. Лист вспыхнул. Тайли вскрикнула и выронила его из рук. Он медленно опустился, полыхая нереальным фиолетовым пламенем. Миара громко зашипела. Лист съежился, догорая, и исчез. На полу не осталось ни малейшего следа, ни горстки пепла…

Миара исступленно шипела, выгибая спину. Я вышла из ступора и начала осторожно гладить кошку, стараясь ее успокоить.

— Вас пытались убить, Леди Калли, — обреченно произнесла Тайли. — И это был человек, знающий ваше первое имя. Без него невозможно составить Послание Смерти.

— Так вот что значила ерунда насчет того, что для всех я — Леди Калли, — пробормотала я. Мозг понемногу отходил от шока, но мыслительный процесс протекал тяжко и заторможено. Мысли путались, сливаясь в вязкую желеобразную массу.

— К сожалению, это не ерунда, — не согласилась Тайли.

— Конечно, нет… А еще здесь сжигают волосы и ногти, — бездумно добавила я.

— Откуда вы знаете? — удивилась девушка.

— Метод дедукции.

Из несвязного клубка мыслей вытекло простое понимание: как меня зовут, на всей планете знают только Брендон и его очаровательная невеста.

Но зачем Рэйне понадобилось меня убивать?..

Смятое платье лежало на кровати, как блестящая обертка от несбывшейся мечты. Я не пошла на ужин, сославшись на простуду. Так я заработала примерно неделю на размышления в относительной безопасности.

«Логика — смирительная рубашка фантазии», — сказал Хельмар Нар. По мне сейчас плакала хорошенькая палата с мягкими стенами и дюжиной крепких санитаров. Мой мозг, массовик-затейник, разгулялся вовсю, устраивая безумную оргию на развалинах моего разума. Тогда я еще не знала, что действительность окажется значительно сильнее того, что я себе нафантазировала.

Послание Смерти могли отправить для того, чтобы

подозрение пало на Рэйну, Леди Ивер вообще не настолько глупа и импульсивна, она бы обдумала возможные последствия. В конце концов, есть еще Тиор Райли, хотя уж ему-то я точно ничего не сделала… Но, сдается мне, Рэйну я обвиняю во всех тяжких по большей части из ревности.

— Вы должны уметь защитить себя, Леди Калли.

Я недоуменно изогнула брови. Тайли, детка, уроки самообороны мне поздновато преподавать, посмотри на меня, где я и где спорт?! А если…

— Ты права, Тайли, — ответила я. — Начнем?

Дни с 4-го по 11-й.

Отчего-то я легко приняла это совершенно новое учение — учение, которое перевернуло весь мой миропорядок, если было еще, что переворачивать…

— Окружающая нас среда наполнена потоками энергий, — объясняла Тайли.

Она положила руки на мою голову, и комната преобразилась. Воздух вокруг меня пронизывали летящие струи разных оттенков от густо-синих до золотисто-голубых. Я почувствовала себя маленьким ребенком, оставшимся без присмотра — неуютно, страшновато, но здорово.

— Темные потоки, — продолжила девушка, — используют для таких вещей, как Послание Смерти. Собрав довольно большую концентрацию этих потоков и направив на определенного человека, можно его убить. К счастью, на такое способны единицы во всей Вселенной. Основная масса людей их почти не воспринимает, сталкиваясь с ними лишь в виде головных болей и депрессий, когда подолгу оказываются под их воздействием. Светлые же служат для всего остального. Они — наша Сила. Вот, глядите.

Один из искрящихся потоков закружился в маленький вихрь и поднял с подноса желтоватый фрукт, эдакую помесь киви с персиком, донес до меня и опустил мне на колени. Потом распрямился и понесся дальше.

— Самое сложное — научиться видеть эти потоки без посторонней помощи и управлять ими усилием мысли.

Если я все правильно понимаю, Тайли раскрывает мне реалии черной и белой магии.

— А один человек может пользоваться обеими Силами? — спросила я.

— Может, — согласилась она. — Но только очень сильный и

достаточно опытный маг. У среднего человека возникает нечто сродни привыканию.

Так, ясно, пользователи бывают разные, бывают чайники, а бывают и юзеры. Тут я сообразила, что вокруг нет привычных механических спутников человека — компьютеров и сотовых.

Я спросила об этом Тайли. Она убрала руки с моего затылка. Комната померкла, схлопнулась в свое обычное состояние.

— Компьютеры используют на звездолетах и в научных исследованиях. Причем используют очень осторожно, по одной из версий, когда произошла Катастрофа на Терре, сеть компьютеров США дала сбой, в результате было выпущено гораздо больше ядерных боеголовок, чем предполагалось. Китай дал адекватный ответ. А то, что вы называете сотовыми телефонами, очень модифицировалось и применяется сейчас, только не на Консуле I. Понимаете, из-за резиденции Императора это закрытая планета.

Я слушала ее вполуха. Чудно, самые сильные державы к двадцать шестому столетию — Китай и Америка. Россия — большой сырьевой придаток. Почему-то это известие задело меня даже сильнее, чем напоминание о гибели всего живого на Земле… Видимо, поздно и беспричинно проснулся мой патриотизм.

И тут что-то произошло, я даже не поняла сразу, что именно. Прозрачный воздух прорезал бирюзовый луч, потом еще один и еще… В рисунок вплелись и темно-синие полосы.

— Тайли? — отчего-то шепотом позвала я.

— Да?

— Скажи, ты ничего не делала? Э-э… с этими потоками — я снова их вижу…

Девушка улыбнулась.

— Нет, я здесь ни при чем. Я знала, что у вас получится, Леди Калли, у вас огромный потенциал.

Я смежила веки, стараясь расслабиться. Конечно, отступать уже некуда, но для одной маленькой меня консистенция событий малость чересчур. Оказывается, не зря моя первая любовь звал меня ведьмой.

— Думаю, на сегодня хватит, — сказала я.

Когда я открыла глаза, мир обрел нормальный вид. Вот и славненько, так гораздо спокойнее.

Неделя пролетела, как секунда. Такого нервного напряжения мне прежде испытывать не приходилось. Ежедневно до, после, а иногда и вместо еды я упражнялась с Тайли. Она втолковывала мне такие вещи, от которых у меня периодически все волосы

дыбом вставали. Ярче всего мне запомнилась сиреневая с серебряным бабочка в качестве примера невозможности реального уменьшения материи. Я долго хлопала ресницами, особенно узнав, что никакого превращения не было, Тайли просто ушла в один из потоков энергии, по сути, укуталась им, а бабочка была лишь милой иллюзией. Из вышесказанного я сделала вывод, что огромный горбатый мужик не предстанет передо мной в образе худенькой девочки или младенца, но он запросто может оформить себя под бегемота. Увеличение массы достигается преобразованием Силы в материю, причем этот процесс обратим. Для зрелищности она на минутку стала двухметровой гориллой. Я поморщилась. Обычно она выглядит лучше, да и запах…

Кроме того, добавила она, можно создать долговременную иллюзию чего бы то ни было, любого размера, но опытный маг сразу раскусит подделку. Зато это чрезвычайно увлекательное занятие, а уж как весело!

Миара покинула нас на третий день, впрочем, я ее не осуждаю, мало кому понравилось бы с минутным перерывом оказываться то в печке, то в морозильнике. Не надо думать, будто я издевалась над животным, просто Тайли учила меня управлять температурой. В итоге сначала мы ощутили порцию полярной зимы, думаю, где-то минус сорок-пятьдесят по Цельсию — стены покрылись инеем, дышалось тяжеловато, из ноздрей валили густые клубы пара, а потом я решила исправиться и подогреть помещение. Теперь я знаю, как живется бабуинам в Африке. К чести Миары, она выдержала и это, ее терпение иссякло, лишь когда я случайно устроила пожар, а Тайли, испугавшись, принялась тушить его комнатным тропическим ливнем.

В этот день хоронили Хорина Атира. Я чуть было не прервала свое заточение, но Тайли тонко дала понять, что женщины там лишние. Поздно вечером, наедине с подушкой, я долго не могла уснуть, пытаясь придумать, как же мне разузнать об обстоятельствах его смерти…

После завтрака всегда был десерт из полезных советов. Неуч Калинина не могла контролировать долю расходуемой энергии и сдуру запускала весь поток. Это выглядело примерно как мытье кружки в Ниагарском водопаде — однозначно глупо.

А еще были книги: не бумажные, материал был намного прочнее, но прототип сохранился. Только толщина фолиантов значительно превышала привычные — очень уж они были громадны. Этими-то томами я и занималась все свободное от «практики» время, с того момента, как при помощи Тайли разобралась с письменной формой языка.

Периодически мы развлекались: играли в бадминтон без

ракеток, жонглировали мелкими предметами, случайно попавшими в поле зрения — естественно, не применяя рук, изредка прерываясь, чтобы попарить в широких бодрящих потоках под потолком, заряжаясь энергией. Тайли объяснила мне, что человеческое тело — полупроводник, правда, слабенький, но подавляющее большинство и вовсе использует его как элементарный механизм. Я хотела было развить тему, но не стала, не мои это проблемы. К тому же, потом меня обязательно потянуло бы на философские рассуждения о том, что в моей современности и тело, и мозг служат человеку средствами получения наслаждений и богатства, а Отца, Сына и Святого Духа заменили Власть, Секс и Деньги.

А следующим утром наше уединение нарушили. Я как раз вынырнула из небольшого бассейна, служившего здесь ванной, вся разомлевшая от гидромассажа. На Земле я не могла позволить себе ничего подобного, потому отрывалась сейчас, по два раза на день, не вылезая оттуда по часу. Я едва успела натянуть платье, как столкнулась с ангелом. Говорить о Тоде иначе просто нельзя, и не влюбиться в это светловолосое дитя, глядящее огромными голубыми глазами прямо в душу — тоже. Он был младшим братом Тайли, о котором она избегала говорить, и, казалось, украл у нее красоту, в нашем мире он запросто стал бы фотомоделью через несколько лет.

— Леди такая красивая! — воскликнуло небесное создание, и я растаяла окончательно.

— Меня послал Сэр Брендон, чтобы узнать, как вы себя чувствуете и сможете ли присутствовать на ина… ине… — инаугурации, вот.

Ну Брендон, ну подлый трус! Знал же ведь, что его самого я к порогу близко не подпущу, и потому подослал вместо себя этого херувимчика! И когда он успел так меня изучить? Спокойно, Ирочка, ребенок ни в чем не виноват, будь с ним поласковее. И я мило-мило улыбнулась.

— Передай ему, пожалуйста, что мне лучше, и я ни за что не пропущу такого события, но до него побуду здесь с Тайли, возможно, инфекция еще не прошла.

Прости, Брендон, но, если не хочешь нарваться на ложь, не задавай идиотских вопросов.

— Хорошо, Леди Калли, я все ему передам, — ответил ангел и выпорхнул из комнаты.

Тайли была как-то грустна.

— Что случилось? — спросила я, присаживаясь на краешек постели.

— Тод, — смущенно сказала девушка. — Наше семейное

огорчение. Он был очень перспективным ребенком, в полгода над его кроваткой летали игрушки, а он лежал и смеялся. Его мастерство крепло, а потом что-то случилось, и он потерял разом все способности, исчез даже его магический фон… Мы долго надеялись, что это временно, но напрасно. Сейчас ему десять, и мы понятия не имеем, кем он станет, когда вырастет.

Она печально вздохнула. Да уж, не повезло парню. У нас он стал бы звездой.

— Может, стоит еще подождать, а не опускать руки?

Тайли пожала плечами.

— Возможно. Давай работать, осталось не так много времени. Сегодня ты проникнешь в чужой разум.

Сказать, что это было сложно — ничего не сказать. Когда все закончилось, я стояла на коленях и держалась за столик. Но теперь я знала Арну Тайли лучше, чем себя, и была бесконечно благодарна за ее доверие. Это было море нежности и доброты, но я поклялась, что никогда вновь не решусь на такое — ибо к душевности были примешаны боль, отчаяние, страхи и одиночество, муки неразделенной любви — и меня не порадовало знание героя ее снов… Ах, Брендон, сколько же сердец ты разбил?

Со лба тяжелыми каплями скатывался пот — с трудом формировалось новое понимание: я теперь совсем другой человек. По моим критериям нормальности события последних дней были абсурдными, просто бред умалишенного. Но это… Я перешагнула невидимую черту, разделяющую обычного человека и… мага? ведьму? пред-бога?.. Хотя с последним я несколько погорячилась. И еще (тут же, на мне) Арна показала, как оживить мертвого — или почти мертвого человека. А так ли уж сильно я, собственно, погорячилась?.. Конечно, я ограничена предрассудками моего времени, пару недель назад я априори отрицала телекинез и прочие Невозможности, сейчас же я совершаю их сама… Правда, я еще только учусь…

— Теперь ты мне — сестра, — задумчиво произнесла Арна.

Где-то я это уже слышала… Тело бурлило энергией, подаренной Тайли, а душа тихо постанывала, вновь и вновь переживая вторжение в другую душу. И ужасное моральное истощение. Я решительно переступила через себя.

— Я хотела бы ответить тебе тем же, Арна.

В ее глазах мелькнуло сомнение. В чем? В моей искренности?.. Вряд ли, Тайли выше этого.

— Я не могу, — покачала головой она.

Мой вопрос остался незаданным.

— Почему? — продолжила она за меня. — В вас нет притворства, Леди Калли.

— Я резко взмахнула рукой.

— Ирина. Я не могу быть Леди для сестры.

— Не нужно было этого делать, — сказала она. — Но и изменить уже ничего нельзя. Спасибо, Ирина. Но я не договорила. Я не могу проделать слияние в обратном порядке, потому что твой мозг блокирован. Я пыталась провести легкий анализ. Прости, но мне стало любопытно, отчего так бесится Леди Ивер.

— Ничего, на твоем месте я поступила бы также. Наверное.

Я призадумалась. Интересная получается история. Откуда взялся блок, мы уже не узнаем. Но я же, по словам Тайли, незавершенный маг, Творец Невозможностей, недосформированная жемчужина. Что, кстати, лестно, но сомнительно. Чем отличаются Творцы от простых магов? Резервом, способностью оперировать гораздо большим количеством потоков Силы одновременно, и — гвоздь программы — воображением. Творцу по силам вообразить нечто, не имеющее аналогов в окружающем мире, и воплотить это нечто в реальность. Как сказала Тайли — мне предстоит ощутить разницу, я непременно перешагну разделительную черту, а объяснять «на пальцах» — только тратить время. Я сама не вполне разобралась, если честно, ну да неважно, на эти мои мифические таланты мы и спишем закрытость моего рассудка. Однако, приятно знать, что никто не вломится в твои мысли без спросу.

Это был неспокойный сон. Я брела сквозь густой туман, с трудом переставляя ноги. Часть моего сознания знала, что я сплю, но другая… Я не понимала кто я, где я, только чувствовала, что надо идти сквозь этот липкий туман, окутывающий и тело, и разум. Кто я? Казалось, чьи-то тонкие цепкие пальцы хватают меня за ноги, тянут назад, в неизвестность, но ведь там, впереди, то же самое. Почему мне так нужно туда? Спешить, спешить или встретишься с темными всадниками, спешить…

Кто я?..

В памяти кружил только сизый туман. Там, позади — бездна, из нее не выбираются. Откуда я это знаю? Кто такие темные всадники? Спешить, спешить! Едкий и тихий смех — смех звучит из тумана, от него кожа покрывается противными пупырышками. Сквозь туман почти не пробивается свет, я подношу руку прямо к глазам и не вижу ее.

Кто я?!!

Я проснулась. Надо же, какая хрень привидится. По правилам жанра я сейчас должна найти на подушке пятидесятирублевую купюру с припиской: «Спасибо, дорогая, ты была великолепна!» И

подпись — от создателей «Матрицы» и «Звездных войн». Но, несмотря на эту браваду, я тихонько вздрагивала, хотя в комнате было тепло. И что самое неприятное, я почти наверняка знала, что значит этот кошмар: дни, проведенные с Тайли, не прошли даром. Только что на мне испытывали старый, верный гипноз. Кто-то выловил частицу моей души (или что там у меня вместо нее), блуждающей во сне, и втемяшил ей, что она вернулась с того света. Однако какая метафоричность — бездна, туман и темные всадники. Да, люди вообще отличаются нелогичностью мышления. Ох, чувствую, не выдерни я себя из этого поэтического транса, сойти бы мне с ума. Правда, могли меня просто попытаться запугать до полусмерти. Надо отдать должное моему неведомому противнику — ему удалось, трясет меня до сих пор до самых косточек. Нет, Ирочка, если после всех извращений, которыми ты в последнее время занималась, в тебе осталось-таки что-то человеческое, то это однозначно трусость.

Я принялась выравнивать дыхание, успокаиваясь, и с полнейшей отрешенностью осмыслила, что мне нравится эта странная, а порой и страшная жизнь.

Беззвучно отворилась дверная панель, пропуская Арну Тайли. Она взглянула на меня, нахмурилась, быстро прошла через спальню. Вскинула руку и часть стены отошла, обнажая прямоугольник окна. Арна задумчиво потерла подбородок и начертила указательным пальцем в воздухе вертикальную полосу. Прозрачный стеклопластик нырнул в специальную нишу, в комнату хлынул свежий воздух с причудливой смесью запахов трав и цветов. Где-то в глубине сада, опоясывающего дворец, щебетало пернатое.

— Ты бледна, — озабоченно сказала Арна. — Что случилось?

Я скосила брови в сторону окна.

— Не волнуйся, никто ничего не услышит. Я установила звуковой барьер.

Я сфокусировала иное зрение. Все правильно, помещение опутано искрящейся паутинкой. Надо хоть иногда думать, это экономит себе и окружающим массу времени.

Вкратце поведала я о своем кошмаре, присовокупив свои соображения о целях его визита в мою голову.

— Похоже, ты кому-то сильно не по нраву, сестра.

— Да, — согласилась я. — Вопрос в том, кому я могла помешать, кроме Леди Ивер.

— Леди! — фыркнула Арна. — Она такая же Леди, как и я! Дочь кухарки и низшего телохранителя. Только Алан Ивер однажды спас жизнь Императору, в принципе, выполняя свои служебные обязанности, а Сэр Хорин вдруг расчувствовался и

присвоил ему титул Лорда, и поклялся, что дочь Алана, тогда милая крошка Рэйна, станет Императрицей. Правда, подробностей я не знаю, мне тогда года два было, историю я тебе передаю со слов матери.

— То есть Брендона никто не спрашивал? — удивленно спросила я.

— Ему тогда было лет десять, девочки его меньше всего волновали, а тем более шестилетняя Рэйна. А она, может, и выросла бы нормальным человеком, но ее избаловали сверх меры, как же — будущая властительница, вот и получилась из нее высокомерная эгоистка.

От кого-кого, а от Арны я такой язвительности не ожидала. Даже я до подобного не доходила, всегда отыскивая положительные стороны в Рэйне.

— Ладно, Арна, не будем о грустном. Давай продолжим наши занятия.

Раздражение сошло с лица девушки, уступив место серьезности.

— Честно говоря, я не знаю, чему тебя учить. Тот объем знаний, который ты поглотила за последние дни, мы получаем за несколько лет. И ты усвоила его с такой легкостью, будто занималась этим всю жизнь, а со мной просто упражнялась, разгоняла застоявшуюся кровь. Не верь я тебе, решила бы, что ты со мной играешь. Но… ты парадоксально невинна и мудра. И ты во сто крат сильнее меня… хотя и не подозреваешь об этом.

Она замолчала, шумно выдохнув в конце последней фразы. Я не стала торопиться с ответом, зарыв лицо в ладонях. Потом подняла голову и мысленно вызвала зеркало. Оно материализовалось уже не на стене, а прямо передо мной. В воздухе. Серебряным надменным взглядом оно смотрело мне в самое сердце.

А внешне ничего не изменилось: не слишком большие голубо-зеленые глаза на милом, но вполне обычном лице, светлые пепельно-русые волосы, торчащие в разные стороны, тонкая, полупрозрачная кожа, худенькие плечи… Не похоже это бледное существо на всесильного чародея! В глубине черных, как безлунная ночь, зрачков на мгновение блеснули золотистые искорки. Или мне показалось?

— Что ж, тогда займемся повторением, — сосредоточенно сказала я. Мысленно приказала зеркалу убираться к черту. Оно схлопнулось, как-то укоризненно сверкнув. — Будем оттачивать мастерство.

На языке вертелось незаданное: кто я?..

Фантастика! Восторг! Феерия!
Кажется, я забегаю вперед…

> *И пришел Арагорн к Главному Врачевателю, и спросил:*
>
> *— Есть ли у вас целема? И учтите, мне все равно, где ее называют ацелас, а где — марихуана…* [2]

О чем это я? Вспомнится же… Самое противное, что это даже не я придумала… Так, сейчас я приведу мысли в порядок, и все будет.

Последний день перед инаугурацией мы с Арной предавались блаженному ничегонеделанью. Ели, пили, играли в шахматы и болтали на чисто женские темы. Между прочим, Господь Бог на седьмой день сотворения мира тоже взял отгул.

В сам великий день мы занимались только одним — мной. Брендон прислал восхитительное платье, и мне хотелось быть его достойной. Оно начиналось на правом плече, оставляя открытыми руки, мягко обтягивало талию и бедра, ниже сужалось и, не доходя до колен, разверзалось водопадом шелковых складок. Шелк был цвета жидкого золота. К нему прилагалось прозрачная и невесомая накидка с длинными рукавами, обрывающаяся под грудью. Малейшее движение рождало переливы золотистых искр.

Почти час ушел на макияж, зато личико получилось прелестное. Потом я уложила волосы, а Тайли вплела в них золотые нити. Затем было художество — я разрисовывала ногти: на обязательном золотом фоне на безымянных и указательных пальцах порхали маленькие черно-серебряные птички, а на остальных вились причудливые растения. Арна нарисовала на моем левом плече лиану и птичку над ней. Но в полный восторг меня привели туфли — элегантные золотистые лодочки на высокой (сантиметров десять) шпильке. Никогда бы не подумала, что в столь далеком «будет» сохранится этот атрибут классического женского туалета. В завершение Арна облила меня одуряющими, чуть горьковатыми духами.

— Это было страшное время, — вещал невидимый оратор. — Страшное, но великое. Еще жива была память о Катастрофе, еще не зарубцевалась рана. И когда возникла новая угроза, Гектор Атир сумел сплотить человечество, основав Империю. Благодаря этому великому человеку мир был спасен, планеты обрели связь, а Вселенная достойного правителя. Криоги нанесли нам ужасный

удар, погибли многие планеты, погибла Терра. Но человечество выжило, и Гектор Атир доказал необходимость сплоченности и сильной единой власти. Мы не забыли урока. Сегодня на трон, воздвигнутый первым Императором, взойдет потомок Гектора Атира, сын Хорина Атира, Брендон Атир. Император умер, да здравствует Император!

Тронный зал взорвался рукоплесканиями.

Он был красив, как бог. Как языческий Аполлон древней Греции. Я восхищенно-влюбленным взглядом следила за каждым движением Брендона, пока он приближался к трону. Нет, все-таки он привлекательнее Аполлона, хотя бы потому, что со вторым я лично не знакома. Брендон был весь в белом, как олицетворение чистоты и рассвета. В паре метров от меня сидела Рэйна, удивительно, что я не заметила ее раньше. Вызывающе броский фиолетовый наряд дополнял комплект из аметистов. Сейчас, глядя на увешенную, как новогодняя елка, драгоценностями Рэйну, я порадовалась, что отказалась от украшений Леди Атир, внимательно присланных Брендоном. Я обосновала отказ тем, что не ношу украшений (читай — побрякушек) — что было чистейшей правдой, но у меня под грудью сияло лучшее украшение — Звезда Атиров, Арна закрепила ее на месте золотой цепочки, скреплявшей края накидки.

Леди Ивер самодовольно улыбалась. Мне не хотелось портить себе настроение, и я отвела глаза. У подножья трона совершенно седой человек — распорядитель церемонии — опускал на голову Брендона платиновый обруч с большим треугольным бриллиантом, один угол которого был направлен на лоб Императора. Бриллиант обвивала спираль — символ бесконечности и постоянного обновления Вселенной, в которой ему предстояло править. Брендон взошел на трон, и тот мгновенно окутался голубоватым светом, создавая вокруг себя и сидящего человека сверкающий ареол. Брендон поднял голову, устремив взор ввысь, его примеру последовали все присутствующие.

Неторопливо раскрывался потолок.

В глубине беспробудной ночи рождалась Вселенная. *Эрини, дарин тамбирэ лои экбере, каррен ало`ниэн фанирис, аспем ниу канто* — воистину, мир причудливее и лучезарнее самых восхитительных фантазий, ибо он бесконечен. Создатели развернувшейся фантасмагории исказили истину лишь в одном — во времени. Между Большим Взрывом и нынешним днем прошло чуть больше получаса. Нет таких слов, чтобы доподлинно передать это зрелище, ни в иреа, ни в моем родном русском, вообще, ни в одном человеческом языке, потому любая попытка

пересказать происходившее изначально обречена на провал. Разворачивающаяся картина была до того реалистична и возвышенна, что захватывало дух. А в завершение над просторами сотворенного заново мира возник сотканный из света орел и обнял беспредельными крыльями всю маленькую Вселенную. По небу пробежала рябь, и на месте исполинской птицы разгорелся фейерверк.

Зрители пришли в восторг, тронный зал заполнили приглушенные вздохи и голоса. Да уж, пиарщики у Брендона знатные, приглашенные наверняка запомнят церемонию, кроме того, эта часть инаугурации транслируется на всю Империю, а продолжение — грандиозную великосветскую попойку — простым смертным наблюдать вовсе необязательно.

— Леди Калли, — грубо прервал мои мысли незнакомый баритон. Я изучающее оглядела его обладателя. Интересный мужчина лет сорока, в вихре русых волос пробивается седина, весь — лоск и высокомерие. Я молчала, этот самовлюбленный нахал только что нарушил правило местного этикета — мы не были представлены друг другу. Он чуть склонил голову и продолжил:

— Лорд Гейзел, проконсул Македонии. Вы позволите сопровождать вас, Леди Калли?

Он подставил мне руку. Так, понятно, высокородная толпа меняет место дислокации. Я кивнула, серьезно ответив:

— Позволю.

В конце концов, как названная сестра Императора, я вполне могла отослать его крайне далеко, к примеру, на маленькую Македонию. Во мне проснулась дерзкая землянка, известная в узком кругу редкостной вспыльчивостью.

Мы покинули тронный зал вместе с потоком разряженных людей. Я постаралась унять прилив раздражения, ведь не все подобны Рэйне и Лорду Гейзелу…

Мне удалось его отшить. О, не спрашивайте, каким образом! Мучительно-нудным… Но самое сладкое только еще начиналось. Мне предстояло познакомиться с обществом. Брендон был занят, посему приятная обязанность выпала на долю Рэйны. Отвращение я гасила алкоголем, наверное, из-за него большинство лиц слились в единую невнятную личину. Хотя некоторые запечатлелись довольно отчетливо, особенно Лорд и Леди Мэрлин (возможно, в связи с определенными аналогиями, хе-хе).

Они были приятными стариками, невероятно похожими и на удивление жизнерадостными. И еще среди их предков однозначно присутствовали африканцы — черные глаза улыбались сквозь морщинки молочно-шоколадных лиц.

Им удалось настроить меня на положительные эмоции, вернув ощущение праздника.

— Леди Калли, прошу вас.

Я подняла глаза. Нет, счастье долгим не бывает! Все тот же надоедливый Гейзел протягивал мне бокал. Рэйна стремительно улетучилась, пробормотав, что миссия ее окончена. Не люблю красное вино в частности и пьяных людей в целом, но сегодня придется напиться, чтобы выдержать общество этого человека.

— Не желаете ли фруктов? — елейным голосом спросил Лорд Гейзел. Его глазки шарили по моему платью, едва не выжигая дыр. Я холодно кивнула. И тут он решил повыпендриваться. Он занес руку над подносом, с него сорвался овальный красноватый плод и замер перед моим лицом. Меня захлестнула волна удушающей ярости — мгновенно взметнулась рука, со щелчком раскрылась ладонь, фрукт отлетел на место, а кисть Лорда Гейзела и весь рукав до предплечья покрылись инеем.

— Мама учила меня не разбрасываться пищей.

Я устремилась вглубь зала, успокаиваясь на ходу. В сущности, этот надутый слизняк не сделал мне ничего плохого, просто ему захотелось поразить воображение провинциалки незамысловатым фокусом. Ты, Ирочка, ему понравилась, он с тобой заигрывал, а ты… Зачем наживать себе лишних врагов, неужели мало имеющихся в анамнезе?.. На плечо опустилась сильная ладонь, и все мое смирение и человеколюбие тут же улетучилось. Убью!

Серые глаза улыбались.

— Я хотел пригласить тебя на танец, но, если ты не в духе…

— О, Сэр Брендон!

— И ты туда же? Сговорились вы все, что ли? Хотя после того, как Тиор припал на одно колено передо мной, я уже ничему не удивляюсь.

— Извини.

— Ничего, я просто устал и мандражирую. Кстати, что ты сделала с Тиором? Раньше он ни о чем, кроме «Странника», и не думал, а теперь все бредит златовласой красавицей из прошлого…

— Брендон, с каких пор в перерывах между управлением Империей ты подрабатываешь сводничеством?! Тиор Райли прекрасный человек, но он не в моем вкусе. Кажется, ты говорил о танце.

Он засмеялся. Нет, не может человек быть так умопомрачительно красив! «Красота — это вечность, длящаяся

мгновение», — сказал Камю, кажется, он говорил о ее непостижимости…

— Конечно. Пойдем, буду учить свою младшую сестренку танцевать.

— Старшую, Брендон, не забывайся. Между нами двадцать пять сотен лет.

— Очень неплохо сохранилась. Ирина, ты изумительно выглядишь.

Мне показалось или на меня упал потолок? Ушам своим не верю, он сделал мне комплимент! Закружилась голова — толи от вина, толи от радости, толи от танца. Взгляд чиркнул по ярко-фиолетовому платью, но никаких ассоциаций в связи с ним не возникло — так, платье и платье. В сущности, наплевать.

О боги, как хорошо!

День 13-й.

Рэйна требовала ускорить свадьбу. Это я поняла до того, как вошла в кабинет, куда меня срочно вызвали по приказу Брендона. Что еще можно подумать, когда тебя будят чуть свет и сообщают, что «Сэр Брендон и Леди Ивер ждут вас»? Даже обычной нелепой мысли — ну что им от меня нужно? — не возникло. Зато возникла другая — а я-то что могу сделать? Хотя об этом надо было думать раньше, когда Брендон в нарушение протокола провел весь вечер не со своей законной невестой, а с тобой, особой неизвестного происхождения. И какой вечер! Понятно, почему Рэйна чувствует себя оскорбленной.

Ее лицо было покрыто красными пятнами, судя по всему, это были отголоски недавней жесткой истерики.

— Извини, что разбудил тебя, — мягко произнес Брендон. — Но мне необходим твой совет, взгляд со стороны. Леди Ивер настаивает на проведении свадебной церемонии в ближайшее время. Я же пытаюсь объяснить ей неразумность такого поступка.

Я лихорадочно соображала. Что я могу сказать, чтобы невеста Императора не вцепилась мне в лицо, и чтобы это прозвучало убедительно?..

— Брендон прав, — наконец заговорила я, тщательно взвешивая каждое слово. — Это нецелесообразно. Церемония связана с огромными затратами, которые вкупе с затратами на инаугурацию станут просто гигантскими.

Я мельком взглянула на Брендона. На его лице было написано плохо скрываемое облегчение. Кажется, пока все правильно. Я продолжила.

— Кроме того, ни к чему будоражить Империю непрерывной чередой торжеств, это создаст Брендону плохую репутацию, а она особенно важна в начале правления.

— На самом деле, Рэйна, ты хочешь, чтобы я прослыл мотом? — присоединился Брендон.

— Вы что, за идиотку меня принимаете?! — завопила Рэйна. Прекрасные смоляные волосы больше всего напоминали спутанную конскую гриву, бездонные глаза метали молнии. Если бы взглядом можно было испепелить, нам с Императором даже не понадобились бы услуги крематория. Я сильно ошиблась — истерика была в самом разгаре.

— Дорогая, наша свадьба — событие давно решенное, разницы, когда она произойдет, нет никакой.

Брендон взглянул на меня. Ясно, моя очередь.

— Леди Ивер, Император в трауре по отцу, устраивать свадьбу сейчас было бы кощунством, не говоря уже об экономии средств налогоплательщиков.

— Вы оба, вы издеваетесь надо мной?!

— Рэйна, перестань. Я женюсь на тебе через год. Это последнее слово. Или ты намерена приказывать Императору?

Она нерешительно молчала. Брендон кивнул, поднимаясь с кресла.

— Вот и отлично. Да, и еще. Я думаю, Леди Калли хочет осмотреть планету. Я лично намерен ее сопровождать.

— Ты не посмеешь, — прошипела Леди Ивер.

— Не волнуйся. С нами будут телохранители, я не желаю давать повода сплетням. Не советую тебе спорить, а то Леди Калли может пожелать осмотреть всю Империю. Как ты думаешь, смогу я отказать человеку, спасшему мне жизнь?

Пятна на лице Рэйны приобрели бурый окрас и поползли вниз, к груди. Она выскочила из кабинета, с размаху хлопнув дверью.

— Мне кажется, ты зря с ней так грубо, — сказала я.

Брендон пожал плечами.

— Мы же пытались поговорить по-хорошему. Тебе повезло, что она выдохлась, и тебе не пришлось выслушивать поток оскорблений, весьма малоприятных. Я принял их на себя. Не переживай, все уладится.

В этот момент он был похож на мальчишку, прогуливающего школьные занятия, чтобы погонять с приятелями мячик во дворе.

— А как же Империя? У тебя ведь наверняка масса дел поважнее осмотра достопримечательностей.

— Я работал всю неделю за двоих, чтобы выделить немного отдыха. От отца мне достался хорошо налаженный механизм,

проблем возникнуть не должно, да и связь всегда будет. Пусть эта прогулка станет моими последними каникулами перед серьезной жизнью. Или ты против, Ирина?

Я покачала головой. Стоит проявить заботу и осмотрительность, сразу обвиняют в трусости. Я против? Какая чушь! В воздухе запахло приключениями!

Между мной и поездкой висело одно неотложное дело. Осуществить его мешала единственная досадная неприятность — страх. В итоге всю дорогу до спальни пришлось потратить на увещевания. Как ни странно, беседа с внутренним голосом помогла. Я села на кровать и вызвала зеркало, потом поймала тонкий ручеек Силы, скрутила его в спираль и направила на серебряную гладь. Спираль вспыхнула, разбилась на множество бликов и растворилась в зеркальной поверхности. Я смотрела прямо в глаза своему отражению. В зрачках растаяли две маленькие спиральки — это было последним, что я видела в этом мире.

Призрачное белесое полотенце болталось посреди какой-то пещеры. Я попробовала пошевелиться. Полотенце приподняло один краешек. Чудненько, сия жалкая субстанция и есть воспетая поэтами душа. Спокойно, Ирочка, не рефлексируй, может, это только ты такая уродилась, и у нормальных людей вполне приличные души, а не огрызки половой тряпки. Разочарование было сродни тому шоку, что я испытала в раннем детстве. Тогда маменькина подруга умилялась новому плюшевому коврику, приобретенному в эпоху нигде-ничего-нет. Я проплакала полночи, высчитывая, сколько же плюшевых мишек пришлось убить и ободрать ради этого коврика… Полотенце заколыхалось. Не дуйся, ладно? Я не со зла, просто не выспалась. Знаешь, я бы даже выпила с тобой за знакомство, но нечего и некогда. Нам пора. Полотенце вняло призыву и заструилось вперед по туннелю. Что ж, по крайней мере тепло, светло и мухи не кусают. Тем временем полотенце добралось до решетки с тяжелым амбарным замком. Ну и воображение у тебя, дорогая, вот ведь все не как у людей, кстати, надо бы еще сигнализацию подключить, а то ломятся всякие, ты и не замечаешь. Во мне заиграло любопытство — откуда чудо данное взялось. В принципе, решетка для бестелесной оболочки не проблема — просочилась и полетела себе дальше. Я поднапряглась и увидела монолитный кокон, установленный, видимо, для чужих, меня-то он пропустил. Куском мерцающей дымки я окуталась вокруг замка. Подобных крушений иллюзий не бывало со мною давно: как выяснилось,

преграда в мой мозг образовалась года два назад по моему биологическому времени. Я тогда попала под машину, меня довольно сильно шандарахнуло об асфальт. Хорошо хоть, не в детстве три раза подкинули, два раза поймали. Какие еще сюрпризы готовит мой очаровашка-рассудок?

Полотенце продолжило свой полет. По дальней стене пещеры ползали гадостного вида змееподобные тварюшки. Говорят, у каждого свои тараканы, у меня такие вот слюнявые монстры с зелеными глазенками, длинными острыми зубками и раздвоенными языками. В их мутноватых взглядах плескалась ненависть. Вероятно, мой ненормальный рассудок такими аллегориями оформлял всяческие комплексы, самообманы и прочая… В общем, все то, что мешает мне жить. Надо было остановиться, побеседовать с монстрятами, но времени на глубокий самоанализ не хватило бы, пришлось отложить разговор… Если я еще раз рискну залезть в себя.

И я отправилась дальше, пока не уткнулась в простое прямоугольное отверстие. Я на секунду замешкалась, прочитала Гербертовскую литанию против страха: «Страх — это маленькая смерть, влекущая за собой полное уничтожение»[3]. Потом устремилась вперед, в прошлое. Стремительно разворачивалась моя жизнь, только в обратном порядке. Я задержалась только на одном эпизоде — двадцать одна белая роза ранним утром в день рождения, нежность, тепло… Хорошо эта тряпка, моя душа, не может плакать.

Мгновение прошло, безумный полет продолжился сквозь работу, учебу, детство, лица друзей и родных, случайных знакомых и заклятых врагов. Закончился он внезапно, превратившись в равномерный стук сердца. Маленькое тельце в позе эмбриона плавало в мутной жидкости, какая-то трубка тянулась в неизвестность. И как это я пропустила собственное рождение? Задумалась, видимо… Неважно, комочек души и плоти не последний пункт назначения. Я собралась с силами и рванулась в пустоту.

Очнулась я не скоро. Энергии хватило лишь на то, чтобы маленечко приподнять веки, мысленно попросить зеркало принять горизонтальное положение и взглянуть на себя любимую. Мать моя женщина! Смотрело на меня что-то луноликое, глазки-щелочки, ну не дать, не взять — утро в китайской деревне. А женщина была явно не славянского происхождения…

Как же раскалывалась голова!.. Я попыталась сосредоточиться. Кажется, получилось. Две маленькие

переливчатые спирали в моих зрачках свернулись в точки и исчезли. Теперь можно спокойно вздремнуть часок-другой.

Меня разбудила головная боль, адская и всепоглощающая. Она начиналась в правом виске и разносилась вплоть до основания черепа. Я застонала. Надо же быть такой дурой! Уснуть, не приведя в порядок организм. Не открывая глаз, я потянулась и слилась с летящим потоком энергии. Тело отнесло вверх. Боль отступала, но по-черепашьи неохотно.

Спрашивается, для чего мне вообще понадобилась эта странноватая мистическая прогулка? Ответ прост и лежит на поверхности: я решила ускорить процесс превращения куколки в бабочку. По утверждению практиков, глубокое погружение в значительной мере приближает момент «переступания черты», отделяющей мага от Творца Невозможностей. Довольствоваться малым, когда передо мною почти открыты двери к чудесам, мнилось мне неразумным.

Я легонько пошевелила пальцами. Из открывшегося окна дохнуло свежестью и свободой. Как приятно побыть нормальным человеком, просто расслабиться, послушать щебетание птиц… Я втянула в себя ароматную прохладу и спустилась на пол. Ноги дрожали, как ужеребенка, впервые поднимающегося над землей. С чувством глубокой самоиронии я заставила себя сделать шаг. Что, сложно перемещаться на своих двух? Привыкай, милая…

Босыми ступнями я ощутила вибрацию — кажется, к нам гости. Поднялась волна неясной тревоги.

Бесшумно отворилась дверная панель.

— Я рада вновь видеть вас, Леди Ивер, — вдохновенно солгала я и обернулась. Жаль было отрываться от созерцания сада, но учтивость превыше всего.

Если она и удивилась, то вида не показала.

— Я пришла предупредить вас, Леди Калли…

— Что игра на чужом поле опасна, особенно когда не знакома с правилами? — перебила я.

Рэйна вспыхнула.

— Приблизительно так.

— Напрасно. Я не играю в азартные игры.

Мне на секунду стало ее жаль. У нее ведь никогда не было серьезных противников: Брендон ее избегал, а все остальные боялись.

— Вы ведете себя непозволительно с особой…

— Королевской крови? — снова перебила я. — Это несмешная шутка. Что-то еще?

— Если ты собираешься занять мое место, — прошипела Рэйна, — можешь начинать сочинять эпитафию.

— Спасибо, что уделили мне немного своего драгоценного времени, Леди Ивер, — я улыбнулась. — Печально, что вы уже меня покидаете.

— Ты пожалеешь, — медленно выговорила она.

Зашелестело лиловое платье. Уходя, Рэйна оставила едкий запах злости, правда, в смеси с отличными духами.

Отчего-то визит Рэйны напомнил мне о давно поставленной и совершенно забытой цели — выяснить подробности о смерти Хорина Атира. За этим скрывалось нечто зловещее и крайне опасное. А только ли из ревности красавица пытается ускорить свадьбу?..

К моей спальне снова кто-то приближался. Нет, это уже навязчивость! Я направилась в гостиную, намереваясь наговорить Рэйне гадостей. И было раскрыла уже рот, когда навстречу мне рванулось чистое и светлое.

— Здравствуйте, Леди Калли! — радостно выпалил Тод. Не ребенок, а сплошное обаяние!

— Привет, малыш, — я обняла его, провела рукой по мягким золотистым волосам. — Как ты?

— Прекрасно. Меня Сэр Брендон послал. Сказал, что, если вы готовы, можно отправляться. Вы уезжаете? — в голосе Тода прозвенела печаль.

— Ненадолго. Сэр Брендон хочет показать мне планету. Скажи ему, что я уже иду.

— Но вы ведь вернетесь?

— Обязательно.

Тонкие ручки обвили мою шею. Даже и не знаю, чем заслужила любовь этого ангела, но взаимностью я ему отвечала точно…

Дни 14 и 15.

— Консул I напоминает Терру, но это лишь благодаря многолетней работе. На многих планетах проводили подобные изменения, но нигде — так фундаментально.

По-моему, никогда раньше я не видела Брендона столь умиротворенным. Сейчас, записывая происходившее, я спрашиваю себя, почему все хорошее так быстро заканчивается?.. Отчего я занялась записью только теперь? Тогда как-то не до этого было…

— Капелла примерно в двенадцать раз больше Солнца, но за счет протяженной оболочки, это система двойной звезды. Предполагалось, что у такого типа звезд планет, пригодных для

жизни человека, быть не может, как выяснилось, неверно. Консулом I занялись сразу после Катастрофы. Наверное, ностальгия и чувство долга заставили ученых сотворить памятник родине человечества.

— Как прекрасно!

Глупо, конечно, звучит, но ничего другого я ответить не смогла. Мы неторопливо летели над планетой в четырехместном флаэреле — аналога на русском я не нашла. От двух телохранителей-пилотов нас с Брендоном отделяла звукопроницаемая перегородка. Так что, можно сказать, мы были наедине с этим несказанно прекрасным миром. В сотне метров под нами раскинулся горный хребет. Могучее солнце высвечивало заснеженные вершины, окутанные эфемерным жемчужно-розовым сиянием. Блистали вековые ледяные поля.

— Горы Раута. Их первозданный вид сохранили. Впрочем, не только их, — прокомментировал Брендон. — Но все равно, они — единственные в своем роде.

Я согласилась с ним. С высоты птичьего полета горы потрясали своим величием. Монументальностью даже…

— Следующий пункт программы — Ривал. В дельте Ривала воспроизвели настоящие джунгли Амазонки. Фауна, правда, отличается немного, но все равно экзотично.

Я восторженно кивнула, не в силах произнести ни слова. Исполинские пики подо мной превращались в каменистое плато, покрытое карликовой растительностью. Отдельными группами возвышались серые глыбы, напоминавшие древние менгиры.

В таком месте не стыдно было бы обитать богу.

— Что? — встрепенулся Брендон.

Я рассмеялась, поняв, что произнесла вслух свою последнюю мысль. Я перевела.

— *Ли атму тарн э стерно а эрлин тай`ен…*

Тут я задумалась. В языке Брендона не было аналога слову бог.

— *В`ирдан,* — закончила я. Возможно, творец здесь синоним бога? Надеюсь, что так…

— Ты хотела сказать иначе.

Я пустилась в пространное объяснение о вере в первотворца и его власти над душами людей. За бортом флаэреля проносилась сказочная красота, но Брендон был так увлечен и озадачен, что я не стала уходить от ответа. Слишком многим я ему была обязана, хотя бы этой красотой вокруг, поэтому пришлось вкратце изложить основные постулаты христианства, а заодно и других религиозных течений.

— Странно, — произнес Брендон, когда я остановилась,

чтобы перевести дух. — Ты говоришь, что бог, — он выговорил это по-русски, очень осторожно, будто пробуя на вкус. — Един. И тут же начинаешь говорить о других богах…

Радости он мне не добавил. Вздохнув, я продолжила свою эпопею о разночтениях и хитросплетениях верований. О различных конфессиях, сектах и еретизме. Итог моей путанной лекции подвел Брендон — довольно неожиданный итог.

— Наверное, запутавшись в богах, человечество отступилось ото всех разом.

Я вздрогнула, как от удара. Бог умер. Причем окончательно и бесповоротно. Хотя о чем я! Он был мертв уже в двадцатом веке, его мумифицированное чучело изредка выставляли на всеобщее обозрение, как кости динозавра. В мои дни число истинно верующих измерялось не слишком сложными числами; а мое время и Империю разделяют века…

— Взгляни, — вывел меня из тяжких раздумий Брендон. — Ривал.

Прямо под флаэрелем катился поток жидкого серебра. По обеим сторонам его обрамляли густо-зеленые заросли, река искрилась под солнечными лучами, многочисленные ее протоки терялись в джунглях, подобные ручейкам ртути. От воды веяло бесконечным покоем. Флаэрель повис над небольшой песчаной косой, и я попросила открыть боковую панель. В кабину ворвался влажный воздух с чуть горьковатым запахом. И тут меня ослепило.

— Мать… — успела выкрикнуть я, пока флаэрель стремительно рассекал воздух. И что я хотела этим сказать?..

Я пришла в себя от крика, причем мне понадобилось несколько минут, чтобы осознать, что кричу я сама. Больше, в принципе, некому было. При падении флаэрель сильно искорежило, вся передняя часть превратилась в месиво из металла, пластика и человеческого мяса. В ноздри ударил запах свежей крови. Меня замутило. Брендон, боже мой, Брендон… На пепельно-сером лице отчетливо выделялась кроваво-фиолетовая ссадина, пересекающая лоб. Я прижала пальцы к его сонной артерии. Ну же, милый, давай! Словно в ответ на мой призыв под пальцами что-то дернулось. Еще раз, еще… Я перевела дух. По крайней мере, он жив. Пора придумывать план действий.

Хорошо, хоть флаэрель рухнул на песчаную косу, а не прямиком в джунгли. Там мне точно никакой план не понадобился бы, разве что как удачнее наложить на себя руки. Ладно, для начала надо выбраться из обломков. О стороне

Брендона нечего и думать — еезасыпало песком, поднявшимся при падении. Придется с моей, правда, флаэрель сильно накренился. Неудобно, но другого выхода нет. Внутри становилось жарко, тошнота поднялась к самому горлу. Я ткнулась в панель. Черт, как же она открывается?! Похоже, из отсека пилота, но туда я под страхом смерти не полезу, да и вряд ли там что-нибудь уцелело. Я начала шарить руками по пластику, надеясь наткнуться на скрытый механизм. Отчаявшись, развернулась и саданула ногой по панели. Дверь заклинило намертво. Перед глазами начали плавать радужные круги, по телу прокатывались спазмы, болело левое плечо — как минимум, вывих — и я начала терять сознание. Перед тем, как отключиться, я уткнулась взглядом в лазер, прикрепленный к ремню Брендона. Слабость как рукой сняло. А можно им пользоваться в таких условиях?

Я замерла с оружием в руках. Имею ли я право рисковать жизнью Императора? Вот только мог ли современнейший флаэрель упасть сам по себе? Брендон так красочно описывал его безопасность… Сдается мне, та вспышка была не последствием взрыва, похоже, нас подстрелили. И как-то мне совсем не хочется встретиться с этим ворошиловским стрелком[4], будучи запертой в консервной банке.

Прямо под дулом было углубление, идеально подходящее для пальца. Я прицелилась, потом зажмурилась и нажала.

Ничего не произошло. Отлично, не работает. Я нажала еще раз, просто с горя, и из дула вырвался тонкий луч; понятно, первым нажатием я сняла оружие с предохранителя.

Дальше дело пошло быстрее. Я вырезала лазером неровный прямоугольник и вытолкнула ногой искореженный кусок кабины. К сырому запаху джунглей примешивался запах гари. Голова столкнулась с перегородкой… Странно, но именно это привело меня в чувства. Я ухватила Брендона под мышки, не выпуская из правой руки лазер; на боль в плече и виске я старалась не обращать внимания. Кряхтя, подтащила бесчувственного Императора к отверстию, прикоснулась запястьем к краю разреза, горячо, но терпимо. Сначала выкарабкалась сама и тут же распласталась на песке. Прошла вечность, прежде чем я вдохновилась, встала на колени и уцепилась за борт флаэреля.

Практически вслепую я нащупала Брендона и из последних сил вцепилась в его плечи. За последние секунды он сильно прибавил в весе…

Мы вместе рухнули на горячий песок, его ватное тело скатилось с меня, чему я была чрезвычайно благодарна, сама спихнуть его я бы не сумела.

Меня предал собственный желудок. Я успела лишь откатиться в сторону, чтобы не забрызгать Брендона. Зато в голове немного прояснилось.

Я захватила тонюсенький голубовато-золотой ручеек и направила на себя, это, конечно, извращение, но не больше, чем вся моя жизнь.

Кажется, я задремала. Пробудилась довольно неожиданно — что-то прожгло мой рукав и ошпарило руку. Глаза мои мгновенно распахнулись, чтобы донести информацию до мозга, но я им не поверила: в бледно-желтом безоблачном небе парил рубиновый дракон.

Это полуденный зной так повлиял или все-таки удар по голове?.. Впрочем, все неправильно — небо должно быть оранжевым, а не цвета лимонада «Колокольчик». И тут дракон раскрыл пасть. В американских боевиках я видела, как действует огнемет, тут же ознакомилась с ним на практике.

Я вскочила и понеслась к разбитому флаэрелю, на ходу осознавая бесполезность этого поступка — обломки не защитят меня от атаки с воздуха. По пятам меня преследовала неширокая струя огня, я чувствовала, как на ногах вздуваются волдыри от нестерпимого жара. Наконец струя иссякла. Казалось, дракон усмехается, легонько помахивая двухметровыми крыльями. Он завис прямо надо мной и показал тонкий раздвоенный язык. И тут меня осенило. Я побежала. Побежала в направлении, обратном предыдущему, ноги тормозил песок, казалось, что бегу я слишком медленно — оно и понятно, ведь бежала я за жизнью. Очевидно, дракон понял мои намерения и снова начал открывать пасть — я исхитрилась увидеть это, оглянувшись перед прыжком. Успела. Ривал сомкнулся надо мной. Там, где вода соприкоснулась с ожогами, в кожу словно вогнали сотни иголок; уже вынырнув, я завопила от боли.

Рубиновый монстр парил все там же. Похоже, он был слегка озадачен.

— Тварь вонючая, ящерица шизанутая! — выкрикнув последнее оскорбление, я мысленно порадовалась, что меня не слышит учительница по биологии.

Мой новый знакомый обижаться не стал, видимо, не разбирался в тонкостях русского языка, только глядел на меня, не мигая, черными омутами глаз.

— …! — добавила я.

Он открыл пасть. «Задела!» — успела подумать я, ныряя на безопасную глубину. Пора уже что-то делать, ждать, пока у него

сядет аккумулятор, смысла нет, я не выдержу раньше — ногу судорогой сведет, да и вывихнутое плечо ноет безбожно…

Я вынырнула из реки, подняв сноп сверкающих брызг. Радужные кристаллы взвились на несколько мгновений в воздух, чтобы снова вернуться в свою стихию, оставив от себя лишь круги на воде… Правда, в тот миг мне было не до поэзии. Я замерла посреди Ривала, стараясь не дать течению отнести себя. Помню, капля воды замерла на кончике моего носа… Было во всем этом нечто мелодраматичное. Я воздела руки, словно для молитвы, одновременно перенастраивая зрение; вскоре нашелся подходящий поток. С кончиков пальцев сорвался десяток крохотных молний. В нос ударил запах озона, руки свело от холода. Монстр в желтоватом небе застыл с распахнутыми крыльями.

Я поплыла к берегу, нужно было во что бы то ни стало добраться раньше, чем эффект пройдет. Рассекая руками волны, я пыталась вспомнить, где же лазер; вроде бы рядом с Императором, то есть рядом с блевотиной. Фу, дорогая, что за манеры!

Дракон пошевелили лапой. Если он выберется из кокона, мне конец. Ноги уперлись в дно, я позволила себе отдышаться.

— Ну как ты там, гаденыш свежемороженый?! — выкрикнула я в небо. Ответа не последовало; немудрено, тварь была не только заморожена, но и опутана энергетической сетью.

Лазер и вправду оказался недалеко от флаэреля. Возможно, догадайся я сразу им воспользоваться, хлопот было бы гораздо меньше. Огнедышащее чудовище шевельнуло крылом. Я подняла оружие и прицелилась.

— Ариведерчи[5], милый, — и дважды нажала на спуск.

В тот же миг, как из дула вырвался тонкий луч смерти, рубиновый дракон испарился. Прямо передо мной висел одинокий диск Капеллы. Выстрел в солнце… Что ж, если больше нечем заняться… Я вдруг решила, что мне все пригрезилось, что мерзкая змея с крыльями лишь бред больного воображения, вот только саднящие волдыри выдавали реальность происходившего.

Я доковыляла до Брендона. Он слабо дышал, хотя до сих пор был без сознания. Близился вечер; опустошенный желудок настоятельно требовал пищи, а я стояла, мокрая до костей, над чуть живым Императором и не представляла, что делать дальше.

Порыв ветра принес запах разложения, словно из духа противоречия заурчал желудок. Все-таки роль героини тебе не удалась, подумала я, давай переложим сию ношу на ближнего своего. Кроме Брендона, ближних не оказалось, а он был не в том состоянии, чтобы геройствовать.

— Пусть у меня получится, один-единственный раз, — прошептала я, опускаясь на колени. — Пожалуйста.

Я склонилась над Брендоном. Казалось, в его красивом лице не осталось и кровинки. Я оттянула его нижнюю губу и прильнула, словно для поцелуя. Дыхание стало тяжелым, и я направила его в Брендона. Я отдавала ему свою жизнь.

Мир поблек, потом потемнел, потом…

Надо мной склонялось перекошенное ужасом лицо. Блестящие серые глаза, прямой аристократический нос, высокий лоб, очень короткие черные волосы… Создалось на миг и отпустило впечатление, будто я его знаю — знаю чересчур хорошо; красиво очерченные губы зашевелились в безумном мельтешении. Какого черта? Именно с этого вопроса ко мне вернулось сознание, а в мою личную тишину ворвался крик Брендона:

— Очнись, Ирина!

Странный он все же человек, я вроде глаза уже открыла, а он орет, чтобы я очнулась.

— И нечего так визжать, у меня прекрасный слух, — сказала я, садясь на песке.

И тут же очутилась в его объятиях. Он просто-напросто сгреб меня в охапку и стиснул изо всех сил, так, что ребра затрещали. Я судорожно втянула немного воздуха и с трудом прошептала:

— Не так… сильно.

Он ослабил тиски, и я смогла нормально вздохнуть. Что ж, для вернувшейся с другой стороны реальности совсем неплохо. Я вспомнила. Вспомнила морозную пустоту и чувство стремительного полета; и резкое торможение, когда мое «я», мое прошлое, настоящее и будущее слились в сингулярность, и индивидуальный Большой Взрыв, поглотивший пустоту и холод, и нетерпеливый полет обратно. Вспомнила чувство беспредельности и сопряженности с Вселенной.

Рассказывающие про свет в конце туннеля лгут. Лгут и те, кто вспоминает о старце, отказывающемся их принять… Я тоже лгу… Возможно, чуть меньше, чем остальные. Но ведь я и не умирала.

— Прости, — в голосе Брендона звенело нескрываемое облегчение.

Хороша, наверное, была картинка: великий властитель Межгалактической Империи стоит на коленях на песке, нежно держа в объятиях мокрую курицу, чьи непросохшие пряди волос беспорядочно липнут к лицу, а ослабшие руки висят вдоль тела, как две полузадушенные змеи. Рэйна оценила бы.

— Иди сюда, детка.

Так, понятно, Брендон разговаривает во сне. Что, впрочем, после всего произошедшего немудрено.

— Я здесь, Брендон.

Я опустилась на землю рядом с ним, провела ладонью по его щеке…

Внезапно сильные руки обвили мою спину, Брендон прижал меня к себе.

— Милая…

Он же не осознает происходящего, он же просто спит и разговаривает во сне…

— Да, Брендон, да…

Чуть солоноватый привкус губ и невообразимое море нежности… Его длинные чуткие пальцы находят скрепления моего комбинезона, призрачный блеск звезд высвечивает кусочек его лица и падает на мою грудь. По нашему временному убежищу рыщет ночной промозглый ветер, по моему телу прокатывает волна дрожи — я вся покрываюсь гусиной кожей. Мне жарко.

Я до боли закусываю нижнюю губу — нет, нельзя, Ира, что ты делаешь…

Он снова целует меня, проводит кончиком языка по моим губам, после — вкус моей крови и его желания. Он приподнимается, все так же не открывая глаз… И начинает осыпать меня мелкими, острыми поцелуями: щеки, лоб, шея, грудь. Я выгибаюсь, тихо вскрикнув во внимательную тишину.

Брендон открыл глаза. Недоумение, испуг, отголоски всепоглощающей страсти.

— Ирина, я…

Ты же знала, что этим и закончится. Только в сказках главные герои побеждают всех врагов и живут долго и счастливо вместе. Вы же с врагами лишь завязали некоторое знакомство. Называю себя дурой и молча радуюсь, что украла кусочек нежности.

Конечно, он все понял. Только как-то по-своему.

— Извини, Ирина, пожалуйста! Мне сон приснился, и я… в общем, если бы я знал, что это ты, я бы… ну, я ни за что не позволил бы себе…

Я резко отвернулась, пытаясь скрыть предательски нахлынувшие слезы. Отлично! Он готов переспать с любой, за исключением меня!

— Ничего. Мы оба чуть не сделали глупость.

Не заплакала. И голос не задрожал.

— Мы же друзья? — осторожно спросил он.

Я обернулась. После всего, что мы пережили?

— Конечно! — произнесла я вслух. Ты, милый, для меня больше, чем друг, только это уже несущественно…

… Это было ужасно: пробираться сквозь джунгли, опасаясь с каждым новым шагом нарваться на какую-нибудь гадость. Там, на берегу Ривала, все казалось простым и логичным — до Айрина, зимней резиденции Императора, было лишь километров пятьдесят, находиться рядом с разбитым флаэрелем нам не хотелось, тела Стайра и Милена извлечь мы не смогли бы, а хватиться нас должны были лишь к закату, нас раньше не ждали в Айрине. Так или иначе, но решение мы приняли, Брендон докромсал многострадальный флаэрель лазером, достал вакуум-пакеты с едой и кое-какую посуду (мы должны были устроить привал ниже по течению, где Ривал, срываясь с полуторакилометровой высоты, образует красивейший водопад), и мы пошли покорять природу. Уже через пару часов жуткой влажности, стегающих по телу и лицу лиан, и всех остальных прелестей мы поняли, что природа покорила нас. Джунгли: разнообразие, даже буйство растительности, от которого разбегаются глаза, но уже через полчаса все одинаковое — одна ненавистная темная зелень. И насекомые!

Скорее всего, именно насекомые и доконали меня. В какой-то момент я просто села на землю и заплакала. Бедолажка Брендон тщетно порхал вокруг меня, подыскивая слова утешения — я не воспринимала действительности. Когда поток иссяк, а боль еще явственно давила на горло, я спросила:

— Скажи, у вас водятся драконы?

Брендон слегка опешил, но потом популярно так поведал, что водятся, причем в большом количестве, на первой от Капеллы планете — Опоре (всего в системе три планеты: вышеозначенная Опора, Консул I — резиденция Императора, планета-сад и все такое, и Консул II — необитаемый безводный мир, но, рассказывая о нем, Брендон всегда отводил взгляд в сторону, из чего я сделала вывод, что нечто стратегически важное на Консуле II имеется). Содержание сероводорода и инертных газов в атмосфере Опоры вкупе с сильнейшими перепадами температуры, обусловленными малым расстоянием до звезды, делают этот мир малоинтересным для человечества, зато там прекрасно себя чувствуют огромные Дайр'Кооны. По происхождению они прямые потомки рептилий, но «рожденный ползать летать не может» отменяется — Дайр'Кооны оснащены мощными крыльями. Однако разумом удивительные существа не блещут, что и помогло им избежать истребления — людям хватило криогов. Опора — единственное место обитания чудищ,

нашим воздухом они дышать не могут, и все попытки вывезти их на другие планеты заканчивались плачевно: даже в полностью воспроизведенных условиях родного мира Дайр'Кооны гибнут.

В целом, Брендон подкинул мне материала для размышлений на весь оставшийся путь. И с кем же я тогда сражалась?..

Насекомые!!!

Наверное, к вечеру мы осилили километров восемь, хотя по ощущениям выходили все сто. Нам сказочно повезло — мы наткнулись на небольшую, но удобную пещерку, очевидно, бывшую ранее обиталищем крупного животного. С хозяином нам удалось не познакомиться.

Я сразу ненавязчиво рухнула в дальнем углу нашего пристанища, а Брендон развел огонь (помню, я еще удивилась, как этот древний навык не атрофировался с веками космической цивилизации). Пока мое бездыханное тело валялось наподобие мешка с картошкой, Император готовил ужин. Кстати, мне очень понравилась его стряпня: нежнейшее мясо с чуть тушеными овощами. Ели мы молча, у обоих не было ни сил, ни желания говорить. А потом Брендона отчего-то потянуло на лирику.

— Ирина, можно тебя попросить?

Интересный речевой оборот… Грядет великое! Желудок радостно урчал, чувство сытости усиливало мою благодарность, поэтому я просто ответила:

— Можно.

— Расскажи мне что-нибудь. Из историй погибшей Терры. Ты же знаешь, так много безвозвратно утеряно.

Я задумалась. Усталость уже тяжелила мне веки, да и в голове была лишь звонкая пустота, но я должна ему «спасибо» за ужин.

— Ладно. Слушай. Я вычитала это у Борхеса, латиноамериканского писателя XX века. Я всегда была к ним неравнодушна — в смысле, к писателям из Латинской Америки. Так вот, это не он придумал, но очень тонко и своеобразно передал.

По легенде, где-то высится Башня Победы, с кругового балкона которой открывается вид на все стороны света, а на балкон ведет винтовая лестница. У основания этой лестницы обитает таинственное существо — А Бао А Ку, будто бы чувствующее все оттенки человеческой души. Большую часть жизни оно проводит во сне, но стоит приблизиться человеку, как оно просыпается, и в нем зарождается внутренний свет. Когда человек восходит по винтовой лестнице, А Бао А Ку следует за ним, и с каждой ступенькой его окраска становится все более яркой и отчетливой, а форма более определенной. А Бао А Ку

светится от счастья. Но законченности оно достигает, только если поднявшийся на балкон сподобился Нирваны, и дела его земные не отбрасывают тени. И иначе А Бао А Ку замирает на полпути, голубая окраска меркнет, свет, исходящий из недр его, гаснет. Парализованное существо стонет от страдания — страдания незавершенности, нереальности — стоны его едва слышны, словно шелест шелка. Когда человек начинает спуск, А Бао А Ку скатывается вниз, к основанию лестницы, чтобы в безвременном сне дожидаться следующего гостя. И за всю историю человечества А Бао А Ку вознеслось на балкон лишь однажды[6]…

— Как чудесно, — прошептал Брендон.

Догорающий огонь отбрасывал блики на его красивое лицо, придавая ему выражение особенной одухотворенности. Он протянул мне руку, я вложила в нее свою маленькую ладошку. Мы сидели на полу пещеры, покрытому сухими листьями, держались за руки и молчали. Мечтательные и спокойные.

— Ты же устала, — произнес наконец Брендон.

Я кивнула.

— Спим по очереди. Ты первая.

Сил возражать не было, желания тоже. Почти мгновенно я ушла в глубокое забытье, без времени и сновидений.

Брендон разбудил меня, когда иссякла моя половина ночи. Он уснул едва ли не быстрее, чем я до него.

Я загляделась на чуть теплящееся пламя, разрывающее темноту. А потом чуть хриплый голос Брендона прервал созерцание.

— Иди сюда, детка…

А утро пришло неожиданно. Ушла в себя, когда вернусь — не знаю — это про меня. Я сидела на полу, усыпанному листвой, и занималась самоедством. Выискивала, нет, скорее выдумывала, что же во мне есть такое отталкивающее для Брендона. Оторвал меня от этого продуктивнейшего процесса чей-то далекий, но настойчивый рык. Я по-новому взглянула на окружающий мир, и оказалось, что в мире этом уже светло.

— Доброе утро.

Чудненький охранник! По ходу пьесы, вынести отсюда могли и Брендона, и угли от вчерашнего костра, а я сидела бы, уставившись в одну точку, расположенную где-то в неизбежности — в нигде.

— Думаю, нам стоит утвердить план действий на день, — спокойно сказала я.

— Боюсь, нам придется протопать остаток пути на своих

двух, — невесело произнес Брендон.

— Пояснишь?

Он кивнул.

— Разумеется. Честно говоря, направляясь сюда, я просто хотел увести тебя от той кошмарной картины. И спокойно ждать высланную за нами группу.

— Ну и?

— Эту группу не выслали.

Повисла многотонная тишина. Хорошо во всем этом только одно — к длительному мерзкому переходу я готова. Но выслушать любимого все-таки стоит.

— Мало того, что до гибели флаэрель должен был послать импульсы о крушении по всем каналам, ладно, я допускаю, что передатчик вывели из строя первым же залпом, но ведь не проходит сигнал Звезды Атиров!

Я кивнула. Должна же существовать надежная поисковая система для усиления безопасности императорской семьи, Звезда — довольно удобный способ связи.

— Звезду может носить лишь ее единственный обладатель. Перед тем, как впервые надеть Звезду, хозяин должен внести в нее элемент ДНК — в твоем случае я проделал это за тебя.

(Мило — я ничего не чувствовала).

— Сейчас носителей звезды двое — так уж вышло, что и мой отец, и я были первыми и последними детьми в семье. Император вообще имеет право только на одного наследника — во избежание гражданской войны. Изредка, нарушая генетический контроль, сначала рождались девочки. Но ни их мужья, ни дети не имели права на Звезду. А все перемещения носителей отслеживаются. Вчерашнее не могли не заметить.

Я кивнула еще раз. Брендон уже пропадал — и с планеты, и из времени. Сколько тогда потребовалось на его поиски? Полчаса?..

Было раннее утро, в мире царила прохлада. Но с моего лба ручьями стекал пот.

— Сигнал не просто блокируется, — прошептала я дрожащим голосом. — Взамен заблокированному накладывается ложный.

— Да.

— Твое похищение, смерть Хорина Атира, наши неприятности, — все говорила я, уже не в силах остановиться. — Это звенья одной крайне изощренной схемы. Следовательно, наши приключения только начинаются.

— Ты права.

Гадостный осадок в горле — черт! — я слишком молода для нелепой смерти, долго не давал спросить:

— Что будем делать?

Он ответил не сразу. Сначала пододвинулся ко мне, взял за руку и нежно — словно прикосновение крыла бабочки — поцеловал ладонь.

— Пойдем. Это лучше, чем сидеть на месте, ожидая убийц. Даже если ничего не получится, попытка всегда результативнее бездействия.

Глядя друг другу в глаза, мы поднялись и начали собирать свой нехитрый скарб. С этого момента мы стали самыми близкими людьми в изученной части Вселенной.

Единственными, кому могли доверять.

Я не сразу поняла, что произошло. На анализ ушло две секунды. И не рассудок, а какой-то глубинный инстинкт заставил меня прыгнуть в заросли. Первый выстрел просто продырявил лист дерева, мимо которого я проходила. И уже от второго я летела навстречу могучим сплетенным лианам с истошным криком:

— БЕГИ!!!

И эти две секунду, пока я тупо взирала на дыру, выжженную лазером в овальном зубчатом листе, практически решили исход битвы. Разумеется, не в нашу пользу. А еще спустя несколько секунд все тело изогнулось от резкой боли. Изогнулось — и рухнуло, как подкошенное. Мозг сопротивлялся еще вечность — миллисекунду. Лимонное небо рацветилось махровыми черными кляксами — и пропало.

Услышав крик, Брендон и не подумал бежать. Он развернулся, одновременно переключая лазер на парализующий режим.

ЧАСТЬ II. Свет (Айе)

День 15-й, окончание.

Если бы собрать все пролитые мной слезы, не набралось бы и стопки. Но теперь я знаю, почему моря соленые — это наверняка слезы богов, устыдившихся своих творений, задуманных такими совершенными… Странно лишь, что слезы их не были кровавыми.

Когда я очнулась, лицо было противно влажным. Причем я догадываюсь, как тяжко пришлось системе переработки моего комбинезона, перед тем, как меня отключили, я не опустошала мочевой пузырь. А живот подозрительно плоский…

Кстати, зрение ко мне вернулось не сразу. Даже пришлось зажмуриться, когда свет и все краски дня ударили по глазам.

… Я стала старше на жизнь, наверно, нужно учесть…

Ужасно давно, в прошлой или даже позапрошлой жизни (месяца два назад), я обожала эту песню Земфиры.

Я попыталась двинуться. По конечностям волной пробежала колкая дрожь. М-да… Давненько не было мне так хреново. О! Я начинаю воспринимать окружающий мир! На нос сел зеленый многолапый и четырехкрылый… мух… нет, жук… А, без разницы. Насекомое. И обдал меня ароматом, в сравнении с которым скунс — рекламная акция производителей парфюма.

Эх-х… Конец романтике…

— Очухалась?

Кого я вижу! САМ, живой и без охраны! Повеяло грустью — нет, не присутствием того зеленого друга, а настоящей, слезливой грустью, ведь охрана покоилась на злосчастной песчаной косе у Ривала…

— С пробуждением. Ты вовремя, мне позарез нужна консультация. О, только не на ботинки! Гадство…

Я брезгливо отвернулась от извергнутого, отерла подбородок тыльной стороной ладони и заставила себя встать.

— Гнушаетесь, сэр? Не спорю, в качестве ужина мне тоже это больше нравилось.

— Ладно, перестань. Мне действительно нужна твоя помощь.

— Лень, — подала голос я, удаляясь от места происшествия. — И сил моих дамских больше нет.

Брендон блеснул ровными белыми зубами.

— О чем вы, Леди? На вас еще пахать и пахать! Кстати, придется снова тебя откачивать — придушу собственными руками.

— А я в чем виновата? Я сюда не напрашивалась, и то, что

метят все время в меня, тоже не моя заслуга!

Вот оно! Воистину, вначале было слово — а уж потом понимание сказанного. Только озвучив — случайно, необдуманно, я осознала прозрачный, как алмаз, факт: в паре Ирина-Брендон мишень была одна — я. И над этим стоит поразмыслить…

— Извини, Брендон, я страшно устала.

Глаза закрылись сами собой. Тело взметнулось на полметра вверх, привычно уже принимая горизонтальное положение и вплетаясь в поток Силы. Я зевнула.

— Разбуди через часок.

— Всенепременно. А тебе что, серьезно не интересно, кто хотел тебя убить?

Я философски сплела руки на груди и пожала плечами.

— Демоны. Все происки демонов.

— А-а… Тогда спи, лентяйка.

Вот тут мне стало любопытно. Аж до зубовного скрежета. Никогда не видела Брендона ТАКИМ. Похоже, произошло нечто выдающееся. Но кидаться с расспросами сейчас — моветон. Надо хоть немного поболтаться для видимости, а там он и сам все расскажет.

Брендон выдерживал характер. Я висела в воздухе около получаса, от избытка энергии звенело в ушах. Пришлось признать поражение. Я встала и сладко потянулась, разгоняя кровь. С пальцев сорвался десяток ослепительно-белых молний, организм сбросил лишнее. Кроны дерева над головой не стало. В образовавшемся просвете кучевые облака заволокли солнце.

— Что за воспитание! — пожал плечами Брендон. — Как можно, Леди? Прогуляемся?

Ну как я могла ему отказать?! Далеко идти не пришлось — так, миновали несколько увитых цветистыми лианами деревьев.

Он насмешливо прищурил левый глаз.

— Вот, хочу представить вам, Леди, нашего гостя. Сэр… простите, имя свое он мне не назвал, ибо не достоин я сего.

Брендон живописно взмахнул рукой и склонил голову. Дар речи я обрела очень не скоро.

А когда обрела, высказала:

— А-а-а!!! А! А-а-а-а!!! Финиш, допилась.

И сразу вернулась в состояние ступора.

— Знаешь, я тоже был потрясен.

— Издеваешься? — шепотом сказала я. — Мне тройную порцию электрошока, пожалуйста. Я думала, вы их уничтожили.

— Я тоже.

Бледное голубо-зеленое существо безразлично взирало на

меня единственным жутко-черным глазом. Шесть конечностей (на самом деле семь — одна была на спине, похожая на щупальце, вылетала по необходимости), две из них нижнее. Семипалые руки. Монстр. Грубая черная пародия на шорты. Металл. Брендон привязал эту тварь лианами к дереву, криог не мог даже шевельнуться, но взгляд его огромного чернильного глаза стрелял надменностью и презрением. Похоже, тварями считал он нас.

— Я как раз хотел посоветоваться с тобой, что же нам с ним делать. Общаться со мной он не желает, оставить дорогого гостя мне этикет не позволяет… Может, ты что подскажешь?

Я знала, чего он хочет. И знала, что не могу.

Адский глаз усмехался. Последний, кто позволил себе такую роскошь, как насмешка надо мной (давным-давно, еще в Питере), хромал полгода. И не смотрите, что я такая маленькая и хрупкая, в бешенстве сил добавляется.

Я сама поразилась охватившей меня ярости. Не верьте, спортивной злости не бывает, есть только ярость, направленная против собственной слабости.

Остальное я наблюдала уже со стороны, точнее, это был «вид сверху». Девушка с растрепанными русыми волосами медленно подошла к мифическому монстру. По серебристому комбинезону пробежала волна спектральных бликов. Я подметила безумный блеск в ееглазах. Император, стоящий чуть поодаль, держал руку на оружии, величественный в своей напряженной неподвижности.

Безмятежность сменилась паникой, как только существо осознало мое присутствие в своем мозге. Такого от меня не ожидали ни Круфтсис (приблизительно так звали слизняка), ни его помощники на Консуле I. Понадобилось нечеловеческое усилие воли, чтобы самой не поддаться этой панике и обрести полный контроль над его «я». Первым, что я узнала, была нехитрая истина, до которой я уже и сама начала доходить: преследовали именно меня, Брендон ни в коем случае не должен был пострадать. Это непростительно, но в бешенстве я начала кромсать податливый от страха разум, одновременно поглощая его память.

Получилось бессмысленное убийство, но совесть молчала. Внезапно я опомнилась. Нужно сохранить эту тварь живой — хотя бы в качестве свидетеля. Но не только его ценность остановила меня — возможно, милосердие или нежелание уподобиться тому же Круфтсису.

Когда я пришла в себя, яркий солнечный день превратился в

густые сумерки. На открытом участке неба висели мрачные облака, пока не ставшие тучами.

— Выпей, — Брендон протянул мне пиалу. Превосходное вино чуть обожгло мне небо.

Я уставилась на криога. Теперь слепой бездонный глаз укоряющее глядел на меня. Брендон не стал дожидаться вопроса.

— Ты, как обычно, была без сознания. Знаешь, это уже становится дурной привычкой. Он как-то странно дернулся и замер. Наверно, ему вживляли механизм самоуничтожения — и он сработал.

— Черт! — выругалась я. — Нет. Только теперь дошло. К его сердечной мышце был подсоединен микрочип. Я блокировала его сигнал, но не обратила внимания. А как только перестала…

— Возможно, это и к лучшему, — невесело усмехнулся он. — Мне не придется его убивать. Ты многое узнала?

Я устало кивнула головой.

— Достаточно. Только очень хочется поесть и поспать. А потому… Дай-ка.

Я протянула руку к лазеру. Брендон послушно, правда, слегка недоуменно подал его мне.

— Решила поглумиться над трупом? — поспешил он скрыть шуткой свое замешательство.

— А то. Я такая.

Лазер вырезал аккуратный квадратик на левом боку «одеяния» криога. Металл отвалился, обнажая небольшой прибор. Я выстрелила в него. Труп поверженного врага шатнуло в сторону — лианы, сдерживающие его, истлели. Несколько секунд он раскачивался, будто бы в посмертном аритмичном танце, а после рухнул на землю.

— Сэр Брендон! Леди Калли! — одновременно завопили Звезды. Я улыбнулась и (в который раз?!) потеряла сознание.

Мне привиделся Жасп — родной, безумно давно утраченный мир криогов. Память о планете искусственно вживлялась в мозг каждому новорожденному: дом, облик которого они обязаны были сохранить в вечности. Безбрежный океан с единственным материком, захватывающим экваториально-тропическую зону, дал жизнь многим видам, но лишь один эволюционировал сказочно быстро, сказались бесчисленные вспышки на желтой звезде, слабый озоновый слой и, как следствие, воздействие гамма-лучей. И уже через несколько тысяч лет криоги дерзнули выйти в космос. Когда корабли, разлетевшиеся, будто искры от костра, достигли новых миров, они не смогли связаться с Жаспом.

Лишь через годы они узнали, что Жасп погиб, его уничтожили без объявления войны. Паспус, Древние — в итоге окрестили разрушителей криоги. С ненавистью, страхом и уважением. И потому практически с рождения криогам вкачивали в долговременную память нереально лазурное море, папоротниковую растительность, изумительно синие небеса и прекрасные строения: криоги были замечательными архитекторами, с очень развитым чувством гармонии.

С высоты птичьего полета Айрин показался так себе: беспорядочное нагромождение разноцветных башенок и белоснежных шпилей, со всех сторон окруженных джунглями, а в центре — пять маленьких озер (или луж-переростков), будто какой-то великан оставил отпечатки своих пальцев.

Сквозь видения о Жаспе я смутно различала шелест струй дождя о борта флаэреля, здесь же было спокойно и сухо, лишь бело-голубой со звездой флаг Империи чуть колыхался над самым высоким шпилем.

— Сердце мира, — заметив, что я очнулась, Брендон улыбнулся. — Чувствуешь полное единение с природой.

Я рассеянно кивнула. Да уж, полное единение. Ничего, что силовое поле протяженностью в несколько километров полностью ограждает Айрин от воздействия той самой природы?

Мне вспомнилось щемящее чувство восторга от полета над горами Раута: те исполины, подпирающие небеса, много сильней растревожили душу.

Флаэрель заложил последний вираж перед посадкой.

— Что с телами Стайра и Милена? Их извлекли? — спросила я.

Кажется, Брендон удивился вопросу. А может, его расстроило напоминание о смерти телохранителей. Он облизнул губы, подпер лоб рукой и чуть нервно ответил:

— Точно не знаю. Партию я отослал. Думаю, завтра их останки кремируют.

— Я хочу присутствовать при этом, — не поднимая глаз, сказала я.

Брендон медлил с ответом.

— Они погибли вместо меня.

— Хорошо, — согласился он. — На рассвете. Я приду за тобой.

Больше мы не разговаривали. Он проводил меня до Аметистовой башни, ставшей ненадолго моим домом, и до боли сжал мою ладонь. Трое из шести телохранителей, следовавших за

нами, остались охранять мой сон. Но я не спала. Вплоть до того момента, как воздух подернулся золотистой дымкой рассвета, я заполняла чистые листы мелким и не слишком понятным почерком. Что-то подсказывало мне, что другой возможности не будет. И лишь первые лучи далекой Капеллы вынудили меня упасть, не раздеваясь, на расстеленное ложе. Спасительное забытье длилось не более пятнадцати минут.

Переливчатая трель возвестила о приходе Императора и о неизбежности новых кошмаров.

День 16.

Я вновь и вновь вспоминала Ривал, тот чудный безоблачный день, закончившийся столь трагически, запах горелого мяса…

Кроме нас с Брендоном на площадке у неприметного серого здания присутствовал весь личный состав охраны Императора, расквартированный в Айрине. Я была единственной женщиной. По дороге Брендон объяснил мне, что традиционно женщины не допускаются сюда, к этому простенькому домику. Он вещал что-то о гуманности, а я лишь понимала, что матери, жены и сестры лишены возможности проститься с близкими. Конечно, они проводят последнюю ночь рядом с почившим, но…

Не лезь со своим уставом в чужой монастырь, Ирочка. Они так живут.

Люди на площадке расступились. В полном молчании восемь мужчин в форме внесли два белых с черной траурной лентой прямоугольных ящика. Офицер протянул нам с Брендоном сложенные имперские флаги. На мгновение взметнулись полотнища и опустились на безликие гробы. Брендон преклонил колено, я последовала его примеру. Ящики с телами Милена и Стайра внесли в недра их последнего приюта. Никаких залпов и прощальных речей, просто общая скорбь, поделенная поровну.

Кажется, я поняла, почему женщины не принимают участия в церемонии — слишком жестоким показался бы им этот ритуал без утешений и слез.

Наконец, Брендон встал, протянул мне руку, помогая подняться.

— Нас ждут.

Его заявление ничуть меня не удивило. Впрочем, если бы не его инициатива, я бы сама настояла на собрании высших чинов Империи: ведь я намеревалась перевернуть ее вверх тормашками.

Собрание Малого Императорского Совета.

Я хотела быть краткой, безумно мало времени до рассвета, впереди вторые сутки без сна, но, чувствую, у меня не получится.

Лорд Телли, ближайший советник Императора. Белесые клочки волос вокруг обширной лысины и испещренное морщинами лицо. Тщательно маскируемое недоверие во взгляде. Как и подавляющее число присутствующих, Телли достался Брендону по наследству от отца. Возможно, наиболее крепкий орешек в здешнем зверинце.

Лорд Кайс, сравнительно молодой и энергичный министр внутренних дел (сразу оговорюсь: настоящие звания Лордов невозможно коротко и ясно перевести на русский, так что я их… упростила). Он сидел по правую руку от Телли, и казался полной его противоположностью: от густой шевелюры до добродушной улыбки. Правда, закралось подозрение, что добродушие малость наиграно, но в целом — приятный человек.

Следующим за длинным овальным столом расположился Сэр Ивенс-Атир, самый высокородный из собравшихся (не считая, конечно, Императора и, как ни странно, меня). Сэр Ивенс приходился Брендону троюродным дядей. По совместительству он являлся проконсулом Вельзевула, изначально не приспособленного для людей мира. Так и болталась бы ближайшая планета EV Ящерицы в космосе одинокой скалой, но на ней обнаружили богатейшие залежи драгоценных камней, столь любимых аристократией. Теперь треть Вельзевула — вечноцветущий сад, остальное — прииски. Сэр Ивенс-Атир входит в десятку состоятельнейших людей Империи. Я не заметила особого энтузиазма в Сэре Ивенсе, он явно хотел поскорее расквитаться с делами и вернуться к своей необременительной должности. Высокий и тучный, он, несомненно, производил внушительное впечатление.

Когда Брендон представлял следующего участника, мое сердце пропустило пару ударов. Напротив Лорда Телли сидел и ехидно улыбался ненавистный мне Лорд Гейзел. Я поспешила отвести взгляд, слава богам, память у меня хорошая, инаугурацию я помню отчетливо.

Единственная женщина в зале, Леди Милен с первого взгляда показалась холодной и неприступной. Чуть орлиный профиль и иссиня-черные волосы без седины (но не без краски), отсутствие макияжа и бледно-голубые ледяные глаза. От нее не ускользнуло удивление на моем лице при упоминании ее фамилии. Несколько в нарушение регламента она спокойно произнесла:

— Я его мать.

Для женщины, пережившей гибель сына, она держалась на

редкость уравновешено. Леди Милен занималась финансами Империи, а также инфраструктурой Консула I. Проще говоря, имперский казначей.

Места в зале, да и за столом, было еще предостаточно, большинство почти неосязаемых воздушных кресел пустовало. Мне осталось ознакомиться лишь с двумя приближенными к власти.

Сэр Эйден… Такое лицо могло быть у зимы, известной в этом мире только понаслышке. Кустистые брови над светлыми глазами (я, слепая курица, не разглядела цвета). Сэр Эйден улыбался — ему было откровенно скучно, но трагичность и суетливость наша его забавляла. Из длиннющего списка его званий я поняла, что он — высокая военная шишка (странно, а с виду — сплошное ванильное пирожное).

Лорд Хелин, худосочный человек с длинными, очень живыми пальцами, почти не привлекал внимания. Его серо-коричневое одеяние тому крайне способствовало, я даже предположила, что здесь не обошлось без тайных спецслужб. Брендон не опроверг моего убеждения, представив Лорда Хелина своим вторым советником.

Итак, представление началось. Ирусик, твой выход!

Дрожали коленки. Эти люди решали судьбу и политику Империи, они видели меня впервые (краткое представление на церемонии инаугурации не в счет), и вряд ли были склонны верить мне. А собиралась я всего-навсего выдвинуть несколько обвинений в государственной измене — без доказательств, и убедить их развязать войну — без оснований.

(И еще у меня зверски болит голова, не с будунища, нет, просто спать иногда надо).

— Сэр Брендон, мы все чрезвычайно рады видеть вас и Леди Калли в здравии, — благочестиво произнес Гейзел.

Брендон рассеянно кивнул. Я даже не пошевелилась — по-моему, этот человечишка готовил гадость. Тем временем проконсул Македонии продолжил:

— Но ни я, ни досточтимые Лорды и Леди не понимаем цели сегодняшнего собрания…

Мой обожаемый Брендон не дал ему договорить.

— Лорд Гейзел выражает сомнение в Императорском праве собирать Совет или в глобальности вопросов, выставленных на обсуждение?

Ох, любил повторять мой старинный приятель: «Не буди во мне зверя, а то кролик проснется!» В Брендоне пробудился лев. Я кожей чувствовала, как колеблется Гейзел: и то была приятная неожиданность.

— Нисколько, о Император! Но хотелось бы услышать эти вопросы…

— Вы не в курсе последних событий, Лорд Гейзел?

Теперь в зале бушевал небольшой такой тайфунчик «Брендон Атир».

— Почему же, я осведомлен о случившемся. Трагическое стечение обстоятельств… Но ведь это вопросы к техникам!

— С техниками мы это обсудим, — подала голос я. — Но не они плели заговор.

Повисла тишина. Они даже дышать перестали от изумления.

Впрочем, пауза, выдержанная в лучших традициях Станиславского, затянулась. Я поднялась с удобного седалища; шелест шелка прозвучал, как порыв ветра в лиственном лесу. Я сложила ладони в корявое подобие сферы и подула в отверстие между большими пальцами. И сразу резко распахнула ладони. Маленький световой шарик послушно полетел в центр зала. Я взмахнула одними кистями рук. Капля света взорвалась мириадами искорок, разлетевшихся во все стороны.

— Теперь ни одна форма материи, энергии или мысли не покинет помещения. Извините за неудобства. Видите ли, минимум двое из вас — предатели. Достаточно достойная тема для обсуждения, Лорд Гейзел?

Он весь как-то посерел и сдулся. Ответа я не дождалась, в принципе, не очень-то и хотелось.

— Леди Калли, — осторожно обратился старик Телли. — Я слышал, это связано с криогами?

По комнате прокатилась волна спазматических вздохов. Кроме Телли, Брендона и меня, невозмутимым остался только Сэр Ивенс-Атир. То ли еще будет, господа!

— У вас хорошие шпионы, советник, — снисходительно улыбнулась я. — И у вас, Сэр Ивенс.

Леди Милен закашлялась.

— Так это правда?!

— Да.

Великие мира сего расшалились, как несмышленые щенки. Я воспользовалась передышкой, чтобы опуститься в парящее кресло. Может, и вздремнуть бы успела, но Брендон не дал.

— Тише! Продолжайте, Леди Калли.

Я открыла глаза и широко улыбнулась.

— Это очень давняя история. Точнее, их две. Но первая

попроще — обычные подлость и жажда власти. С какой начнем? Лорд Кайс?

— Я?! — выдохнул молодой политик. — Наверное, с первой… Если проще…

Он вызвал очередную порцию улыбки.

— Это очень по-людски, Лорд Кайс, плыть по течению. Пусть будет по-вашему. Однажды группа богатых, влиятельных и честолюбивых людей приходит к мысли, что им чего-то не хватает. Чего, казалось бы? Если бы они скинулись, то запросто приобрели бы какую-нибудь туманность.

Я чуть задержала дыхание. Давненько у меня не было такой внимательной аудитории.

— А не хватало им власти. И еще, наверное, адреналина. Так родилась идея государственного переворота. Состоялась неудачная попытка убийства Хорина Атира. По плану, наследником становился очень юный Брендон, а регентами его должны были назначить Леди Атир и Сэра Ивенса-Атира. Не так ли, Сэр Ивенс?

Правитель Вельзевула вздрогнул.

— Что вы хотите этим сказать?

— Неудачливый киллер был найден в тот же день мертвым, причем яд ему ввели часов за сорок до этого, — невозмутимо продолжила я. — А вскоре скончалась и Леди Атир.

— Мама была больна! — вспыхнул Брендон.

Не поднимая глаз, я покачала головой.

— Нет. Это была официальная версия. Сэр Хорин был не просто харизматическим лидером, он был мудрым человеком. «Жена Цезаря должна быть вне подозрений»[7], - отсюда и болезнь Императрицы. И он не хотел травмировать тебя. Да, пока помню, Сэр Эйден, Ларта Атир в девичестве носила фамилию Эйден?

Он спокойно кивнул.

— Она была моей двоюродной племянницей.

Я повнимательней вгляделась в Эйдена — он оправдал мои ожидания. Человек огромной внутренней силы.

— А остальные заговорщики? — задумчиво спросила Леди Милен.

— Остальные? Больно быстро вы все схватываете, я еще не обвиняла Леди Атир.

— Я… — начала подниматься Леди Милен.

— Сядьте, — перебила я. — Ничего личного. Да, Ларту втянули в свой круг предатели, но лишь благодаря шантажу. Только не спрашивайте подробностей, не отвечу. Единственное, что могу сообщить — они угрожали убить и Брендона. А остальные… Они затаились. Император утроил охрану вокруг

себя и сына, создал тайную организацию, агенты которой очень внимательно наблюдали за элитой Империи.

На лоб мне упала прядь волос. Не то, чтобы она жутко мне мешала, но я неторопливо убрала ее с лица.

— Есть такой наблюдатель и здесь.

Я встретилась глазами с Хелином.

— Правда? — вежливо поинтересовался он. Да так ненавязчиво, что я чуть не захлопала в ладоши.

— С вероятностью до тысячной процента.

Брендон наконец поднял голову.

— Давайте сделаем небольшой перерыв.

— Хорошо! — легко согласилась я. Сказать по правде, я уже порядком вымоталась.

— Сфера Влияния обоесторонняя? — спросил Брендон.

На минуту я замешкалась.

— А, чай, кофе, потанцуем…

— Что-что? — вмешался Лорд Хелин, не знакомый с моими земными причудами.

— Не обращайте внимания, Лорд Хелин. Нет, Сэр Брендон, я сейчас сниму обратный заслон.

Отчего-то официальное обращение к человеку, так недавно осыпавшему меня поцелуями на ложе из палой листвы, совсем подкосило меня.

Брендон тем временем делал заказ, шепчась с малахитово-зеленым тетраэдром.

— Все, — достаточно громко произнес он. Тетраэдр втянулся в поверхность стола. — Мы с Леди Калли ненадолго покинем вас.

Я минимально удивилась, окинула взглядом всю честную компанию, криво ухмыльнулась Гейзелу и приняла предложенную Императором руку.

У неприметной дверки в конце зала мы ненадолго замешкались: я приоткрывала Сферу Влияния. Надо было возиться дольше. В маленьком Жемчужном кабинете меня ждала взбучка.

— Что за спектакль?! Просто скажи, кто участвует в заговоре! Я их казню и закончим на этом!

И где твоя рассудительность, Брендон? Когда, объясни мне, когда что-либо было так просто?

— Успокойся, Брендон. Да, ты самая важная и наиболее голосистая лягушка в этом болоте, но думать-то иногда надо, прежде, чем квакать! Заговор — всегда айсберг. Конечно, важно снять именно верхушку, но здесь я хочу знать как можно глубже.

Не забывай, последнее время с навязчивым упорством пытались прикончить именно меня! И потом, хорошо: назову я тебе имена, ты их казнишь, сразу поднимется недовольство. Этот гнойник слишком сильно разросся, чтобы его удалить, придется убедить всех в твоей правоте. А без шума ты этого не добьешься!

Я перевела дух. Скоро у меня язык отвалится, столько говорить! Изумительное дело — моя дешевая демагогия Брендона убедила. Пару минут он мерил шагами кабинет, скрестив руки на груди, а потом кивнул.

— Ты права, Ирина. Прости за мою горячность. То, что ты сказала про мать… Слишком сильный удар для меня.

— Извини.

Прекрасные серые глаза его глядели в пустоту. Я погладила его по щеке.

Прости и ты меня, милый, за мой обман! Не знаю я практически никаких имен, потому и понадобилось мое нехитрое шоу.

Перед моим лицом возник красивый бокал на длинной ножке с темно-рубиновым вином.

— Выпей, оно придаст тебе сил.

Бокал сам скользнул мне в руку. Какое это чудное явление — прогресс!..

Сигналом к возвращению послужила попытка прорвать Сферу Влияния. Я взвизгнула от восторга и кинулась к Императору.

— Брендон, ты прелесть! — возликовала я и звонко чмокнула его в щеку. — Бросай винище, там Совет скучает!

Ошалелый взгляд послужил мне ответом. Хорошо, хоть пальцем у виска не покрутил. Но он умница, не стал упираться и мирно побрел за мной.

Воздух плавно прогнулся — мы шагнули внутрь Сферы. Семь пар глаз уставились на нас с явным негодованием. Малый Императорский Совет нервничал. Как мило с их стороны!

Хелин выбивал дробь по крышке стола, Леди Милен покусывала нижнюю губу, глазки Лорда Гейзела бегали из стороны в сторону, даже Сэр Ивенс всем своим видом выражал возмущение. Старик Эйден сидел ровно. Но больно уж напряженной была его неподвижность, а сосредоточенное лицо Лорда Телли отчего-то приобрело синеватый оттенок.

И только Лорд Кайс широко и добродушно улыбался — просто само спокойствие.

В моей душе звенела радость от первой (крохотной, правда) победы, поэтому я искренне ответила на его улыбку.

Мы с Брендоном заняли свои места.

— Продолжим, — сказала я. Слова мои повисли в звенящей тишине.

— Продолжим, — повторила я. — Лорд Кайс, вы уже сделали какие-то выводы из вышесказанного?

— Боюсь, пока рано их делать, — подался вперед Кайс. — Ведь вы далеко не все нам сообщили, Леди Калли.

Похоже, я сумела-таки поколебать его равновесие. Уже 2:0 в мою пользу.

— Вы абсолютно правы, Лорд Кайс, безусловно. Однако. Леди и джентльмены, у меня две новости, плохая и хорошая. С которой начнем?

— Сейчас не повредила бы хорошая новость, — чуть зло ответила Леди Милен.

Фи, леди, злость вам совсем не к лицу — старит очень.

— Отлично. Сегодняшнее собрание закончится до обеда. И до наступления нового дня мы все сможем отдохнуть.

— Какая же плохая? — перебил меня Гейзел.

И было мне так хорошо, что я даже не стукнула гада. А желание возникло.

— Покинув Зал Собраний, все вы останетесь под контролем Сферы.

Все дальнейшие слова потонули бы в многоголосом хоре. Впрочем, я, не будь дурой, помалкивала.

Бессонная ночь вновь начала сказываться. Я растерла виски кончиками пальцев. Брендон как раз успел успокоить свой зверинец, когда головная боль отступила.

— Империя не может позволить изменнику предупредить других участников заговора. Ваши неотложные дела могут подождать, да и не может быть у вас дел важнее порядка в государстве.

О, Брендон — ты лучший! Я не смогла бы так весомо и просто. Концерт по заявкам закончился.

— Не волнуйтесь, — милостиво разрешила я. — Минимальное общение вам обеспечено, но все информационные обмены будут фиксироваться.

Физиономии семи великих отражали различные степени конденсации бешенства. Не скрою, я наслаждалась зрелищем.

— Знаете, осталось немного. Мы уже дошли до наших дней. Итак, первая попытка провалилась, зато дала нам новое действующее лицо — Рэйну Ивер. Девочка выросла прехорошенькой и честолюбивой. Должности Первой Леди Империи, опрометчиво обещанной ей Сэром Хорином, ей показалось мало, но это не главное. Рэйна влюбилась. И так ей

повезло, что влюбилась она в одного из предателей, и он сейчас среди нас.

— Почему бы не назвать имена и не покончить с этим балаганом?! — взорвался Лорд Гейзел. Он вскочил с кресла и брызгал слюной в соседей. — Назовите их или признайте, что вы ничего не знаете! Вы пытаетесь взбесить нас, чтобы кто-либо выдал себя, не так ли?

Я и бровью не повела.

— Сэр Брендон, если я не ошибаюсь, Македония находится у самой границы Межгалактической Империи?

— Абсолютно верно, — невозмутимо ответил он.

— Что ж, вы вынудили меня. А так хотелось рассказать все по порядку! Император, мои слова обладают официальной силой?

— Безусловно, Леди Калли, вы носите Звезду Атиров, ваше слово приравнено к императорскому.

— Лорд Гейзел, вы обвиняетесь в двойном предательстве, — я подарила ему самый нежный взгляд. — Ну, и все ваши слова могут быть использованы против вас. Храните лучше молчание.

Я кивнула Брендону.

— Что?!! — вскричал Гейзел.

За его спиной уже стояли два офицера личной гвардии Императора. Я смежила веки. Первый акт отыгран.

— Круфтсис, шпион инопланетной цивилизации, именуемой криогами, появился на Македонии почти два года назад, в самый разгар вашего романа с Леди Ивер. Вам не кажется излишне циничным, что отдавала приказ об убийстве Хорина Атира дочь его спасителя?.. Впрочем, об том мы поговорим завтра, к сожалению, без вас, Лорд.

— Уведите его, — приказал Брендон.

Никто не издал ни звука, даже Гейзел весь обмяк, не протестуя больше.

— Собрание продолжится завтра, с того же времени, — сказал, поднимаясь, Брендон.

Беспечная Капелла вызолотила мир.

— Где бы ты хотела пообедать? — спросил Брендон.

— Хочу воздуха. Скоро задохнусь в четырех стенах.

— Легко, — улыбнулся он. — Пройдемся?

Айрин был похож на россыпь драгоценных камней в золотой оправе. Я облокотилась на руку Брендона.

Мы немного попетляли между башенками Айрина — минут пятнадцать-двадцать, но к концу прогулки я начала потихоньку зевать.

Обед был накрыт прямо на траве, в сердце пяти серебряных озер. Легкий ветерок забавно шевелил волосы, блаженная прохлада с воды сняла напряжение. Гомон птиц, плавающих совсем рядом, звучал как музыка — он был много приятнее возмущенных возгласов участников недавнего Совета. И здесь были лебеди — чудесные гордые птицы с планеты Земля; одна белоснежная пара величаво подплыла к нам, и мы кормили их с рук.

Я вздрогнула всем телом, почувствовав руки Брендона на своих плечах.

— Ты очень измучилась, — он скорее утверждал, чем спрашивал.

Я повернулась к нему лицом, и несколько долгих мгновений мы мучительно вглядывались друг в друга. И если бы не охрана, ненавязчиво маячившая в отдалении, возможно, мы долго стояли бы так.

Трапеза прошла в молчании. Не то, чтобы нам нечего было сказать, просто мы теперь многое понимали без слов.

Вяло ковыряясь в десерте — безрадостные мысли спугнули аппетит — я следила за экзотическими пернатыми. Время на отдых прошло.

— Я установила Барьер Невмешательства.

— Наконец-то. Я уже чуть сам это не сделал. Ты сегодня здорово вызверилась.

— Адекватная реакция. Очень бесит, что в меня постоянно стреляют. Я уже молчу про того красненького дракошу. Он, по крайней мере, был довольно симпатичен.

(Кроме прочего, у меня начинается цикл, болит поясница и низ живота, а мне некогда заняться родными болячками из-за всяческих уродов, желтое небо действует мне на нервы, да еще вон та кособокая рыжая птица разоралась, будто из нее живьем выщипывают перья: с удовольствием свернула бы ей шейку, а в остальном я белая, мягкая и пушистая, только не выспалась.)

— Мне нужен корабль. С ОЧЕНЬ преданным капитаном и ОЧЕНЬ молчаливой командой.

Он удивился, но абсолютно держал себя в руках. Хорошо здесь готовят Императоров.

— «Странник». Когда он тебе нужен?

— Завтра. Тиор Райли должен будет добраться до Айрина, чтобы я смогла дать ему указания. Нужно разведать позиции криогов.

Брендон кивнул.

— Я так и думал. Ты завтра закончишь с Советом?

— Ну да, по-любому. А что?

— У меня встречное предложение. Я запихну тебя в звездолет и наконец-то займусь делами.

— Брендон, нет! Я же там никого не знаю!

Он встал. Теперь мне приходилось смотреть на него снизу вверх, а это всегда подавляет.

— Слушай, Ирина, я устал трястись за твою жизнь. Мне уже за каждым деревом мерещатся киллеры! Тебе нужно исчезнуть с Консула, желательно, в неизвестном направлении. Веришь, мне сейчас будет, чем заняться, например, придушить эту гадину Рэйну, а ты единственная, кто реально расценивает угрозу нового нападения криогов. Ты нужна там. Пожалуйста.

Вот и вся любовь. Спасала, спасала его, а он меня отсылает. О, черт! Конечно, я понимаю, что все его слова справедливы, но… Брендон, это жестоко!..

Я согласилась. Что мне еще оставалось?

Ветер что-то зашептал мне на ушко. Кажется, передавал приветы от звезд…

День 17.

Поднимая взгляд от исписанной страницы, я с удивлением заметила рассвет. Мягкая релаксирующая музыка давно и тщетно зазывала меня в кровать. Последний мой рассвет на планете… День разоблачений и расставаний. Сделав последний глоток вина, я отключила освещение и легла спать. Солнечные лучи выписывали теплые дорожки по лицу. (Только проснувшись, я узнала, что на меня покушались, причем так грубо и смехотворно, что с убийцей справилась электроника здания, даже не подавая вызова охране).

На душе было легко, будто я здесь родная. Девочка, покинувшая дом, чтобы поиграть в песочнице, но вернувшаяся на зов к обеду. Я была в космосе.

Только покинув планету, я решилась дать капитану Райли описание системы, в которой аккумулировались силы криогов.

— Замечательно, — с подкупающей улыбкой произнес капитан.

Собственно, я ожидала, что он начнет просматривать карты, введет информацию в блок управления, короче, любого действия. Но Тиор Райли просто сидел в своем кресле, скрестив руки на груди и не сводя с меня глаз.

А потом он рассмеялся. (Я собралась обидеться, но не

успела).

— Не надо так удивляться, Леди. По сути, «Странником» управляю не я, а бортовая система, кстати, ее зовут Ана.

— Приятно познакомиться, Леди Калли, — донесся из динамиков милый женский голос.

Лучше бы она молчала. Стало жутко не по себе.

— Компьютер?

Капитан откинулся в кресле.

— Не называйте ее так. Ана расстроится. Она не человек, конечно, но она живая.

— Спасибо, Тиор.

Я вздрогнула. Это до ужаса неестественно, когда с тобой разговаривает стенка.

— Когда я была на Консуле, одна девушка, Арна, сказала мне, что за Катастрофу на Терре ответственны компьютеры…

— Это бред, почему-то распространенный на не компьютеризированных планетах среди низших слоев, — ответил капитан. — К 2587 году еще не закончились разработки КР — кибернетического разума. Катастрофа — дело рук человеческих, исключительно человеческих. Не пытайтесь увидеть в Ане врага, толком не узнав ее.

Повисла немного неловкая пауза. Я ощутила себя ребенком, которого отчитывают за нелепую оплошность.

— Я не хотела обидеть тебя, Ана.

— Нисколько. Я в порядке. К слову, я закончила поверку расчетов и проложила курс.

Тиор Райли улыбнулся.

— Так-то лучше, девочки. И куда мы летим, Ана?

— На периферию скопления молодых массивных звезд в газовой туманности Тарантул NGC 2070, это в Большом Магеллановом облаке. Полет в одну сторону займет четыре дня, в реальном времени пятнадцать, но я могу частично скомпенсировать временные потоки в точках входа и выхода из подпространства.

— Не надо. Пара недель туда, еще пара обратно, как раз то, что нужно. Ты сможешь держать нас в курсе событий в Империи?

— Только до и после перехода. Кстати, до него осталось тридцать секунд, я успею скачать любую информацию, приступить?

— Нет, Ана, спасибо. Я осведомлена.

Сейчас там не происходит ничего выдающегося. Часа два назад официально подтвердили обвинение в измене Лорду Гейзелу. После предварительного расследования его отправят в тюрьму в открытом космосе, вращающуюся жестянку с людьми

под слабыми лучами Бетельгейзе. На одном транспорте с ним отправятся Сэр Эйден и Лорд Телли, официальное обвинение которым будет предъявлено часов через десять. Рэйне Ивер обвинений не выдвинуто, ее Император вызвал в свою летнюю резиденцию, Айрин (премилая была сценка, Рэйна, правда, выглядела не очень хорошо, но когда Брендон на вопрос обо мне так лаконично ответил: «Ее нет», — я с трудом сдержалась от аплодисментов). На месте Леди Ивер, право слово, я стремилась бы к Бетельгейзе, а не в красочный Айрин. Вообще второй день собрания прошел неизмеримо более скучно, чем первый, рассказывать не о чем. Слишком скованно вели себя участники.

— Итак, если все так чудесно, я могу пойти поспать? — спросила я у Тиора. Пора бы уже хоть раз вздремнуть часиков десять-двенадцать, пока не свалилась от напряжения.

Капитан вызвался меня проводить. Я, разумеется, не отказалась.

В полет я ничего с собой не брала, кроме сверхпрочного писчего материала (уже довольно объемную самоскрепляющуюся стопку). Чудесные платья остались в Айрине, вместе с моим сердцем. Брендон… Хотя бы кончиками пальцев прикоснуться к тебе, крохотной птичкой заглянуть в твои ночные грезы…

— Ана? — позвала я.

— Я здесь.

— Как у нас насчет душа? Не хочу, чтоб стены провоняли потом.

— Может, лучше ванну? С гидромассажем, а после стакан сока с чем-нибудь легким на закуску?

Она чуть слышно рассмеялась, чем повергла меня в панику. Ладно, мыслить, общаться, но эмоции — смех?! Для этого же нужна душа!

Но тут часть дальней стены схлопнулась, открыв небольшую ванную комнату, потому я отбросила теологические рассуждения, и, шепнув: «Спасибо», — одним длинным движением разделась, чтобы голышом прошествовать в радужную пену.

Дни 18–22 (по корабельному времени), и 18–33 по стандартному исчислению (по времени внешнего мира, точнее — по Консулу I; стандартный день равен 24 часам, по традиции). Спасибо за помощь Ане.

Как долго тянутся дни, наполненные пустотой и ожиданием. Особенно тяжело окунуться в ничегонеделание после тревожных, наполненных событиями дней. Секунды видятся неделями, а

минуты складываются в вечность. Так, тусклыми питерскими ночами, когда одиночество просачивалось за фасад типовой многоэтажки и иллюзии самодостаточности, я вглядывалась через немытое полгода кухонное окно, ища хоть что-нибудь… Оно, конечно же, не приходило.

Простояв так час или два, я уходила, изредка бросая взгляд на круглые настенные часы: проходило минут восемь…

О таких путешествиях говорят: полет прошел нормально. «Ведьмак провел зиму в Туссенте[8]»…

Я тосковала по Брендону, Тиор застенчиво ухаживал за мной, а я… не стремилась эти ухаживания отвергать. Странно… Нас связала тень его друга и моего возлюбленного — в одном лице. Черт, да мы только о нем и говорили большую часть времени!

Он был довольно мил, мой зеленоглазый капитан. Он поил меня отличным вином, водил гулять по кораблю, знакомил с экипажем. О, это отдельная история: команду в основном составляли молодые, спортивные мужчины и женщины, все абсолютно разные, но Койт! Представьте себе два с половиной метра роста, метра полтора в плечах и синие-синие глаза… Добавьте добродушную улыбку, черные завитки, закрывающие шею, и нежно-фиолетовый цвет кожи. Хороша картинка?

По словам Тиора, таковы были результаты мутации на планете, сильно отличающейся от Земли, которую колонизаторы не стали изменять. Случай уникальный, и теперь родившихся на Глацинии легко узнать в толпе, впрочем, они крайне неохотно покидают родной мир.

Тиор обладал массой положительных качеств: он был умен, тактичен, никогда не молол чепухи, имел завидное чувство юмора, рыжеватую шевелюру и прекрасное телосложение. Одно «но» — он не был Брендоном.

— Он неравнодушен к тебе, — безапелляционно заявила Ана.

Я завела привычку общаться с ней каждый вечер (по корабельному времени), перед сном. Фактически, она заменила мне внутренний голос, кроме того, мое дружелюбие непременно распространяется на экстраординарные личности.

— Ты будешь смеяться, но я обратила внимание. Однако не могу сказать, чтобы меня это вдохновляло. И вообще, Ана, дорогая, кто я такая, чтобы отбивать у тебя парня?

— Ты заметила? Или просто, к слову пришлось?

— Слишком весело было произнесено «неравнодушен», достаточно очевидно, чтобы я смогла это расслышать.

— Знаешь, Ирина, для человека ты чересчур рассудительна. Только Тиор — не мой парень. Позавчера ты меня компьютером назвала — не маши руками, я не обижаюсь — в меня эта эмоция

не заложена. Так вот, я и есть компьютер, только больше, умнее, и вижу сны.

— Да ладно! — я вскочила с постели.

— Ой, успокойся, ничего сверхъестественного нет. Просто однажды Тиор проснулся с криком среди ночи и позвал меня. Я выспросила, что с ним стряслось, а потом вытянула по капле содержимое его сна. Тогда я была юным созданием, впечатлительным — не закатывай глаза! Да, меня создали, и что в этом такого? Так вот, мне стало любопытно, и я научилась генерировать цепочки случайных образов — так я вижу сны. И зачастую мне снится Тиор.

— Ана, золотце, очень много информации… Давай поболтаем завтра?

— Не вопрос. Приятных сновидений, Леди Калли.

— И тебе, подружка…

— Вот оно.

Даже в голосе Аны — самого, по сути, незаинтересованного участника — слышалось волнение.

Девяносто восьми часовой перелет закончился. От апатии и утомления не осталось и следа.

— Боюсь показаться дурой, но я ничего не понимаю. Где корабли криогов?

Как мама настаивала, чтобы я купила наконец очки!..

— Сейчас увидишь. Применяю узкополосные фильтры, увеличиваю…

— Силы небесные…

Тысячи мотыльков беспорядочно кружились по мини-орбитам вокруг затемненных звезд, Ана позаботилась, чтобы нас не ослепило.

— Очень умно, — заметил Тиор Райли, обозначив свое присутствие.

— То есть? — итак уже ясно, что роль главной идиотки моя, хуже не будет.

— Все звездные сверхассоциации связаны, как правило, с областями ионизированного водорода. В Большом Магеллановом облаке более ста двадцати обширных группировок молодых звезд, а самая значимая зона ионизированного водорода — Тарантул.

— Тиор, заткнись! — не выдержала Ана. Как же я была ей благодарна! — Ты не диссертацию пишешь, Ирина ни слова не поняла из того, что ты нагородил. Верно?

— Ну, про Магеллановы облака я слышала в школе… Кажется.

— Понятно. NGC 2070 — это те звезды, которые ты сейчас видишь. Заметила, они как бы кучкуются? Так вот, это называется скоплением. От нашей галактики корабли криогов скрывает излучение этого скопления и ограниченная пылевая туманность. Ясно?

— Спасибо тебе, Ана, — по правде, поняла я исключительно то, что с больших расстояний данного рассадника не разглядеть. И что-то мне подсказывало, именно это Ана и хотела мне втолковать.

У меня разболелась голова. Умники чертовы, скажите лучше, что дальше делать будем? Развернемся и полетим радовать Императора?

И тут картинка начала проясняться, словно мозг наложил свои фильтры на изображение огромной панели, показывающей уловленные радарами данные.

Мотыльки роились вовсе не хаотично.

Я встала со своего кресла, обогнула изумленного капитана и подошла к панели.

У мотыльков был центр.

— Здесь.

Немного левее центра самой панели, более обособленная и менее яркая, чем остальные, горела звезда.

Я не люблю рисковать своей жизнью. Ненавижу, когда в меня стреляют, вряд ли смогу выдержать ментальную, а тем паче, и физическую пытку. И меня тошнит от запаха горелого мяса.

Поэтому я попросила Тиора выбрать восемь добровольцев из команды. На беду, из сорока шести членов экипажа вызвались тридцать два. И Тиор предложил мне сделать выбор самой.

Дело в том, что восемь — то число человек, которое Ана может одновременно перенести на поверхность планеты, попросту — количество мест в капсуле.

Выбирать наобум не хотелось, в конце концов, от моего выбора могло многое зависеть, например — будущее человечества. И я просидела над личными делами экипажа остаток дня.

Ближе к ночи я вызвала Тиора и заявила, что достаточно семи добровольцев.

Когда по корабельному и моему внутреннему времени пора было отходить ко сну, в центральном отсеке собрались все те, чьи личные дела я изучала на протяжении нескольких часов, плюс Тиор, и я, разумеется.

Массивная пачка личных дел осталась в моей каюте. В кои-то

веки сгодилась журналистская подготовка: запомнить имена и краткие характеристики членов команды. Хотя шпаргалку я на всякий пожарный заготовила, просто, чтобы было.

Я решила обойтись без вступлений и напутственных речей, потому сразу перешла к списку, намеченному мной в шпаргалке. В школьные годы я совершенно не умела пользоваться «шпорами», да и писать их, всегда полагаясь на неплохую память. Пристрастила меня к ним научный руководитель моего дипломного проекта, очень уважаемый преподаватель.

— Нильда.

Высочайшего уровня специалист по переброске — я не перестраховщица, просто случиться может всякое. Именно Нильда нашла и перенесла Брендона с Земли, с довеском в придачу в виде тельца в бледно-голубом халатике — с этого-то все и закрутилось…

— Койт.

Не передать радости, что я испытала, найдя фиолетовокожего гиганта в списке желающих. По необъяснимым с точки зрения логики причинам, Койт вызывал неоспоримое доверие и вселял своим присутствием надежду, что экспедиция не обернется трагедией. Кроме прочего, он являлся превосходным бойцом.

— Флинер.

Маг класса Творец. На сорок с гаком миллиардов человек, населяющих Империю, приходится около сотни магов этого уровня. К слову, теоретически (исходя из потенциальных возможностей в управлении Силой и ряду характеристик, сводящихся, строго говоря, к отсутствию предела воображения) я тоже вхожу в их число.

— Листенн.

В его деле утверждалось, что Листенн в совершенстве владеет множеством видов оружия, ниже следовал список. Признаюсь, на третьей странице я выдохлась. Еще пара страниц повествовали о технике, с которой он ладит: от транспортника до буровых установок.

Однажды мне загадали ребус, не из числа стандартных и, на мой взгляд, не слишком этичный.

— Ты — капитан подводной лодки, терпящей крушение. У тебя, как у капитана, есть оружие, и ты ответственна за порядок. Экипаж — пятьдесят человек, а спастись может только десять. Тебе предстоит выбрать, кому умереть, а кому дать шанс спастись. Всех ты хорошо знаешь, кого-то, вероятно, даже любишь, но покинуть лодку может только десять человек. Итак, кого выберешь?

Помнится, больше часа заняло тогда обсуждение. Бесспорной

оставалась на протяжении всей дискуссии лишь моя кандидатура — при всей моей склонности к патетике, героическая смерть и самопожертвование все-таки не для меня. Мнения тогда менялись кардинально, от: «А что, если выпустить женщин?», до: «А, черт с ними, пусть все тонут»… В итоге пришла к цинично перспективному: я, полезные люди (врач и т. п.) — скажем, трое, мои друзья (если я с ними дружу, они достойные люди, а раз я капитан, следовательно, я тоже ничего), думаю, трех друзей достаточно — самых близких, и трое физически сильных людей, дабы могли оказать помощь всем вышеперечисленным.

В конце концов, выбраться из лодки только полдела, надо еще выжить на поверхности…

У этой команды тоже должны быть шансы на выживание.

— Ирнальд.

Он уступал Койту по физическим данным, однако спокойно поднимал двести кило и был отличным стрелком.

— Альдобраст.

Лекарь. Причем лекарь многопрофильный — от научной медицины до местной «народной» — магического характера. Конечно, Флинер и я можем оказать помощь раненому, но это совсем не то, что может сделать профессиональный врач.

Я нарочно пренебрегла официозностью, они ведь прекрасно знают друг друга, и вместе им предстоит совершить маленький подвиг, потому я назвала только первые имена. В грядущем мероприятии будет не до создания Посланий Смерти…

Перед тем, как обозначить последнего, седьмого участника, я заколебалась. Повод был незначительный — Минс Тэй был выходцем с Македонии…

— Седьмым буду я, — заявил Тиор Райли, сделав широкий шаг в мою сторону.

Удивил — не то слово!

— Отклоняется.

— При всем уважении, Леди Калли, капитан этого звездолета — я. И ни один из перечисленных вами членов МОЕГО экипажа не сдвинется с места без моего приказа.

— Именно, Тиор, вы — капитан. Вы не можете оставить корабль.

— Ана прекрасно управится в случае необходимости. Кроме того, у меня есть помощник.

(Ох, спасибо, я в курсе. Его дело было первым в стопке, Кетлер Ааст, если я не запамятовала).

— Я принял решение, Леди Калли. Вы можете согласиться с ним или отменить экспедицию.

Да и ладно. Охота погеройствовать — не стану противиться.

— Отлично, Тиор. Вы и все, кого я назвала — встретимся завтра, в восемь утра по корабельному времени в капсульном отсеке.

— Леди Калли, в капсуле восемь мест.

— Спасибо за напоминание, капитан Райли. Только одна поправка — меня зовут Ирина. Если вы не поняли, восьмой буду я.

— Ирина?

Иногда голос Аны напоминал мне о далеком детстве — я тоже была озорной и любопытной.

— Да, дорогая?

— Почему не сегодня?

— Хочу сделать эпиляцию, длительную обработку полости рта, и в последний раз цивилизованно посетить уборную. Ах да, еще выспаться напоследок по-человечески.

— А-а…

— Ты ждала сотворения невероятного чуда в рекордные сроки в масштабах отдельно взятого звездолетика? Спешу разочаровать. Кстати, меня все подмывает спросить… А что там, за переходом? Если придуманное фантастами подпространство, почему мы видим звезды?

— Верно, звезды есть, вот только другие. Принято называть это «надвселенная». Возможность перехода в нее рассчитали твои соотечественники, русские, на простейших в сравнении с КР машинах, и они же построили первый аналоговый космический корабль.

— Ничего себе… Нищая Россия — и такое!

— Именно. В дальнейшем разработки были проданы Китаю и странам Восточного Альянса. Как бы то ни было, значение открытия неоценимо.

Вздыхаю, точные науки никогда не были мне особенно близки…

— Парадокс в том, что кроме самой возможности перехода мы и по сей день ничего не знаем о законах надвселенной. Надвселенная статична, но попадающие в нее предметы ускоряются многократно. Зонды глохнут. Любые анализаторы либо отключаются, либо выдают каждый раз новые параметры. Мы не можем ее исследовать.

— Но можем пользоваться, как скоростным шоссе?

— Образно, человек, — пол под ногами завибрировал, обозначая смех чудо-компьютера. — Сравнение засчитано. Эй, ты чего гасишь свет?

— Ты меня загрузила, железка. Планирую переварить избыток информации во сне.

— Негодяйка!

День 34 (по ст. исч-ю).

Ненавижу зиму. Отраженный блестючим снегом свет режет мне глаза, а холод действует на нервы. Унылые, лишенные листвы деревья и вечно серое беспросветное небо, промозглый ветер и глубокие, покрытые настовой коркой сугробы.

Ежегодная смерть природы…

Мало кто ненавидит зиму так, как я.

— Величайшее тебе спасибочки, Ана, — прогнусавила я в овальный тускло-серый кулон. Ими Ана снабдила меня и Тиора, велев без необходимости ее не вызывать. В кулоны она закачала часть своей оперативной памяти, хотя и не была уверена, что ее знания нам пригодятся. Относительно этой планеты у нее было крайне мало полезных сведений, правда, она раскопала где-то ее галактический номер.

Лично я нарекла планету Дитом[9], будучи уверенной, что фурии не заставят себя долго ждать. Яркая звезда, освещавшая уже отвратительный мне мир, получила прозвище Люцифер[10]. Вообще, затрудняясь с наименованиями, я частенько обращалась к классикам, теперь вот гений Алигьери пригодился.

Впрочем, если отбросить погодные условия, начало операции выглядело многообещающим. Ане удалось направить капсулу в незаселенный район, обойдя планетарную систему защиты. Как — остается только догадываться.

Моя молчаливая команда выбралась из капсулы.

Я пошепталась с кулоном.

— На северо-востоке от нас Ана фиксирует строения. Думаю, начать следует оттуда.

Тиор кивнул, при этом пальцы его скользнули по кулону. Не я одна пользуюсь подсказками.

Ни возражений, ни комментариев не прозвучало. Наша группа в идентичных серебристо-жемчужных комбинезонах беззвучно взмыла над снежным покровом, активировав антигравы. Хорошо хоть, не пешком по сугробам топать.

Вскоре я пересмотрела свое отношение к участию Тиора в вылазке «во вражий стан». Он умело (и привычно, чего не сказать про меня) управлял командой, я выдвигала идеи, Тиор же

организовывал их исполнение. Конечно, такое двоякое руководство могло впоследствии выйти боком, но, пока мы действовали сообща, проблем с субординацией не возникало.

Он выстроил команду в связку три-три-два, с замыкающими Нильдой и Альдобрастом. Первой полосой шли Ирнальд, Флинер и сам Тиор; вторую тройку составляли Листенн, я и Койт.

Спустя немало кривобоких палок, изображающих упадок дендрафлоры Дита, несколько высотных колебаний, промерзшее озерцо в котловине, и два небольших ледника, Тиор подал знак остановиться.

К тому моменту мне уже изрядно наскучило последовательное описание всего того, что мы успешно миновали, выдаваемое кулоном.

— Что сейчас, Ирина?

— Нам нужен один пленник, максимум два. Хотелось бы выяснить, где их… как бы точнее выразиться… мозговой центр, пожалуй, и как туда попасть — в идеале. И… потише.

— Ясно. Листенн, Флинер — вперед, Ирнальд прикрывает. Не стрелять без необходимости. Доставить одного криога.

Я наблюдала за троицей, пока она не скрылась за заснеженным холмом.

— Ты уверен, что троих достаточно?

— Вполне. Они участвовали в подавлении мятежа на Зинерии III. Ты вообще подобрала неплохой состав, поздравляю.

— Благодарю. В их делах не значился этот мятеж.

— Операция была не для досье и широкой огласки. Проконсул Зинерии III послал ноту Императору об отсоединении. Сэр Хорин не хотел создавать прецедент — на следующий день проконсул умер от кровоизлияния в мозг. Нужных чиновников повысили, остальных перевели. Дела Зинерии III не существует. А помогли скончаться проконсулу как раз эти ребята, возвращающиеся сейчас с презентом.

Вот плут! Я так увлеклась рассказом, что не заметила появления авангарда. Действительно, невысокий, плотный Ирнальд без видимых усилий нес неподвижное тело криога.

— Он жив? — просила я Флинера. Что-то подсказывало мне, что пассивное состояние «презента» — его рук дело.

— Да, он в трансе, — желтые кошачьи глаза с вытянутыми зрачками сверкнули. Стройный маг едва заметно улыбался.

— Отлично. Постарайся разузнать как можно больше о планете.

Он кивнул в ответ. Едва Ирнальд опустил ношу, прислонив криога к чахлому деревцу, Флинер отключил антиграв и встал на колени в снег. Разноцветные блики скользнули по комбинезону,

когда он поднес ладонь к закрытому глазу криога.

Мне лучше других было известно, что делает Флинер, и сколько времени ему понадобится. Я повернулась к Листенну.

— Что у них там?

Он пожал плечами.

— Какая-то станция. Этот, — он кивнул в сторону криога. — Шатался рядом со строениями. Мы не хотели привлекать внимания, так что схватили первого попавшегося и назад.

— Правильно.

— Нет, — Флинер поднялся, отряхивая снег с колен. — Мы ошиблись. Это подросток, воспитанник работника фермы. Криогам тоже нужно есть… Он знает только дорогу на бойню, куда отвозят животных.

— Твою ж мать, — тихо ругнулась я. Слава богам, по-русски. Названной сестре Императора подобные выражения не к лицу.

Складывались в кривые усмешки изгибы низких сизых туч, небо оглашали хриплые крики птиц, парящих слишком высоко, чтобы их разглядели. Тоскливо. Пейзажи давно слились в сплошную белую пустыню, испещренную обрубками растений.

В тон птицам завывал ветер, хоть мы и не ощущали его мерзлоты, защитное поле класса II ограждало от льдистых укусов. Поле класса I окружает исключительно Императора в потенциально опасных условиях.

Время от времени я прощупывала мыслефон Дита, надеясь наткнуться на что-то более информативно ценное, чем крытая ферма, но без особых успехов. Пока к категории новых знаний можно было отнести только систему правления криогов. В Оплоте Кри царила теократия, в милитаризованном формате. И нельзя сказать, чтобы кого-то из нас сей факт вдохновил — хуже вооруженных, целеустремленных фанатиков мало что можно вообразить.

Между тем наши — увы, пока безрезультатные — поиски затягивались, световой день грозил иссякнуть, а мой желудок горестно ныл и весьма настоятельно требовал пищи. И, хоть страсть к свершениям, адреналин, а также желание найти мало-мальски надежное укрытие, подгоняли вперед, нужды плоти взяли верх. Я объявила привал.

Похоже, Тиор не одобрил моей слабости, однако не решился отказать. И довольно неожиданной оказалась благодарность Нильды, голоса которой я до этого даже не слышала.

— Знаешь, если б не ты, к утру они бы вспомнили о еде. Может быть.

— Не факт, — улыбнулась я в ответ. Что поделать, состязания в выносливости с мужчинами нам не выиграть.

Нильде было тридцать пять стандарт-лет, девятнадцать из них она провела на «Страннике». В ее личном деле сохранилась голограмма времен начала службы: яркие каштановые волосы, яблочно-зеленые глаза, стройное, едва ли не воздушное, тело. Сейчас… от былой красоты лишь и остались — глаза. По фигуре теперь она была ближе к гладиатору, чем к нимфе, лицо покрыла сеть тонких морщинок. Волосы же стали сплошь седыми, лишь у правого виска вилась не покорившаяся рыжеватая прядь. Трудно вообразить, *что* могло заставить поседеть молодую, по меркам Империи, женщину.

Обед между заснеженных холмов прошел в молчании. Недельный запас вакуум-пакетов (упаси боги, никто не намеревался торчать здесь неделю!) несколько полегчал. Впрочем, тяжести заплечного контейнера не ощущалось в любом случае.

Очень мешал приему пищи колючий, морозный ветер, ради еды пришлось убрать лицевое защитное поле.

— У меня есть средство от обморожений, — предупредил Альдобраст. — Обращайтесь, если понадобится.

Покуда никто не нуждался, предложение медика так и повисло в воздухе. Безобразно холодном воздухе…

— Сегодняшние погодные условия, — шепотом полюбопытствовала я у кулона.

— Пасмурно, умеренная геомагнитная буря, атмосферное давление…

Перечисление утомило, и я перебила подсказчика.

— Температура воздуха?

— По шкале Фаренгейта минус сорок девять градусов.

— А по Цельсию? — вот с переводами температур у меня всегда были трудности…

— Минус сорок пять.

Ого… Я поняла уместность заявления Альдобраста про обморожения, к слову, сам медик являлся весьма привлекательным мужчиной: голубые глаза, широкие плечи, золотисто-русые волосы и изящные черты. С таких, наверняка, хорошо писать портреты…

Я поспешила дожевать нечто, отдаленно напоминающее гамбургер, и украдкой растерла кончик носа, мелкие иголочки морозца успели его прихватить.

— На расстоянии дневного перехода крупное скопление зданий, — пока я интересовалась метеорологическими данными, Тиор выяснял куда более важные вещи. — Предположительно,

военная база.

Наконец-то!

Стоп, а мы что, ввосьмером собрались штурмовать военную базу?!

День 35.

Назавтра мраморные холмы с редкими скелетиками деревьев сменились густым лесом с обилием буреломов и без малейшего признака дорог.

Порой мне кажется, что нет ничего более жалкого, чем зимнее обличье лиственного леса, столь блистательного и красочного в любое другое время года. Кривые темные столбы, из которых в разные стороны беспорядочно торчат палки да прутики.

К тому же, этот угнетающе-неживой лес существенно снизил скорость нашего передвижения, маневры меж заиндевевших веток удавались не всем, в частности, мне они не давались совсем…

Меня слегка знобило, с детства легко простужаюсь, потому известие об остановке было принято мной на ура. Да и смеркалось, подбираться к самой предполагаемой базе в сумраке, не казалось блестящей идеей.

— Тиор, почему нас до сих пор не обнаружили? — вопрос волновал меня давно, но решилась задать я его только сейчас, под влиянием предпростудного состояния и все более пессимистичного настроя.

— Ты подразумеваешь нас — как отряд или «Странник»? — уточнил капитан, в отличие от меня, здоровый и бодрый, как и не было изматывающего перехода.

— Вообще, и то, и другое.

— Начнем с того, что «Странник» в режиме маскировки засечь проблематично, разве что при прямом столкновении. Я полагал, тебе об этом известно.

Я шмыгнула носом и проигнорировала выпад Тиора.

— А по поводу отряда, — продолжил он после паузы. — Могу предположить, что криоги просто не ожидают вторжения на их территорию. Их планетарная защита труднопреодолима, но она предусмотрена для слежения за воздушным и околопланетным пространствами. Здесь у нас преимущество во внезапности.

М-да, Тиор в своем репертуаре… Обилие заумных слов, а смысла — чуть.

— Что-то мне подсказывает, это хрупкое преимущество мы потеряем, стоит единожды засветиться. Ты не заметил, что мы

сильно выделяемся среди местного населения?

— Это не повод для истерии. Первым делом при атаке базы, ежели она окажется таковой, мы выведем из строя передатчики. И ни один сигнал не прорвется за пределы Сферы Влияния, которую установит Флинер.

Желтоглазый маг, парящий в потоке Силы, кивнул.

Они не развеяли моих опасений. Убежденность Тиора, спокойствие Флинера, молчаливое приятие остальной командой, мое знание о возможностях Сферы — все меркло в сравнении с моими дурными предчувствиями. Однако у меня закончились аргументы.

«За курганом седым солнце белое тонет в капели[11]»…

Заката, как такового, не было. Светлый диск Люцифера скатился в просвет между тучами, осветив на прощание верхушки промерзших деревьев.

Люди, за которых я должна была отвечать, обсуждали важные тактические вопросы. Я же тихонько привалилась к ближайшему стволу и смежила веки. На минуточку, буквально на минуточку…

Простыня пропиталась кровью.

На тусклом металлическом столе под красно-коричневой простыней лежало тело. Я подавила приступ тошноты, поднявшийся в горле. Из-под смертного покрова выступала ступня, несомненно, человеческая, но была она неуловимо иррациональна… Словно ей чего-то не хватало.

Недостающее обнаружилось в желтом контейнере, стоящем на ближайшей тумбе. Ногти. Окровавленные, вырванные с мясом, они плавали в слегка розоватой жидкости.

На негнущихся ногах я сделала два шага вперед, заставила себя вытянуть руку и сдернуть простынь. Ткань так и осталась зажатой в моих побелевших пальцах — некогда белоснежная свидетельница казни. Крик замер на моих губах, не пронзил скорбную тишину.

Распластанное тело раньше принадлежало женщине… Но что же с ней творили!.. Кожу с нее снимали выборочно, частями, багровые ленты теперь покоились под столом, в тазу. После сделали вскрытие.

Я вынудила себя взглянуть на ее лицо. И тут закричала по-настоящему.

В облаке бесцветных волос белел овал лица, испещренного десятками узких скальпельных надрезов. Крови в них не было, будто резали куклу. Самый длинный разрез тянулся через весь лоб. Прежде, чем я успела закричать еще раз, черепная коробка

раскрылась, обнажая мозг.

Женщина открыла глаза.

— Не-е-е-ет!!! — завопила я. А может, и она, несмотря на отсутствие языка в разверзнувшемся рту. Или мы обе.

Яблочно-зеленые глаза немигающе взирали в потолок. Действительно, кричала я, она уже не смогла бы издать ни звука. Нильда давно была мертва.

Озноб и запах бананов привели меня в чувства. Запасливый, как белка, Альдобраст умудрился к стандартному рациону прихватить массу неожиданных добавок, и в данный момент пытался разрядить спор, предлагая его участникам бананы. Похоже, никто не обратил внимания на мою отключку. Стало значительно темнее, выходит, обсуждение затянулось.

Я украдкой взглянула на Нильду — совершенно невредимую и вполне живую, и в голову начали закрадываться мысли о паранойе. Видение не торопилось отступать, пугая своей реалистичностью. Я встряхнулась, отгоняя обрывки кошмара, и постаралась отвлечься на происходящее.

Собственно, спор разгорелся между Тиором, Листенном, Ирнальдом с одной стороны и Койтом с другой, последнего горячо поддерживала Нильда. Первая группа, как я поняла, настаивала на ночной атаке, факторе внезапности и всех вытекающих. Вторая же предлагала дождаться утра.

— Среди ночи пальба привлечет не меньше внимания, — утверждала Нильда. Не изуродованная, живая…

Флинер молчал, не примыкая ни к одной из сторон, а неунывающий Альдобраст без устали подсовывал всем фрукты.

— Далеко не все из нас принимали участие в ночных боях, — убедительно заявил Койт. — Я имею ввиду настоящий бой, а не тренировочные симуляции.

— Приборы ночного видения никто не отменял, — возразил Ирнальд.

— Достаточно того, что я не считаю уместным откладывать нападение до утра, — подвел итог Тиор. — Перейдем к деталям.

М-да… Пора выползать из-под деревца и прекращать изображать декорацию…

— Капитан Райли, если вы не в курсе, уточню: эта планеты называется не «Странник», так что будьте любезны отставить командирские замашки, по крайней мере, на меня они распространяться не должны, договорились?

— Сейчас идет военная операция, Леди Калли, — он заговорил столь же официально. — При всем уважении, вы не разбираетесь…

Договорить я ему не дала.

— Выходит, вы плохо понимаете суть нашей миссии, — я демонстративно поднесла ладонь к Звезде Атиров.

Тиор не ответил, воинственные искры во взгляде сменились морозом похлеще здешнего… Похоже, мой поклонник только что обернулся врагом… Жаль.

Конечно, штурм базы был отложен до наступления нового дня, да и само нападение решили свести к минимуму — мне нужны были сведения, а не трупы.

Я могла понять Тиора, его ненависть к застарелому врагу самой человеческой расы, но идти за его слепой ненавистью не желала. В прошлой войне погибла Терра, для меня бывшая большим, чем символом колыбели цивилизации… Но я видела Жасп — глазами голубо-зеленого слизняка, никогда не бывавшего там, мир, являвшийся мне во сне, уничтоженный за тысячи лет до моего рождения…

Что ж, себе я могу признаться. Я полюбила призрачный мир, что породил отвратительных мне существ, и теперь пытаюсь полюбить его созданий.

День 36.

Бледно-розовыми разводами обозначился рассвет. Ночь прошла нервозно, хоть небольшая Сфера Влияния, установленная лично мной, и оградила заведомо от многих неприятностей, удобства сну добавить не могла.

Вообще, не нравится мне спать в одежде, мало приятных ощущений, а чтоб еще в ботинках и костюме, вырабатывающем силовое поле класса II! Бр-р… Нет, я предпочитаю диваны.

Итак, после нехитрого завтрака, сдобренного сластями от Альдобраста, началась наша первая серьезная операция.

Перед границей невидимого силового поля серый подсказчик ощутимо завибрировал на груди. Листенн достал аппаратуру и выпал из жизни минут на сорок, затем встрепенулся и кивнул Флинеру. Маг сощурил кошачьи глаза и сложил округленные ладони; шар, порожденный его дыханием, взмыл высоко в небо, перетянутое худосочными перистыми облачками. Сфера Влияния накрыла нас и весь периметр базы. И тогда Листенн создал разрыв в силовом поле; на проход отводилось двадцать две секунды, из них десять техник стабилизировал разрыв, сохраняя возможность возвращения от, несомненно, гостеприимных криогов. Я осмотрела его оборудование — обычнейший с виду ноутбук, только совсем иной разброс клавиатуры, да и символы мне, владеющей иреа, ничего не говорили. Сбитый, темнокожий

Листенн начал напоминать мне шамана — не столько волшебным порханием пальцев по клавишам, сколько безумно-лихорадочным блеском в карих глазах.

Я внесла свою скромную лепту — укутала каждого члена команды в Кокон Невидимости — самое сложное действие из всех, вложенных в меня Тайри, и самое недолговечное, кокон держится менее получаса, потом Силовой поток высвобождается. И если сдержать развертку потока вокруг себя я бы смогла, то на других — ни при каких условиях.

А узконаправленные приборы раскроют невидимку и того раньше…

— Странно, нет вышек, — заметил Койт. — Ни сигнальных, ни сторожевых. Один лес, даже зданий не видно. Ана не могла ошибиться?

Что-то встревожило меня в его вопросе, но я не успела осмыслить…

— К чему тогда силовое поле? Чтоб снег не таял? — съехидничал Тиор. Он вообще не любил, когда ставили под сомнения его решения.

— Похоже, я их нашел, — прервал спор Ирнальд.

Встроенный усилитель зрения — божественное изобретение!

Я начала понимать, с чудовищной необратимостью, какую ошибку мы допустили: мы нашли *входы* в бункеры. Сами же бункеры — сообщающиеся, но наделенные автономной защитой — располагались под землей.

Однажды Муса Джалиль сказал: «Бой есть жизнь на большой скорости». Из недолгой схватки мне больше всего запомнились приглушенные разговоры команды — короткие, по существу, без признаков страха, и медлительность наших движений — в первые мгновения, когда вышколенные криоги, в полных боевых скафандрах, ринулись на нас.

Нам не повезло. Наша операция совпала с их учениями. Возможно, атакуй мы ночью, все было бы по-другому, однако…

С первым импульсом плазменных орудий движение времени восстановилось. Наше вооружение состояло из лазеров, *эн*-гранат (одна такая штучка запросто сносила небоскреб), и… в общем, и все. Тяжелое оружие повышенной мощности тормозило бы передвижение, а маневренность разведгруппы почему-то ставилась выше огневой мощи, похоже, напрасно.

Конечно, мы принялись палить, как могли, даже я выпустила несколько лазерных лучей. Жалкое было зрелище. Их было больше раз в пятьдесят, а четыре «руки» автоматически удваивали

их преимущество.

От расстрела на месте нас спасли Коконы, и только. Аппаратура засекла проникновение и направление движения, однако сами криоги нас не видели. Гадство! Скажите это Ирнальду — он шел чуть впереди, и на его душу пришлось пять прямых попаданий. Первые три силовое поле выдержало, четвертое спалило защиту, а пятое разорвало Ирнальда в клочья. Плазменные орудия с системой самонаведения проделали это за две секунды. Боги! Кокон ослаб после второго попадания, а к финальному мы уже видели размытый контур Ирнальда, за миг до его гибели. Я закрыла глаза, но, казалось, даже сквозь плотно сжатые веки видела обрывки его тела, взмывающие в воздух… И в ушах стоял его крик…

Кровь, снег, ужас, ошметки недавно живого… Я упала в сугроб, обмерла… Отчего-то плазмы прекратили обстрел, возможно, мы нужны были им живыми. Похоже, не одной мне пришла в голову эта мысль — хриплый голос Флинера зазвучал в передатчике.

— Я вскрыл Сферу, там, где разрыв поля, Ирина, бегите, Койт — с ней!

— Ни за что! — прокричала я в ответ.

Он не стал терять времени на пререкания. Отстреливая одной рукой криогов в белых скафандрах, другой *толкнул* воздух — и нас с Койтом выбросило прочь, на склон холма, покрытого мертвым лесом. Мы прокатились по снегу метров пятнадцать, прежде, чем я остановила скольжение.

— Назад! — крикнула я Койту. Стремление к геройской смерти это было или что иное, я не додумала — взрыв встряхнул землю, потом еще один, еще… В ход пошли *эн*-гранаты.

Глубокой ночью мы были в капсуле. Плохо помню, как мы добирались, всю дорогу я билась в истерике, Койту пришлось нести меня на руках сквозь внезапно поднявшуюся метель. Антигравы его отказали — два попадания плазмов не прошли бесследно — и последние километры он буквально продирался через сугробы, ветер и снег… И старался не разбудить меня, ослабшую от слез и нервного истощения.

Недобрым было мое пробуждение — не каждый день просыпаешься и осознаешь, что по твоей вине погибло шесть человек…

Койт принес мне чашку горячего шоколада. Теперь нас осталось только двое — против тысяч криогов и сорокаградусного мороза. Только двое…

— Койт, — мне с трудом давались слова. — Скажи, есть ли шансы… что хоть… хоть кто-нибудь выжил?..

Он закрыл глаза. Лицо его, неспособное побелеть, приобрело сероватый оттенок.

— Было четыре или пять взрывов, я не смог определить точно, так часто они шли. Скорее всего они разом выбросили *эн*-гранаты, рассчитывая прикрыть наш… отход. Вряд ли… они выжили. Слишком филигранно надо было забросить *эн*-гранаты, чтобы не пострадать самим, у них просто не было времени на расчеты… на таком малом пространстве…

Как хотела бы я снова расплакаться, вжаться в его широкую грудь в поисках утешения… Не вышло. Что-то подломилось во мне, какой-то кусочек сердца заиндевел, его поглотила стужа…

— *Эн*-гранаты… Это начальное «эн» что-нибудь обозначает?

— Да, разумеется. *Нильтем*.

Конечно, НЕОБРАТИМОСТЬ, конечно… Что еще могло унести жизни ни в чем, кроме чувства долга, не повинных людей?! Иреа очень точный язык, в нем найдется название даже такому процессу… Необратимость…

— Ирина?

Честно сказать, я слабо воспринимала окружающее. Металлические стены капсулы плыли перед глазами, так и норовя ударить в лицо… Огромный Койт с фиолетовой кожей превратился просто в смазанный блик.

— Ирина!!!

Я встряхнулась. Видение пола, наваливающегося на меня, испарилось. Я едва не разлила шоколад.

— Не вини себя. Таков был план. Помнишь, ты задремала под деревом? Тогда Тиор с Флинером и разработали схему, как спасти тебя, если все пойдет… так, как пошло. Ты — названная сестра Императора, мы не могли дать тебе погибнуть.

— Постараюсь, — я кивнула, пытаясь выглядеть спокойной. Они на полном серьезе обсуждали самоубийство во имя спасения моей жизни!

— Я думала, никто и не заметил, что я сплю.

Он улыбнулся одними лишь глазами цвета неба.

— Сложно было не заметить.

Странным, инородным звучал наш натянутый смех. Похоже, мы начали смиряться — мы живы, остальных больше нет. Фурии покарали нарушителей границ Дита.

— Думаю, нам необходимо вернуться. Хотя бы, чтоб захоронить останки.

— Вернемся, — ответил Койт. — Как только закончится буран.

Дни 37–40.

Метель угомонилась на третьи сутки, под вечер. И смолчать об этих трех днях было бы ложью. Страшнейшим пароксизмом лжи — обманом самой себя.

Не одиночество толкнуло меня к нему, нет. И даже не стремление сблизиться с единственным человеком на Дите, нет же, все было много сложнее. И проще, как проста и сложна белизна и капля утренней росы.

Любовь — она не аморфна, она умеет появляться под разными личинами, в разных ипостасях.

Почти маниакальная одержимость Брендоном, незримыми нитями опутавшая мое сердце и мои сны, не вступала в конфликт с небывалой нежностью, что связала Койта и меня.

Мы были донельзя странной парой: худая, метр шестьдесят роста, бледненькая землянка и силач с Глацинии. Я уж молчу про цвет его кожи…

В тот самый первый раз… я была пьяна, дьявольщина, а что еще прикажете делать, будучи запертой в крайне ограниченном помещении на абсолютно неограниченный срок?! В памяти кулона не было данных о возможной продолжительности здешних непогод, а связь с Аной отсутствовала. С Аной и со всем миром… Синонимично.

Буран… Наш стражник и наше проклятие. Как водится, любое проклятие может обернуться благословением…

Капсула с восьмью системами жизнеобеспечения, отсеком с запасным оборудованием и мини-кухней воспринималась мной, как западня. Зато в охладителе нашлась масса зверского зелья, называемого стурм — и я принялась планомерно его уничтожать. Через пару часов Койт присоединился ко мне.

Мы не могли плакать, и потому пили, пили всерьез, без тостов и заупокойных, из широких стаканов.

Организм стойко сопротивлялся, стаканы пустели, а рассудок оставался незамутненным, хмель сразил неожиданно, будто все, что плескалось в желудке, разом ударило в голову.

Я протянула руку. Он был слишком близко, близко и… своевременно. Провела кончиками пальцев по его гладкой, шелковой щеке, не знававшей бритвы. Едва ощутимо прикоснулась к коже век, к губам…

Он не шевелился, только вглядывался сквозь мои глаза в душу. Внимательно, испытующе. И молчал.

Молчи, хороший мой, молчи, словам под силу разбить

волшебство… Потому — молчи, заклинаю!

Приближаюсь. Что пьянит меня: хмель или его дыхание?.. Очередной вопрос без ответа. Пусть. Не это — важно.

Наши губы — совсем рядом, но не касаются. Пульс в висках. Сбившееся дыхание: его, мое?.. Нежность. Губы порхают в опасной близости, как экзотические бабочки, маня… Страшась переступать черту.

Сладкая пытка.

Бушует кровь, разогретая алкоголем, требуя большего… Сдерживаюсь. Не время. Не так.

Очень осторожно соприкоснулись губы. Наконец! И тут же отпрянули. Неотрывно смотрю в его глаза. По ним волнами прокатывается волнение. Целую. Веки смыкаются сами собой.

Восторг.

Он отвечает, притягивает меня к себе. Прижимаюсь к нему, изумляясь охватившей меня нерешительности.

Трезвею. Так же моментально и неожиданно, как перед этим опьянела. Потому — чуть отстраняюсь.

Вслушиваюсь в себя. Тело, словно натянутая струна, и безмерная нежность к тому, что рядом. Да!

Тянусь к нему, уже совершенно осознанно.

— Ирина…

Запечатываю его рот поцелуем, провожу языком по его губам. Никаких слов! Не в нашей сладко-горькой сказке. Сильные руки сжимают мои плечи, поцелуи настойчивей, жарче…

Расходятся крепления комбинезонов, и вместе с ними — наши страхи. Нет ничего, кроме нашей ласки и жажды близости, весь остальной мир перестает существовать!

Стон: мой, его?.. Пламя, вырывающееся изнутри, обжигающее при каждом поцелуе, при каждом движении…

Я распахиваю глаза. И вижу, как снежные мухи вдребезги разбиваются о стены нашей капсулы, а ветер яростно колотится и швыряет все новые пригоршни морозных осколков.

Это снаружи, а здесь, внутри, лишь тепло наших сплетенных тел. Пространства и реальности смешиваются, вскипает и испаряется лед одиночества и переживаний за погибших товарищей, за оставленных в другом мире друзей…

Где-то в просторах Вселенной рождается новая звезда.

Мне нечего стыдиться. То, что началось как минутный порыв, навеянный алкогольными парами, переросло в глубокую привязанность. Эта ипостась любви была теплой, доброй и не оставляла привкуса крови на прокушенных губах.

— Какими ветрами тебя вообще занесло на «Странник», Койт? Пока все, что я слышала о твоих… м-м… земляках, свидетельствует о невозможности встретить на звездолете уроженца Глацинии.

— Вот такой я неправильный, — улыбнулся он. — Я закончил на Корвинте — это университетский мир, скопище великих умов и разнообразных лентяев со всех концов Империи, может, ты слышала, Академию Космических Технологий, по направлению «Управление БКККР»…

— А теперь не ругаясь и более понятным языком, — взмолилась я, закатывая глаза.

— Я не ругаюсь. Управление боевыми кораблями, координируемыми кибернетическим разумом.

— Тьфу ты… Погоди, переварю… Коорди… Блин! Ладно, дальше…

— Стажировался на «Страннике», после выпуска вернулся. Набраться опыта, привыкнуть…

— С этим ясно. Но как ты дошел до жизни такой, для чего? Ради сомнительного удовольствия шляться по Галактикам? Вы же не покидаете родной мир…

— Ты будешь смеяться, Ирина.

— Не буду, если пообещаешь звать меня Ирой.

Что меня дернуло? Ни с кем, даже с Брендоном и Арной, у меня не возникало таких позывов, а тут… Стремление сблизиться? Вряд ли…

— Торжественно клянусь! Видишь ли, у нас на Глацинии не видно звезд. Совсем. Высокая влажность, мощный слой облачной массы и прочее… Это предыстория, чтобы ты поняла эмоции, побудившие меня на своеобразный поступок.

— Койт, ты переобщался с Аной! Попытка запудрить мне мозги засчитана, но ты же умеешь нормально изъясняться, без мудрености и псевдовысокого стиля!

— Исправлюсь, — захохотал он (в исполнении Койта звучало это слегка угрожающе). — Так вот, случилось мне как-то ночью возвращаться домой… со свидания, крайне неудачного, мы… решили расстаться. Самочувствие, сама понимаешь, никудышное, иду, ругаюсь. И тут, как нарочно, что-то шмякается мне на голову, поднимаю руку, пощупать — что за напасть, а там… извини, дерьмо птичье. В общем, голову я поднял, чтобы сказать пернатой все, что думаю о ней, ее сородичах и всему летающе-гадящему, да так и не опустил. Облаков той ночью не было.

— И ты увидел звезды? — не удержавшись, вклинилась я.

— Да. Представляешь, в первый раз за всю жизнь. Яркие, пусть и далекие… Долго я стоял, не мог оторваться, пока не

опомнился и не побрел домой, практически на автопилоте. А перед глазами — звезды… Наутро вымыл голову, выбросил подушку и решил, что должен летать, чтобы видеть их.

— Сильно…

— Еще бы. Ирина…

— Ира!

— Прости, Ира. Меня за это чуть отец из дома не выгнал, потом, правда, поостыл. Но отговорить пытался до последнего.

— А ты? Не разочаровался? За рутиной и исполнением обязанностей звезды особо не поразглядываешь…

— Нет. Вот на Корвинте напрягало многое. Иной мир, помесь разнообразных традиций, лоботрясы, мнящие себя умниками… Ксенофобией, конечно, никто не страдал, но косые взгляды я ловил на своей нестандартной персоне частенько. Вообще, отличаться от всех вокруг тяжело. А как здесь очутилась ты? По команде каких только слухов не циркулировало…

— О, ничего интересного. Родилась и жила на Терре, в Питере… Санкт-Петербурге. Извини, тебе ни о чем не говорят эти названия, а у меня ностальгия. А потом ваш наследник престола уронил табуретку в моей кухне…

Те почти беззаботные дни пролетели преступно быстро. Мой внезапно оживший кулон голосом Аны доложил об успокоении природы. Дит жаждал новой крови.

Трое суток я практически не одевалась (с условием, что полотенце на голое тело — тоже одежда), теперь снова пришлось напяливать полный комплект. Койт покопался в запаснике, в результате чего мы разжились облегченными плазмами — меньше зарядов, да и сила поражения заметно уступает стационарным криогским, однако уверенности хоть немного, да прибавилось. Нашлись также допотопные перчатки: на заре становления Империи такие носились повсеместно, в качестве защиты от грабителей. Впрочем, сами грабители также не брезговали их применением: на больших пальцах располагались энергодоты, соединение которых давало устойчивую нить, легко перерезающую металл. И кости. Потом… то ли прошла мода, то ли по высоким военно-политическим мотивам, их сняли с с вооружения армии, а добропорядочные граждане Империи попросту забыли про «игрушки», и только преступный элемент остался верен перчаточкам — из любви к искусству и бесшумности.

Было непросто покинуть капсулу — островок трепетных чувств и душевного тепла — но и остаться не представлялось

возможным…

А Дит ничуть не изменился: все те же снега и накрепко запаянное облаками небо. Антигравы с ускорителями премилая штука — позволяет не думать о бездорожье и расстояниях. Койт был вынужден заменить ботинки, антигравы в старых починить не удалось.

Мы планомерно перемещались в направлении братской могилы наших товарищей, не отвлекаясь на разговоры. По большому счету, все уже было сказано. А последняя наша беседа никак не выходила у меня из головы…

Сомнения, страхи и снова сомнения…

— Ира, ты сама-то хоть понимаешь, что это бесполезно? Кого ты собираешься хоронить? Обрывки одежды? Там, где применялись э*н*-гранаты…

— Я помню, Койт, НЕОБРАТИМОСТЬ. Но мы должны! А если кто-то из них выжил?

— Если такое случилось, вопреки здравому смыслу, мы опоздали. Ты не представляешь, что делают криоги с пленными…

— Возможно, представляю, — сон с изуродованным телом Нильды мне вряд ли удастся забыть. — Койт, хватит строить предположения, мы обязаны узнать, что там произошло.

— Каким образом? — скептично хмурит лоб Койт. — Буран надежно замел все возможные следы.

— Если не вышел из строя генератор силового поля, то ничего он не замел.

— Отлично, а как ты намерена его разрывать? — уже почти злится он.

— Придется этим заняться тебе, — я попыталась успокоить Койта, положив ладони на его широкие плечи. — У тебя ведь университетское образование.

(Между прочим, у меня тоже, но филологи тут не очень-то котируются…)

— Угу, — он отстранился, и руки мои бессильно уцепились за воздух. — Только профиль иной. Ладно, представим, мы попали на базу. А дальше-то что? Вдвоем захватим планету?

— Не знаю, — не сдалась я. — Пока не знаю. Но начать мы должны именно с базы.

— Ира! Солнышко! — теперь уже он держал меня за плечи. В сапфировых глазах — печаль. Он никогда прежде так меня не называл… — Давай улетим. Отдай Ане приказ, она поднимет капсулу.

Я недоуменно уставилась на гиганта. Койт боится?!

— Глупая. Я не за себя боюсь. Я не хочу тебя потерять.

Я отшатнулась. Чтобы скрыть замешательство, подошла к

охладителю, дрожащими руками налила в пиалу немного сока. Скажи те же слова Брендон… Я бежала бы за край Вселенной рука об руку с ним…

— Нельзя. Я обещала Бре… Императору, что сообщу ему о намерениях криогов. — голос дрожал, словно лист на ветру. — Когда они… планируют нападение. Это… государственная — или военная? — без разницы, тайна, но… Империя не готова к войне.

Готово. Слова сказаны. И Койт неизбежно поймет, что я не отвечу на его признание.

Я решилась взглянуть на него. Уже не печаль — скорбь и отчаяние. И тогда я бросилась к нему, осыпала лицо поцелуями…

Тем вечером мы никуда не отправились, подарив себе ночь прощания — с костерком счастья, согревавшего израненные сердца, пусть недолгого, но оно позволившего нам выжить и не сойти с ума.

День 41.

До базы добрались только к позднему вечеру. В густом и мертвом лесу, охранявшем подступы к ней, у нас состоялся еще один безрадостный разговор…

— Ира, когда… это закончится… и если мы умудримся выжить, — он сделал паузу, и я поняла, в чем странность звука — Койт убрал лицевое поле.

Стоял страшный холод, клубы пара вылетали из его рта, когда он говорил, но, казалось, ему нет никакого дела до неудобств.

Мне пришлось ответить тем же. Одним прикосновением я позволила морозу ворваться в свой организм, одновременно делая два шага вверх, чтобы очутиться на одном уровне с ним. Полезная штука, антигравы — разницы в росте как ни бывало.

— Тогда, — оборвал затянувшуюся паузу Койт. — Ты полетишь со мной на Глацинию?

Сильный, неожиданный ход. Я умею держать удары, но не такие!

«Если я позову тебя, ты согласишься?»

«Почему?»

«Должен же я отблагодарить тебя за гостеприимство».

«Что, прямо так?»

«Да, желательно»…

Сердце болезненно сжалось. Боги, ниспошлите мне беспамятство, и я приму его, как величайшую благодать! Что, что могу ответить я сейчас?!

Мне стало плохо, я с трудом удерживала равновесие, девятым валом накатила паника новичка-канатоходца: почти метр отделяет от земли, и не за что ухватиться. Кроме Койта…

Что же мне делать, если отказать — значит смертельно обидеть Койта, а согласиться — предать Брендона?..

— Меня ждут на Консуле, — едва ли не по букве выдавила я. Он порывисто кивнул и поднял было руку, чтобы восстановить поле.

Я схватилась за бугор на его плече.

— Дослушай. После Консула I я намереваюсь посетить Глацинию, если позволит обстановка.

Конечно, она-то как раз и не позволит. Во время боевых действий ни Койт, ни я не сможем пренебречь обязанностями перед Империей. Он это знает не хуже меня…

— Ты очень добра.

Койт возился много дольше Листенна, но все же сумел пробить поле на месте старого разрыва. В прошлый раз первым шагнул в неизвестность Ирнальд, да будет ему пухом снежный саван…

База криогов встречала нас гробовым молчанием — и это вовсе не метафора. Мы ступали по кладбищу.

НЕОБРАТИМОСТЬ. Вот, как она выглядит… Э*н*-гранатам не ведомы различия между своими и чужими, врагами и товарищами…

Похоже, генератор был частично поврежден — ошметки тел милосердно припорошило снегом.

Мы принялись вскрывать бункеры, ни на что особо не рассчитывая, для очистки совести и занятости рук. Первые два оказались пустыми, как выеденное яйцо, что, по-хорошему, должно было бы насторожить нас… А мы расслабились. Третий же оказался с начинкой: в нем обнаружился десяток вооруженных противников. Не было красоты — и уж, тем паче, благородства — в этой схватке. Тяжелые: гух! гух! — плазмов и тонкие лазерные лучики в ответ, не способные даже костюмы наши поцарапать. Силовое поле класса II, однако…

Локальная стычка закончилась в считанные минуты, бледным голубо-зеленым троглодитам просто нечего было противопоставить нам. Койт поднял лазер, выкатившийся из рук обезображенного криога, единственно относительно уцелевшее с виду оружие, и на какое-то время выпал из реальности, целиком поглощенный изучением трофея. Предоставив мужчине

заниматься мародерством, я отправилась на осмотр помещения.

Предыдущие бункеры представляли из себя обычные казармы, смотреть было не на что. В этом же располагалась аппаратура, панели, отображающие чудный покойнический пейзаж на поверхности. Штаб, или что-то ему подобное. Странно, но на связь с внешним миром, судя по всему, криогам выйти так и не удалось, иначе встречала бы нас не кучка техников с лазерами…

Еще один бункер оказался пустой казармой, а вот пятый… Едва Койт распечатал вход, как засветился мой кулон.

— Ирина, появился сигнал второго передатчика. Будь осторожна, если это не Тиор, может быть опасно.

— Спасибо, Ана.

А то я сама не догадываюсь, что мы не в сказочном сне, и вокруг не пляшут лепреконы! Ладно, не стоит срываться на Ане, ей и так сейчас не сладко… Похолодев от мысли, что начинаю воспринимать КР, как живого человека, я отодвинула Койта и бодро зашагала в недра бункера. Жизнь — это такая штука, от которой умирают. Вперед!

— А мы вас уже и не ждали.

— Альдобраст! — заорала я и кинулась ему на шею.

Он похлопал меня по спине сильною мужскою рукою (эх, рано же я отключила защитное поле)…

— Альдобраст, Альдобраст… А кого ты ожидала встретить?

— Деда Мазая и зайцев, — я потянула пострадавшую от «нежностей» спинку. — А без синяков нельзя было?

— Прости, лапочка, все от избытка чувств. Слушай, а кто такой Дед Мазай?

— Не бери в голову, — я еще раз обняла медика. Потом опомнилась и украдкой взглянула на Койта. Он стоял, скрестив руки на груди, с таким непроницаемым выражением лица… Эх, когда я научусь понимать мужчин?..

— Ты один тут обитаешь? — сменила тему я, отстраняясь от Альдобраста, которому, похоже, понравилось меня обнимать. Меня отпускать он не торопился…

— Нет, что ты. Держу в плену пару сотен криогов, они в соседней комнате. Шучу. Пятеро нас. Ирнальда жаль… Хороший был мужик…

— Да…

— Ладно, идем. Меня вообще-то на разведку послали, прибегут еще, перестреляют… Этот верзила так громыхал, понимаешь…

— Пойдем, — я заулыбалась. Жить стало значительно легче.

— Конфетку хочешь?

— А у тебя остались?

— Для тебя берег. Угощайся.

— Альдобраст, ты прелесть!

— Знаю, лапочка, знаю…

— Ирина, вы отсутствовали более трех суток. Извольте пояснить причины.

— Тиор, я тоже рада тебя видеть.

Его тон невероятно злил и смешил одновременно. Неужели Тиор ожидал от меня оправданий?..

— Сейчас не время для шуток. Будь добра, просвети нас, чем вы были заняты все это время?

Подавила (с трудом) истеричный хохот. Серьезно? С подробностями?..

— Тиор, ты в последний раз когда узнавал о погодных условиях? — очень ласково спросила я капитана. Другой бы уже догадался, что пора бежать, ставя рекорды по спринтерскому забегу…

— При чем здесь…

— Да при том, — рявкнула я, перебивая Тиора. — Что атмосферными явлениями, в том числе и тем, что препятствуют перемещениям, можно и нужно интересоваться. Три дня бушевала сильнейшая метель, покинуть капсулу не представлялось возможным. И еще. Очень прошу, немного измени тон, в котором обращаешься ко мне. К порученной Императором операции ты присоединился по собственной воле и на равных со всеми правах, поэтому — чуть повежливее, пожалуйста.

Не люблю я кричать на людей, но порой не оставляют выбора…

Я демонстративно повернулась к нему спиной.

— А теперь расскажите-ка нам, пропустившим все веселье, как тут было дело? Мы же вас хоронить шли…

Простая фраза несколько разрядила обстановку, только спину холодил злобный взгляд Тиора, ну да не бывает в жизни полного счастья.

— Никак не было, — отрезал Листенн, мрачнея. — Пять *эн*-гранат по радиусу. Флинер накрыл нас усиленным Покровом Защиты.

Я кивнула. Дальше можно не объяснять. Результаты мы видели — много трупов, мизерное количество выживших. А вот Покров меня заинтересовал — я о нем только слышала (точнее, находила упоминание в одном тематичном талмуде), штука редкая и крайне сложная в исполнении, надо будет

порасспросить Флинера. И уж тем более нелогичным выглядит вышвыривание меня и Койта за пределы защитного поля. Перестраховались?.. Странно. Сомнительно…

— Флинер! Надо поговорить.

День 42.

— Я считаю, что планету необходимо покинуть. Ситуация вышла из-под контроля, — вещал Тиор, уже не пытаясь делать вид, якобы советуется с командой. На этот раз он обращался исключительно ко мне.

— Приблизительно через сутки мы именно так и поступим, — я пожала плечами. Ни малейшего желания давать какие-либо объяснения не было.

— Что изменят сутки пребывания здесь?

— Ана закончила сканирование. Она знает, где располагается тактический центр криогов.

— Чудненько, — буркнул капитан. — Ана!

Я поморщилась. Разве так обращаются к девушке?

Мы старались изо всех сил, ибо ни малейшего желания завязнуть на Дите надолго никто не изъявил. Извращенцев не нашлось.

И потому вляпались.

Либо отсутствие связи с базой сыграло свою роль, либо обычное невезение — нас, горсточку «захватчиков», засек военный транспорт.

Зрелище было знатное: солнечный, яркий день, блики на обшивке транспортника, сияющий снег, будто мелкие осколки хрусталя просыпались на землю…

Лицевое поле затемнилось, когда транспортник открыл огонь, позволяя видеть бледно-розовые плети, равномерно хлещущие по снежной равнине. Нитевидные лучи, бирюзовое небо… и замедленное падение транспортника. Даже подбитый, он не прекращает обстрел, перед глазами: искры, искры… Это умирает силовое поле. Розоватые хлысты без устали бьют по нашим телам, уверенно сжигая защиту. От поверженной громадины в небесах отделяются хрупкие «божьи коровки» — круглые, с пятнышками… Треск, чей-то вопль, тишина. И в тишине расцветает огенно-черный гриб — поле гасит звук последними ресурсами. Следом — четыре гриба поменьше, зато с жутким грохотом — система захлебнулась. Эффектно выглядит гибель «божьих коровок». Нормально приземляются лишь две из них, но и двух нам, пожалуй, достаточно.

Я вижу Койта — он непрерывно стреляет, костюм его обуглился, из левого бедра хлещет алая артериальная кровь. Мы все в таком состоянии. Стреляем, кричим, стреляем… Заряды плазмов ушли на материнский корабль и «коровок», остались лишь несчастные лазеры — против двух дюжин криогов. Я оглядываю себя — ран нет, но с костюмом беда, он почернел и потрескался, вот почему шевелиться так тяжело… Впрочем, и лежа можно стрелять. Бледные нити рассекают воздух, и с истошным воем отрубаются остатки защиты. Это — конец. Спустя мгновение ярчайший луч врезается в мою грудь. Перед глазами — золотистый ливень. И голубое солнечное небо со стеклянным звоном падает в снег.

— Жива?.. Навряд ли… Флинер, помоги… канал, держи канал… один сплошной ожог… ерунда, рана в груди… впрыскивай, скорее!.. поток… не так же!.. вырывается… что?.. отлично, Флинер, еще немного… не сейчас, Тиор, отвали… Ана… не может забрать… Флинер, урод, канал!.. хочешь, чтобы она проснулась без лица?.. атакуют «Странник»… маг-недоучка!.. уйти в пространство надвселенной… точку выхода… сменить, я сказал!.. теперь займемся ожогами… да плевать мне, Тиор!.. вне опасности… главное, не выжгло глаза… инъекцию… кто здесь врач?.. налейте чего-нибудь… как же шрамы… потом, налейте… ее лицо!.. Альдобраст, ты гений!.. еще бы, шестнадцать часов, все-таки…

Дни 46–50 (46–61 по ст. исч-ю).

Я очнулась спустя трое суток. В знакомой каюте на «Страннике», в наимрачнейшем настроении и, что самое прискорбное, в твердой памяти.

И если страсть моя к самобичеванию прежде доставляла мне немало хлопот, то на этот раз я превзошла саму себя… Так глупо подставиться, когда цель была не просто близка — до нее оставался шажок, и сейчас мы не сматывались бы с Дита, поджав куцые хвостики!

За каким, спрашивается, фиговым листом понесло меня на планету? Чтобы все вокруг поочередно выполняли роль нянюшек? Или просто захотелось повыделываться? «Используй Силу, Люк[12]»… Черт, черт, черт!

В целом, гаденько было на душе.

«На теле» дела обстояли не лучше. Постоянно что-то ныло,

зудело, болело — будто меня пожевали-пожевали и выплюнули… тоже верно, кто такую пакость жрать-то станет?

И еще я боялась смотреть на себя. Потому пролежала полдня, прикидываясь трупом. И лежала б дольше — не зачешись нестерпимо нос… Что вынудило меня экстренно покончить с маскировкой.

— Доброе утро, красавица.

Ох, как скоро на свежую кровавую мозоль наступил Флинер… И как необдуманно!

Я оскалилась и зашипела: мордочка безумной злющей летучей мыши — мой коронный запугивающий номер. После превентивного шипения вытянула руку и почесала-таки подросшими ногтями кончик носа.

— У-у-у, — тихий рык удовлетворения привел в себя мага класса Творец, то бишь меня, любимую.

— А теперь шейку, шейку почеши.

— О! Ты прав.

В этот миг я поняла, что люблю Флинера. Такой особой, одноразовой любовью, основанной на благодарности.

— Теперь изрекай, о великий чародей, как я выгляжу? Учти, соврешь — вскрою тебе все вены и приму ванну из крови.

— Как девушка моей мечты после двух-трех часов странного занятия, называемого макияжем. Впрочем, может, это занимало меньше времени… Ты не сердись за беспамятство, просто она умерла двести четырнадцать лет назад.

— Ведь врешь, а приятно. К черту нюансы, чем все закончилось и что мы здесь делаем? Кто позволил покинуть планету до выполнения задания?

Желтоглазый маг беспомощно всплеснул руками.

— Вот она, женская благодарность! Знать бы, что ты такая кровожадная да настырная, ни за что не стал бы помогать этому сумасшедшему медику, вознамерившемуся спасти тебя любой ценой! Он, да будет тебе известно, провел восемь сложнейших операций подряд, не спал, практически не ел, сам выжил только благодаря Силе, которую я беспрерывно вливал в него и в твой хладный трупик. Нет, надо было бросить тебя, где лежала, как раз снежок пошел, аккуратненький сугробик получился бы, вполне соответствующий торжественному событию!

— Аминь, — докончила я. — Убедил. Это был стихийный выплеск командирских замашек бурной молодости, обязуюсь его изжить.

Флинер меня испугал. Против воли перед взором предстала зарисовочка: весна, все зеленеет, цветет и радуется жизни, птички щебечут, стекает с холмов журчащими ручьями снег, а между

холмами белеют мои косточки…

— Прощена. А по поводу заданий и почему мы здесь — давай, вызову Тиора, тьфу ты, капитана Райли, и он тебе все подробно изложит…

— Бр-р-р… За что ты меня так ненавидишь, жестокий?

Он звонко рассмеялся, и в зрачках его чудесных глаз сверкнула пара крохотных молний.

— Хорошо. Тогда своими словами и в литературном изложении, пойдет?

Я кивнула. Только капитана не надо! Я ведь еще не оправилась, совсем слабая и больная…

— Повезло нам, если можно так выразиться. Почти никто не пострадал…

— Угу, — угрожающе нахмурилась я. — Ты продолжай в том же духе, мне нравится.

— Чем ты недовольна? Жива, здорова… Кстати, это был класс! Успеть бросить зарядом Силы в лазерный луч — в принципе невозможно!

— Знаешь, жить захочешь — и не тем бросишь, — я скромно улыбнулась. Но как же тепло стало от похвалы такого мощного мага!

— И уж совсем повезло в том, что мы сразу всех не перебили, парочку Листенн предложил взять в плен. Один из них оказался высоким священником, по рангу чуть ниже тетрархов, криоги защищали его, как могли, и спасибо им за это огромное, сэкономили нам кучу времени. Священник сопротивлялся сильно, даже удивил меня.

— Без лирических отступлений можно? — я подалась вперед и жадно ловила каждое слово Флинера, затягивание истории… утомляло.

— Еще раз перебьешь — обижусь, будешь до конца жизни фруктами кормить, чтобы отошел. Предупреждал ведь: литературно! Ладно, не томлю, не дергайся, кожа новая, повредишь. Криоги фактически готовы к нападению на Империю, и состоится оно — приблизительно, разумеется — через пять стандартных лет.

— Кто проснулся! — подобно всем известному существу из табакерки нарисовался Альдобраст.

— Здравствуй, голубоглазый мой, — так уж вышло, что в нашей компании установились несколько фривольные, я бы даже сказала, панибратские отношения. Плохо я влияю на людей. — Мне тут сообщили, что я тебе кое-чем обязана…

— Пустяки, лапочка. Ради твоей нежнейшей улыбки я готов пожертвовать куда большим, чем сном и лишними калориями.

— Слушайте, — оживилась я. — О калориях. Есть хочу, не могу! Повозитесь со мной еще капельку, а?

Мужчины переглянулись.

— Я бы тоже перекусил, — заметил Флинер. — Наш гений что скажет?

— Гений скажет: бегом! Ты уже поболтал с Ириной, а я покамест не успел.

— Мальчики, не ссорьтесь, давайте попросим Ану, она кого-нибудь подгонит.

Ели мы основательно, как в последний раз перед долгой голодовкой. Или после оной. К тому же, повар расстарался на славу, и я начала размышлять, а не поболеть ли мне подольше, да и вообще, не остаться ли на «Страннике» жить? Вкуснейшей пищей я тут буду обеспечена безусловно.

Мы уже полакомились десертом и допивали кофе, когда Альдобраст нарушил идиллию.

— Ирина, ты удивишься, но масса народа занимает очередь в паломничество к тебе.

Вот уж действительно удивил. С чего бы это вдруг?..

Пора было прекращать тянуть кота за хвост, коту же — больно. Есть у меня сила воли? Хоть капелька?.. Есть. Наверное. Если хорошо порыться…

С такими забавными помыслами я выдворяла «мальчиков» из каюты, велела Ане блокировать входную панель (шляются тут без спросу всякие), и унимала дрожь в коленках.

Обрывки разговоров, сопровождавших операции, настойчиво стучались в черепушку, когда я просила зеркало показаться. Потом убалтывала себя не трусить… Потом…

Я приоткрыла правый глаз. Вздох облегчения вышел не особенно тихим, что ж, я — не урод. И это не может не радовать! Воодушевленная, открыла и левый глаз — для полноты комплекта.

Похоже, глобальных изменений не случилось, разве что кожа вместо привычной бледнявости стала розовенькой, как у малыша. Дотронулась до щеки — гладкая-гладкая, ну точно — попка младенца. Очаровательно! Продолжая исследования, откинула одеяло, расстегнула рубашку. Подозрения были не беспочвенными: все тело вперемешку являло собою бело-розовый плохо взбитый коктейль. «Не дергайся, кожа новая», — а я-то решила, что это метафора, наподобие «подлатанной шкуры»…

На груди белых пятен не было вообще, и я опасливо заглянула под белье. Так, лишилась симпатичнейшей родинки на

любопытном месте, а так нормально, обошлось без крупных потерь.

И стоило мне успокоиться, как… Неописуемо… Паника? Жуткий, разрывающий душу страх? Не подобрать определения охватившему меня чувству.

Глаза были белыми.

Леденящее кровь зрелище, не для слабонервных — на белом фоне, испещренном красноватыми прожилками сосудов, черный ободок, внутри которого белеет осколок дневного света; в центре — черная точка-зрачок.

— Боги… Что он со мной сделал?..

— Кто?

Я вздрогнула. Ана подала голос как никогда кстати, но очень уж неожиданно.

— Альдобраст. Мои глаза… они…

Я всхлипнула, вновь силясь найти верные слова. Этот непередаваемый ирреально-белый свет сводил с ума. Я припомнила бледно-голубые, цвета льда, глаза Леди Милен, здесь же было иное, чуждое. Отталкивающее.

— Медик ни при чем. Твои глаза, насколько мне известно, были в полном порядке. Полагаю, причина в Силе, которую ты используешь во внушительных количествах, хоть порой и спонтанно. Ты не чувствуешь в себе других изменений?

— Что ты несешь, подружка, я чувствую страх, так страшно мне не было никогда в жизни!

— Не все так просто, как ты привыкла думать. Запомни, Сила изменяет тебя, но и укрепляет одновременно. С твоими ранами и ожогами ты должна была прийти в себя не раньше прибытия на Консул, уж я-то знаю, навидалась. Ты регенерируешь вдвое быстрее нормы.

— А глаза-то почему…

— Вспомни Флинера.

Я резко заткнулась и прекратила истерику. Еще бы мне не помнить Флинера, его желтые, почти золотые очи с кошачьими зрачками…

— Он многопрофильный Творец. И за его плечами не одна сотня лет практики — Сила дает немало любопытных свойств, долголетие одно из наиболее распространенных. Не сомневаюсь, с тобой мы тоже сможем поболтать спустя столетие-другое. В отличие от Флинера, ты — Творец светлый. *Айе*. Эффект, извини, на лицо.

— На глаза, — машинально поправила я. *Айе* с иреа дословно значило — частица света. Вот оно как обернулось…

— Если я займусь темными потоками, они вернутся в

нормальное состояние?

— Непременно займешься, хотя бы из любопытства. Возможно, что-то в тебе и поменяется впоследствии, но точно не глаза. Они — навсегда, константа, понимаешь? Первое изменение всегда самое сильное и точно — пожизненное. Смирись.

Я даже не стала отвечать. Собственно, все и так понятно. Смирись… Легко давать подобные советы, будучи машиной.

— Ана, откуда столь глубокие познания природы Сил? Ты же не можешь использовать их по причине своего м-м… происхождения?

— Империя давно держится не на одном прогрессе, так могу ли я игнорировать одну из фундаментальных ее основ?

— Знаешь, все равно у меня не укладывается в голове ЭТО, — я махнула рукой в сторону зеркала, заодно приказав ему исчезнуть. Такой шок не проходит благодаря разумным доводам.

— Со временем привыкнешь.

Привыкнуть… Смириться. И… перестать быть собой.

Первой ко мне пришла Нильда. Правда, до ее прихода мне пришлось совершить подвиг комнатного масштаба.

— На что спорим, не дойдешь? — ерничала Ана, она это умеет, как никто.

— Заглохни, железяка.

Поспорить-таки стоило: я дошла. Уцепилась за косметичку, аки за соломинку, и похромала обратно. После чего нарисовала себе глазищи — точь-в-точь панда. Чего ради? Захотелось так. Чем не метод самообороны?..

Нильда, завидев мой раскрас с порога, плавно сползла по стеночке. От смеха. Я незамедлительно оскорбилась.

— Ой, только не надо мне рассказывать, как ты скучаешь по прежнему цвету глаз! — воскликнула она, отсмеявшись. — Кому угодно, но не мне!

— Почему это? — обиженно фыркнула я в ответ.

— На меня погляди. Внимательно! — Нильда накрутила на указательный палец единственный рыжий локон. — Думаешь, седовласка не тоскует по своим волосам?

— Красить не пробовала? — утратив последние остатки вежливости, огрызнулась я. Как же — меня, страдалицу, отказываются жалеть, да еще и высмеивают…

— Никогда. Они — напоминание, — резко посерьезнела Нильда.

— О чем?

— О глупости. О самонадеянности. Рассказать, какой я была

дурой?

— А то! — как я могла отказаться от такого предложения?

Губы Нильды изогнулись в усмешке. Похоже, история будет не из веселых…

— Моя сестра выходила замуж. Я тогда только поступила на «Странник», вытребовать отпуск не вышло бы, а повидать сестренку в такой день хотелось невероятно. По совпадению, мы на три дня останавливались на Болимире. Я буквально валялась в ногах у Тиора, упрашивая его «не заметить» моего отсутствия на корабле во время стоянки. Он сдался, хоть и не без боя… Дисциплина все-таки для него не пустой звук. В общем, стоило нам приземлиться, я помахала всем ручкой и переместилась домой. Первое правило перемещающих гласит: до перехода в обязательном порядке удостоверьтесь в его безопасности. Расшифровываю: ознакомиться с новейшими снимками места прибытия, само место должно быть наименее людным, желательно — чтобы людей там не было вообще, последствия наложения при перемещении страшны. Домой я попала нормально, перестраховавшись, сменила точку притяжения со своей комнаты на крышу, с которой уже благополучно спустилась к дверям. Провела три дня с семьей, поздравила сестру, увлеклась спиртным… В итоге на исходе отведенного срока, с жутчайшим похмельем (некому было снять), я шагнула в обратном направлении. Только вместо того, чтобы очутиться перед «Странником», я оказалась на пустом поле космопорта, и сверху меня накрывала гигантская тень. Тень отбрасывал звездолет, заходящий на посадку на гравитационной подушке… И когда я поняла, во что вляпалась, и что через считанные мгновения меня разотрет в порошок, паника пересилила разум. Я даже пошевелиться не могла от ужаса. На последних секундах меня отпустило, я сумела отбросить себя от садящегося чудовища. Тогда-то я и поседела… Зато с тех пор очень-очень скрупулезно проверяю теоретическую область перемещения, не будучи столь самоуверенной. Так-то. А ты — глаза у нее высветлились!

Монологу Нильды я внимала с раскрытым ртом, не сводя с рассказчицы завороженного взгляда. И в правду, изменение моих глазок в сравнении с ее ошибкой, едва не стоившей жизни, смотрелось блекло.

После ухода Нильды ко мне на минутку заскочил Листенн, помолчал по обыкновению, и испарился. А потом началось нечто невообразимое: народ повалил, причем группами по трое-четверо, и, в основном, малознакомые мне люди. Я удивлялась визиту каждой такой компании, но виду не подавала, мило любезничала со всеми, благо надолго никто не задерживался, закралась даже

мыслишка о расписании. Койт так и не пришел.

Последним посетителем, на сладкое, был капитан. Выглядел он усталым, да и я подутомилась, принимая новоиспеченных поклонников.

— Вижу, вы уже практически поправились, Леди Калли.

— Спасибо, мне лучше, капитан Райли. Вы не мнитесь на пороге, проходите, ваш приход — приятная неожиданность для меня. Каким ветром вас занесло? — хочешь официального тона — получи, дорогой, но в моей интерпретации.

Тиор не удосужился ответить мне. Тоже мне, воспитание!

— Флинер доложил мне, что он успел уже нарушить инструкции и поведал вам о положительном исходе нашей экспедиции.

— Да, капитан. Не ругайте Флинера, он выполнял мою просьбу. Я ведь могла и не дожить до отчета в вашем исполнении.

Его брови поползли вверх, к рыжеватым завитушкам.

— Что вы имеете ввиду?

Давясь от смеха, я прикладывала все усилия, чтобы не выйти из роли и вещать, подобно каменному изваянию.

— Скажем, вы могли выброситься через шлюз в открытый космос — и кто б тогда меня просвещал? Или придушить меня во сне подушкой…

Тиор косился на меня, как на умалишенную. И правда, бред я несла первостатейнейший.

— Уверяю вас, у меня не было подобных намерений…

Я-таки не сдержалась и прыснула от смеха, уж больно забавная у него была физиономия.

— Тиор, давайте дружить. Кроме шуток. У меня шалит пищеварение, когда вспоминаю, что у нас испортились отношения.

— Попробуем, — согласился Тиор. — Пока помню, до меня дошли слухи, будто вы намереваетесь посетить Глацинию…

Я напряглась.

— Позвольте поинтересоваться источниками, капитан, — зловеще выговорила я. Тиор вместо ответа опустил глаза. — Хотя, можете не говорить, я догадалась.

Милый серый кулон оказался подлым предателем. Точнее — Ана, которой я доверяла, как лучшей подружке…

— Можешь казнить меня, Ирина, — нахально вмешалась Ана, точно услыхав мои мысли. — Я составляла официальный отчет, в него входили и записи разговоров, а он очень некстати завалился.

— Ясно. Однако, позвольте полюбопытствовать, какое вам,

капитан, дело до моей личной жизни?

— Мне — никакое. Но мой гражданский долг велит предупредить вас: звание названной сестры Императора ко многому вас обязывает.

— Продолжайте, — сквозь зубы процедила я.

— Меня самого никогда не занимала бюрократическая чушь, но у нас есть одна общая всезнающая приятельница, которой взбрело в голову меня вразумить. Ровнехонько перед высадкой на замечательную планетку, с которой мы едва унесли ноги. Не буду изнурять вас моей болтовней, перейду к самому вопросу. Институт Названного Брата — совершенно официальное явление, существует давнее постановление о правах и обязанностях заслужившего такую честь. Значительно больше прав, но сейчас о другом. Обязанность одна, но обширная и непререкаемая: названный брат (или сестра) Императора, хотя и сохраняет родовую фамилию, становится членом Дома Атиров, соответственно обязуется не уронить честь этого Дома. Как то: не выступать против Императора, тайно или явно, не совершать геноцида, отметьте, если геноцид не обусловлен необходимостью для Империи, и не сочетаться браком с не-урожденными Леди и Лордами. Проще говоря, ваш брак — дело не личное, а государственное, и чем выше будет ранг вашего супруга, тем лучше.

Вот они, реалии монархии. Свобода слова, свобода печати, вообще все свободы — можете смело засовывать в… помойное ведро. Наши с Койтом отношения (и их туда же!) оказались мертворожденными. Жаль, но я почему-то была уверена, что так оно и будет. О, я не пытаюсь списать сей факт на мою якобы имеющуюся интуицию, просто со мной иначе не бывает.

Мне никогда не везло с мужчинами. Притом, что друзей среди них у меня была масса, романов (до Койта) в моей жизни было только два, ибо выбрать кого-то умом, а не сердцем, у меня не получалось — больно хитрый фокус. И оба закончились крахом, заверениями в вечной дружбе и депрессией. Однажды мне сказали, что таких, как я, не бросают — с такими расстаются. С нежностью, долгими воспоминаниями и сожалениями, не забывая сообщить: «Ты — чудо, только слишком сложная». И почему всем нужна элементарность?..

Не будет прогулок под беззвездным небом Глацинии, милых безделушек на память, невысказанной ласки в синих глазах Койта…

Унылых Данте Алигьери разместил в четвертом кругу Чистилища, и так как мы едва вернулись из шестого круга его же Ада — все, довольно ассоциаций с тщетным гимном обреченно

влюбленного в Беатриче поэта. Занимательно, конечно, но — довольно.

Печальный Тиор скромненько сидел на краешке моей постели. Ему ведь от меня порядочно досталось за последние дни, надо реабилитироваться.

— Тиор, ты не в курсе, мой режим включает в себя спиртное?

Он ошалело взглянул на меня.

— Наверное, нет, но я могу справится у Альдобраста…

— Долой прелюдию, я хочу напиться. И мне позарез нужна компания, сделай одолжение, Тиор? Не стоит размениваться на вино, в меня столько не влезет, неси что-нибудь покрепче.

В итоге мы пили нечто наподобие неразбавленного виски, только отчего-то пурпурного цвета, под элегантным названием — флан.

Отродясь не пыталась я набраться так тщательно и, откровенно говоря, так безрезультатно. Тиор старательно держал свое слово — пытался со мной дружить, а я вела себя как заправская зануда, тихо ненавидящая все вокруг. А потом капитан напился, и его пробило на ха-ха…

— Представляешь, Ирина, ха-ха-ха… Я ведь решил, что Ана ревнует, — он согнулся пополам от смеха. — Я идиот, да? Ну как она… может меня ревновать? Ха!

Не стала я его разочаровывать, еще как может, все равно он проспится и не вспомнит ничего из того, что нес.

— Тиор, солнце, ты прав, но зачем выплескивать выпивку на мою постель? Во-первых, мне тут спать, во-вторых, выпивке можно найти другое применение, то есть употребить, в-третьих, сырость мне категорически не нравится.

— А знаешь, ха-х… Что наша интеллекту… туалка наболтала? — тут я засомневалась, а не вредно ли человеку столько смеяться? Или пить? А, ладно, разницы ноль — жить вредно! — Ты умрешь от смеха! Она сказала, что ты можешь выйти за Императора, ха-ха-ха… что был этот, как его…

— Прецедент, — подсказала я. Малоощутимое действие хмеля испарилось вовсе.

— Это же вроде инцеста! Но она — дура, да ведь? — говорит, что кровь не смешивается, поэтому — пожалуйста, у обоих ранг соответствует. Ха! Я вот раньше думал, что Ана не может быть дурой, а она дура…

— Тиор, друг мой, а не пора ли тебе спать? И не обижай девушку, она может оказаться злопамятной.

Он даже перестал смеяться. Внимательно изучил пурпурное содержимое стакана и внятно произнес:

— Согласен. Только допью и пойду.

И сразу же опрокинул стакан. Несколько долгих глотков, и остатки маслянистого аналога виски упокоились в его желудке. Солидно покачиваясь, капитан направился к выходу.

— Хороших снов, Ирина.

— Спасибо. И тебе.

Интересненько завершилась наша попойка. Как ни крути, а я до сих пор не могу отделаться от чувств к Брендону. Влюбленность в Койта оказалась недолго действующим лекарством, благодаря стараниям Тиора и Аны.

— А тебе, старая карга, я это еще припомню!

— Как-как ты меня назвала?

— Твоим неповоротливым механическим извилинам не понять глубины русского народного фольклора!

— Ты тоже хороша! Споила неповинного парня…

— Ты от ответа не увиливай, железная харя! Кто подсунул записи Тиору?! Кто втирал ему, что замуж мне за простого смертного нельзя?

— Я же не думала, что ты так рассердишься…

— Уж представь себе. А мой распрекрасный титул не мешает мне спать, с кем я захочу? Подумай над ответом, я могу доползти до капитанской каюты, просто так, из вредности!

— Конечно же нет. Злая ты.

— Неправда. Я отходчивая. По-любому мне не добраться в такую даль.

Утро обозначилось дикой головной болью. Поочередно ахая, охая и тяжко вздыхая, я принялась подлечивать себя, заодно зарекаясь когда-либо столько выпивать. Едва голову попустило, другая часть организма возопила о нуждах специфического характера… Пришлось вставать.

Жалкие потуги мои не шататься по дороге, как ни странно, Ана не пожелала прокомментировать, дулась, наверное, за вчерашнее. Молчание ее несколько расшатывало мой миропорядок, в котором вроде бы все меня холят и лелеют, и питают ко мне исключительно дружеские чувства.

Парадоксально, но жизнь в Империи, такая невероятная вначале, теперь казалась мне единственно реальной. Как видно, я прижилась здесь оттого, что на Земле мне некого было терять: родители умерли, мужем и детьми я не успела обзавестись, только друзья, да и они переживут мое отсутствие. Еще братик… Но у него семья, работа и вообще, своя жизнь.

В Империи я ощущаю свою значимость. Такой вот казус…

— Завтрак заказывали? — улыбчивое лицо Альдобраста

втянулось в дверную панель.

— О, избавитель мой! Прими же мою благодарность… А что на завтрак?

Он хитро сощурился и жестом фокусника явил моему взгляду огромный поднос, заставленный снедью.

— Наивный, ты полагаешь, в меня столько влезет?

— Ни в коей мере. Ты не забыла, что я твой лечащий врач? И на этих правах я просто обязан следить за твоим аппетитом и режимом питания. Следить я намереваюсь из-за соседнего прибора.

Какое-то время мы в тишине наслаждались творениями повара. И как с такими вкусностями следить за фигурой?..

— Уфф! — я сыто потянулась. — Теперь я чувствую себя человеком.

— А до этого ты чувствовала себя земноводным?

Я хихикнула, оценив шутку.

— Ирина, — осторожно начал Альдобраст. Опять замышляется какая-то гадость! — Боюсь показаться навязчивым, но мне хотелось бы провести маленький эксперимент…

— С членовредительством?

— Без! Но так сложились обстоятельства, что помочь мне можешь только ты…

— Боюсь, те переоцениваешь мое могущество.

— Подожди, не торопись с выводами, — медик примирительно поднял обе руки. — Меня заинтересовал твой язык.

— Не ты первый. Хочешь пару уроков? А что, я могу, зря что ли пять лет в университете угробила?

— Все много проще. Я покопался в лизатереле, ты с ним должна быть знакома, — он отсоединил от ремня подозрительно знакомую коробочку. Еще бы, помню, помню. Свой первый инфаркт люди редко забывают. — Все, что от тебя требуется — немножечко подумать словами, а не образами, и на своем родном языке. Лизатерель сообщается напрямую с мозгом, он сам скопирует твой словарный запас.

— Уговорил, — легко согласилась я. Чего не сделаешь для человека, спасшего тебе жизнь и, самое главное, накормившего завтраком?

Холодные усики прижались к вискам, и я вдохновенно начала декламировать (про себя, разумеется): «Мой дядя самых честных правил[13]»… «Немножечко» затягивалось, и я успела вспомнить половину школьной программы, пару отрывков «Слова о полку Игореве», и под конец перешла на любимые стихи Блока и Цветаевой. Дочитывала с чувством:

Окошечки касс.
Костяшечки страсти игорной.
Прав кто-то за нас,
Сказавши: любовь — живодерня![14] —

— Достаточно, — услышала я наконец.

— Альдобраст, ты обманщик юных девушек! Верь тебе после этого…

— Прости, лапочка, я слегка переборщил…

Вкупе с экспрессивной лирикой нахлынул новый приступ ностальгии. Альдобраст нетерпеливо мялся на пороге, чувствующий себя обязанным и только поэтому еще не сбежавший.

— Иди уже, маньяк-экспериментатор, — решила я отпустить медика. — Пока искры из-под копытца не посыпались. Не забудь сообщить результаты.

Он обрадовался как ребенок, сверкнул глазами и выскочил из каюты, откуда-то издалека до меня донеслось:

— Спасибо…

Чудненько, лимит добрых дел на сегодня можно считать исчерпанным. Я откинулась на спину и позволила теплым ностальгическим волнам увлечь меня. Так уж сложилось, что часть моей души повенчана с городом на Неве, с невысокими красивыми домами, наводящими на мысли о покое и монументальности, с цветущими каштанами, торжественной красотой Марсового поля и романтичными фонтанами Петергофа… Альбраст может выучить русский язык, но ему никогда не гулять по весеннему Питеру…

— Ирина, ты все еще изволишь обижаться?

Я чуть не зарычала — какая наглость, врываться в мои самые нежные грезы столь бесцеремонным образом!

— Нет, Ана, ждала, пока ты спросишь. У тебя срочное дело или просто поболтать решила?

— С тобой поболтаешь… Никакого чувства юмора, одна банальная эрудиция, а на ней далеко не уедешь.

— Не хами.

— Я и говорю: никакого чувства юмора! Ты не будешь возражать, если я воспользуюсь изысканиями Альдобраста? Кстати, когда вы успели стать друзьями?

— Просто он меня кормит и не тычет в лицо мелкими недостатками. А что до его изысканий, как ты изволила выразиться, спрашивай у него, авторские права, патент, лицензия,

все принадлежит ему. И не приставай ко мне по пустякам, — тоном, ярко выражающим смертную скуку, заявила я.

— Фи! — фыркнула моя механическая подруга. Я уже привыкла к ее запрограммированной эмоциональности, но порою она повергала меня в состояние благоговейного ужаса.

Полчаса спустя Ана уже вовсю цитировала Гете, Вергилия и Пастернака, немало меня смущая — сама-то я с трудом припоминала редкие строки их произведений…

— Вообще-то я думала, что Альдобраст хочет выучить язык, а не творчество мертвых поэтов.

— Он перестарался. Лизатерель скопировал все объемные текстовые массивы, имевшиеся в твоей долговременной памяти.

— Подонок, — я беззлобно обругала медика. — Не будь он моим другом, обязательно придушила бы. А так… жалко.

— Дорогая, не надо убивать Альдобраста, он нам пригодится. Но мне пора бежать, к тебе гости…

Она замолкла, даже не сказав, кого ко мне нелегкая соизволила принести на этот раз…

— Так ты полетишь со мной на Глацинию?

Нечто инородное туманило мой взор, похоже, то были слезы. Я не умею красиво плакать, особенно на людях, потому терпела, стиснув зубы и сжимая за спиной кулаки.

— Не думаю, что кто-либо из нас может рассчитывать на отпуск. Впереди война.

— Спасибо, Ира, я знаю. Не сомневаюсь, ты не полезла бы к криогам из праздного любопытства. Сведения собраны, расчеты на Консуле будут произведены, и Империя начнет боевые действия. Благодаря тебе она, скорее всего, победит. Но я спрашиваю тебя еще раз: ты полетишь со мной на Глацинию?

Койт умный мужчина. Умеет считать до двух. Но что погубит его, так это категоричность. Абсурдно не оставлять выхода девушке, которую любишь.

— Давай подождем с выводами. Войны не заканчиваются за несколько дней. У нас еще будет время все обсудить.

В жизни не бывает хэппи-эндов. Бывают только финалы, притянутые за уши авторами и режиссерами. Койт ни слова не сказал мне в ответ, просто поцеловал в щеку и вышел — у меня возникло чувство, будто он не из каюты моей уходил, а из жизни. Навсегда.

— Один корабль?! Ана, ты можешь мне объяснить? Как могли

оставить для защиты Терры всего один корабль?!

Увиденное не укладывалось в голове. По сути, Землю оставили на произвол судьбы, единственный звездолет, якобы призванный ее охранять, ничего не мог противопоставить полноценному удару сил Оплота Кри. Уму непостижимо, как такое могло случиться, оставить для обороны планеты одиночный корабль, это ведь было равносильно попытке укрыться от ядерного удара в картонной коробке!

— Не кричи на меня, откуда мне знать, — похоже, я исхитрилась достать кибернетическую приятельницу.

— Молчу-молчу, прокрути еще разочек повтор, — заискивающе попросила я.

— В четвертый раз?! Зачем? — похоже, до белого каления Ане осталось совсем чуть-чуть…

— Что-то в нем не сходится, и я не могу понять, что именно. Пожалуйста!

Не знаю, решил ли компьютерный разум по имени Ана, что я окончательно свихнулась на почве безделья, или же списал мои прихоти на сложности выздоровления, но задокументированный рестарт гибели Земли я заполучила. И принялась дотошно отсматривать, раз за разом, до одурения, восстановленную версию разрушения Терры, пытаясь найти нестыковку с записями корабля, посланного на охрану колыбели человечества…

Со стороны все это наверняка отдавало противоестественным мазохизмом, как ни крути, мне крах родной планеты видеть много трагичнее, чем всем вместе взятым жителям Империи.

На стене, превращенной в два головизора усилиями чуда науки и техники — подружки моей Аны, параллельно разворачивались два варианта одной нехитрой истории. В ней просуществовавшая миллиарды лет старушка распылялась на запчасти-астероиды. В утиль.

Прошло не меньше часа прежде, чем я поняла, за что цеплялся взгляд. Правда, к тому моменту я уже мало что соображала, и пришлось уверенности ради просмотреть повтор еще дважды. Запись корабля-защитника не стыковалась сама с собой, а не с последующим воссозданием событий.

И я воспряла духом.

— Ана, мне нужны все записи контактов с криогами: сражения, переговоры, что угодно. Любые отрывки.

— Ладно, — меланхолично отозвалась стенка. — Надоест, сообщи.

На шестом часу лицезрения батальных сцен я начала осознавать резонность заявления Аны. Надоело — это очень мягко выражаясь.

— Похоже, больше ничего нет. Странно, я полагала, что записей больше…

— Ана, дорогая моя, ты не можешь полагать, ты же мегамозг!

— В том-то и дело… Ты нашла то, что искала?

— Ничего похожего.

— Тогда погоди. Повиси немного.

И я повисла. Экраны погасли, оставив меня в полумраке размышлять, что и компьютер может уйти в себя. Вскоре левый головизор ожил, отобразив картину звездного неба.

— Я выяснила причину расхождения, — в голосе Аны слышалась озабоченность. — Из архивов удалено около двадцати записей общей продолжительностью более двух часов.

— Их попросту стерли? — так рушился фундамент моей теории, обнуляя результаты поиска и затраченные усилия, не говоря уже о нервах.

— Если бы.

(Тут возродилась надежда!)

— Записи перемещены в *Т*-архив, от *тальрем* — несуществующий. Уж извини, входа туда у меня нет.

Возродилась, чтобы сразу иссякнуть…

— А у кого есть? — скорее, от отчаяния, чем из расчета, спросила я.

— У Императора. Что может являться ключом, я без понятия.

Я задумалась. Добраться до Консула, испросить у Брендона лично? Заманчивая идея, но до столицы Империи еще сутки полета, а разобраться (так взывало все мое существо) требовалось немедля.

Словно в ответ на мои терзания, вспыхнуло воспоминание, точно кадр, выпавший из фильма: мы сидели в пещере, устланной опавшей листвой, разгоралось утро, ветер холодил лицо… «*Перед тем, как впервые надеть Звезду, хозяин должен внести в нее элемент ДНК — в твоем случае я проделал это за тебя*»…

— Ана! — почти выкрикнула я. — Ключ — Звезда!

Стена не отвечала долго, я сидела, как на иголках, пальцы самовольно отстукивали невнятный ритм по краю постели. Верна ли моя догадка? Не выдала ли я желаемое за действительное, слишком уж простым казалось решение заключить ключ к таинственному архиву в знак принадлежности к правящему Дому, пусть и снабженному дополнительными функциями вроде поискового устройства?

— Подробнее, Ирина, — отозвалась-таки Ана, когда я уж было совсем извелась.

— Элемент ДНК в Звезде может быть ключом. Если я ошибаюсь, мы ведь ничего не теряем?

И тишина была мне ответом… На этот раз я не стала нервничать, предоставив подруге анализ моей гипотезы, ведь ее кибернетический «котелок» варил всяко лучше моего.

— Версия вполне правдоподобна, — поразмыслив, заключила Ана. — Будем испытывать.

Я просияла, обуявший меня дух авантюризма настаивал на действиях.

— Сними ремень, — начала наставлять меня незаменимая помощница. — Положи Звезду лицевой стороной на любую горизонтальную поверхность.

Я не замедлила выполнить инструкции, и, нетерпеливо ерзая, уставилась на тумбу с возложенной Звездой, ожидая продолжения.

— Теперь сиди и жди. Не хочу светиться. Я подготовлю корабль к автономной работе, чтобы потом в спящем режиме вломиться в *т*-архив, надеюсь, так будет сложнее отследить вторжение. Я скопирую файлы и отключу большую часть систем, таким образом мы похороним сведения о владельце ДНК, открывшего архив, а если повезет, то и вообще все следы посещения.

Сложив ручки на коленях, я принялась изображать послушную девочку, ожидая вынесения вердикта. Примерно через полчаса каюта погрузилась в темень, отрубилось тусклое верхнее освещение. И тогда я уразумела, что наша с Аной безумная затея удалась. Чудо-компьютер не стал бы перезагружаться, если б не попал в *тальрем*-архив — место, которого нет.

На третьем же отрывке я обнаружила ожидаемое: расстрел флотом криогов корабля-разведчика и сходного с Террой мира. Только это была не Земля, у несчастной распыленной планетки было три естественных спутника.

Криоги не уничтожали Терру. Скорее всего, флот Оплота даже не подлетал к ней, у криогов были задачи поважнее безжизненных небесных тел. Это сделали люди. Тот самый единственный кораблик, последний часовой на страже покоя колыбели цивилизации, стал ее же палачом. Он летел с заведомо ложной записью, которую впоследствии расшифровали спасатели и воссоздали столь же ложную картину.

Нетрудно было сообразить, кто стоял за грандиозным представлением — великий Гектор Атир, сплотивший человечество. Победа над криогами была необходимостью, несмотря на недовольство отдельных миров расходами на военную кампанию. Нужен был стимул, искра, способная запалить фитиль. Искрою стала смерть Терры, транслируемая на каждую колонизированную людьми планету, в каждый дом…

— Ана, разбуди меня за час до Консула, — пролепетала я, распластавшись по ложу, раздавленная гнетом многотонного знания. Истина не всегда несет добро и свет. Иногда она выжигает тебя изнутри, опустошая до такой степени, что не остается места даже для гнева.

ЧАСТЬ III. Эшти (Тень)

День… а черт его знает, какой…

Зеленоватый туман меж зубчатых скал… Ущелье, наполненное рекой из тумана… Обрыв. Я — на самом краю, с раскинутыми руками, словно птица, готовящаяся к полету в зеленом тумане, к невидимому дну ущелья… Ветер. Он хлещет мне в лицо, развевает волосы, готовый подхватить хрупкую фигурку с жалкими ручонками, возомнившими себя крыльями… Подхватить, чтобы низвергнуть в бездну.

— Ты готова?

Раскатистый голос сзади заставляет меня обернуться. Скрипят мелкие камешки под ногами. Несколько срывается вниз, устремляясь в жадный зев ущелья…

Рядом со мной никого нет.

— Ты готова?

Вновь вопрошает мой невидимый собеседник.

— К чему?! — выкрикиваю я, не скрывая вызова в голосе.

Смех. Кажется, смеются сами скалы, и ветер, разгоняя клочья тумана, разносит этот смех по окрестностям…

— Не смешно! — мой голос не утратил наглости. Пока — не утратил. — К чему я должна быть готова?!

Смех обрывается. Резко, точно отключили динамики. Скалы погружаются в тишину. Ненадолго.

— Ты готова убить дитя?

Я опешила.

— Ты псих?! — других слов у меня не находится.

— Ни в коей мере. Я — предначертание. Подойди.

Я делаю несколько шагов вперед на негнущихся ногах. Там, где только что ничего не было, кроме голого камня, высится фигура, окутанная черным плащом и зеленым туманом. Понимаю, что он все время был здесь, просто я его не замечала.

— Правильно, — кивает фигура в плаще. На голове его — капюшон. Лица нет. Под капюшоном клубится зеленый туман. — Я всегда на грани видимого. Ведь я — предначертание.

Он говорит так, будто эта бессмыслица объясняет все. В том числе и зазубренный нож в его правой руке. Рука вполне человеческая.

Он замечает, что я не свожу глаз с его странного оружия, и протягивает его мне.

— Он твой.

Прикосновение металла холодит мою ладонь. Я разжимаю

пальцы, но клинок не падает, словно намертво слитый с моей плотью…

— Единожды коснувшись, от него нельзя отказаться.

— Но я не хотела! — кричу в ветер…

Он не утруждает себя ответом. Вместо этого несколько театрально взмахивает рукой — колышутся складки материи, до того недвижные, несмотря на порывы ветра — и указывает на неровный каменный стол, возникающий из тумана.

Нет, не стол.

Алтарь.

К алтарю прикован обнаженный ребенок. Мальчик лет десяти.

— Убей его!

Дитя открывает голубые глаза.

Разумеется, я узнала его. И, что бы ни нес призрак в плаще, не собиралась я причинять боль Тоду.

— Леди Калли? — жалобно позвал брат моей названной сестры.

— Все будет хорошо, малыш.

В удар я вложила всю свою силу. Нож, распоров черный плащ, только выпустил на свободу немного тумана. Призрак снова засмеялся.

— Ты не можешь убить меня. Я — всего лишь предначертание.

— Будь ты проклят! — ору от безысходности.

— Ты должна убить его.

— Но я люблю его! Он брат…

Он обрывает меня жестом.

— Знаю. Именно потому, что любишь. Убей его.

Надрывный плач Тода…

— Леди Калли!

Я опускаюсь перед им на колени, вытирая слезы свободной от оружия рукой. Наклоняюсь, чтобы поцеловать его.

Он впивается зубами в мою шею.

Дни с какого-то по какой-то. Они не поддавались нумерации.

Пробуждение не из приятных. Бывают, деточка, и просто сны…

Образы тумана и бездны уже посещали мои сновидения. Пожалуй, без примеси полу-библейских мотивов…

Болела шея. Невольно потянулась пальцами в поисках укуса… Его, конечно же, нет. Просто сны…

Я побрела к охладителю. В нем хранилась пища, предусмотрительно расфасованная по тюбикам. В какой раз я сюда брела? Сколько я уже здесь?..

Время быстро потеряло точку отсчета. После первого приступа безумия, пожалуй… Я вздрогнула. Недостойные это воспоминания. Но достойно ли запирать человека просто так, ничего ему не объясняя?!

Глубокий вдох. Надо успокоиться. Биться об стены бессмысленно. Это ты уже пробовала. Во второй приступ…

Сколько я здесь?!

Край бездны. Сегодня здесь, пожалуй, темнее. И прохладнее. Странно, разве сны включают в себя возможность зябнуть?..

Словно в насмешку над рассудительным анализом столь непостоянных материй, как сны, клацают зубы.

Озноб.

Тишина.

— Эй! — рвет тишь мой хрипловатый оклик. — Ты здесь?!

Разошедшиеся края тишины сшиваются сами собой. Эха нет. Я здесь одна.

Нетерпеливо пинаю камень у самого края обрыва.

Злость. Тихая, пока безадресная, но неизбывная.

Камень улетает в бездну, увлекая за собой с десяток камушков помельче. Я наблюдаю за их чуть замедленным полетом, просто от нечего делать…

— С возвращением.

Еще не обернувшись, отчетливо осознаю, кому принадлежит голос. Однако я предпочитаю видеть лицо собеседника.

Даже когда вместо лица — туман.

— С возвращением, миледи, — повторяет призрак и отвешивает поклон. В его исполнении это выглядит величаво, хоть и немного забавно. — Я с нетерпением ждал вашего визита.

Чуть слышно смеюсь.

— Ты мой бред. Я схожу с ума, и мой помутившийся рассудок…

Его хохот обрывает цепочку моих рассуждений.

— Сейчас вы непременно заявите, что я лишь ваш сон, и не стоит принимать во внимание откровения навязчивого демона.

Меня знобит, и, кажется, закладывает нос. Ощущения, более свойственные реальности, нежели фантазии.

Ежусь.

Могли бы мне сниться и покомфортабельней сны. С обогревателем.

— Ты верно изложил, навязчивый демон.

Странный приглушенный звук из-под капюшона. Очевидно, снова смешок. Однако, я его развлекаю…

— Не думали ли вы, миледи, — с нескрываемой издевкой отвечает он. — Что это вы — мой сон?

Ошарашенно качаю головой.

— Поразмыслите над этим. До новых встреч.

Его левая кисть замирает, протянутая к ущелью. К ладони призрака устремляются туманные ручейки, и он очень плавно бросает в меня зеленый дымящийся снежок.

Реальность напомнила о себе болью в спине, свинцовой тяжестью век и отсутствием Силы.

Это нечестно. Звери в зоопарках не выглядят недовольными, потому как родились и выросли в неволе. Однако и они порой начинают без видимых причин метаться по клетке, издавая полный бессильной ярости рык. Я же в неволе не рождалась…

В посадке «Страннику» отказали. Корабль переключили на внешнее управление и вывели на высокую круговую орбиту вокруг Консула I.

Случай беспрецедентный и абсолютно неожиданный для всех нас. В глазах Тиора я видела панику. Недоумение и плохо скрываемое беспокойство явно читались на лицах каждого в экипаже. Ана в спешке переливала свои базы в неведомые мне исходники в Эшеровом пространстве.

Прошел час. Час в подвешенном состоянии — на заданной извне спин-траектории и в полной прострации. Атмосфера уже отличалась редкостной нервозностью. Первым сорвался Тиор, рявкнувший на помощника, чтобы тот не путался под ногами.

Тогда же поступил запрос на транспортировку Леди Калли. Флинер, напоминавший до того каменное изваяние в углу центральной рубки, мрачный, но неподвижный, едва заметно покачал головой.

— Не делай этого, милая.

Обращаться к прикладной телепатии не имело смысла — одна общая мысль витала в воздухе: что будет в случае моего отказа?..

Однако вслух высказать ее не решился никто. Даже вездесущая Ана.

Так мы и стояли полукругом: Тиор, его главный помощник Кетлер Ааст, я и Флинер. Стояли и молчали.

Затем раздался сигнал повторного запроса.

Отчего-то мне показалось разумным согласиться.

Сидеть на холодном полу, даже предаваясь воспоминаниям, вредно для организма. Особенно для ягодиц.

Я встала, потянулась и зевнула, прикрыв ладонью рот. Манеры прежде всего, едино, что некому их оценить. В который по счету раз я начала мерить шагами мою маленькую тускло-серую клетку.

Воспоминания, размышления. Немного эмоций. Дозировано, дабы не навредить и без того расшатанной нервной системе.

Что оставалось мне кроме этого?..

Тишина, многократно, упорно (и не безрезультатно), пытавшаяся отворить врата безумия.

И, разумеется, сны.

Вместо привычного безмолвия — скрежет камня о камень. Мой неизменный спутник по многоступенчатому сновидению, следующему за мной, стоит мне смежить веки, занят.

Вполне вольготно расположившись на жертвеннике, он рисует. Прошлые мои посещения не отразили его своеобразного холста: двухметровой монолитной плиты красноватого цвета, по которой резкими, экономными движениями при помощи наточенного камня наносит неглубокие штрихи художник.

Композиция из насечек призвана изображать жирафа, судя по длине шеи и четырем конечностям. Жираф обладает шикарными ушами ухоженного спаниеля, что ничуть не смущает ни его самого, ни его создателя.

— От эмпирического мистицизма в примитивизм? — вопрошаю я.

Он оборачивается ко мне, не вставая с импровизированной скамьи. Очень отчетливо помню я глаза мальчика, прикованного в этому камню. Впрочем, ни ребенка, ни цепей сейчас нет, и алтарь служит сугубо мирным целям.

Он даже не думает отвечать мне. Вездесущий туман окутывает мои ноги. Сыро и холодно.

— Въставъ и рече! — начинаю терять терпение я.

— Нет глупости большей, чем пытаться разозлить меня, — наконец прерывает молчаливое созерцание он. — Не стоит забывать, что я — предначертание.

— О, это мы уже обсуждали…

Я осекаюсь внезапно, тугой обруч охватывает горло.

— Наглый, маленький, нетерпеливый мотылек. — Ни намека на эмоции в его голосе. — Неужели вы, люди, настолько

бездарны, что способны извлекать уроки исключительно из собственных ошибок, да и то через раз?

Вопрос явно риторический, прервать его монолог по-прежнему мешает обруч на горле.

Он некоторое время молчит. Вынужденно — молчу и я, дрожа от холода. Или страха?.. Нет, точно от холода.

— Впрочем, вас оправдывает срок мотыльковой жизни… Многовековое ожидание поневоле учит терпению.

Мое порядком простывшее горло освобождается.

— Боюсь, именно сейчас я не могу ждать. В неведении о том, что происходит с этим миром… И со значимыми для меня людьми.

Порыв ветра — вздох призрака — немного разгоняет туман.

— Разве нетерпение в силах развеять неведение?

Моя очередь задумчиво молчать.

— Надо отдать вам должное, миледи. Вам удалось слегка удивить меня.

Он отворачивается к своей «наскальной» картине. Делает вид, что погружен в изучение художества. Я мнусь в сторонке, стараясь не отвлекать и не злить лишний раз существо, в волшебном происхождении которого не приходится сомневаться. Ушастый жираф грустно смотрит на меня единственным высеченным глазом. Наверное, он тут тоже мерзнет.

— Мало кто ищет знания. Вам, мотылькам, милее и желаннее власть, богатство, могущество…

Качаю головой, словно отметаю его обвинения, пусть и не относящиеся напрямую ко мне.

— Власть ни к чему мне, я не знаю, что с ней делать. Остальное — преходяще. Что необходимо мне на самом деле — так это свобода.

Он хохочет. Туман пульсирует в такт с раскатами его смеха.

— Подумать только, а ведь я сделал тебе комплимент! Решил было пересмотреть свое мнение о твоих умственных способностях!

Лицо омывает волна жара. И злости.

Кажется, самое время проснуться…

Он взмахивает рукой, словно угадывая мои намерения. Хотя, что тут угадывать…

— Постой. Ты действительно веришь, что кому-то под силу лишить тебя свободы?

В его голосе — неподдельное изумление.

— Не просто верю. Наблюдаю это.

— Значит, — пожимает плечами он. — Ты не слишком внимательно искала выход.

Он говорит уверенно. Стоит задуматься… Но лучше бы в более спокойной, менее пафосной, и — желательно — утепленной обстановке.

— Станешь ли ты просить меня о Силе?

Заманчиво… Вот только…

— Моей Силы было недостаточно, — медленно произношу я, тщательно продумывая каждое слово. — Возможно, не каждую стену надо долбить молотком.

Чуть слышно прищелкиваю языком — самой понравилась пришедшая на ум формулировка.

— К тому же… Разве достижимо использовать заимствованную Силу лучше собственной?

— Ты начинаешь понимать.

Крохотная точка в небе, песчинка в просторах галактики — автономный спутник упрощенной конструкции — невозмутимо выписывал круги за пределами атмосферы Консула I. Его единственный обитатель в который раз просыпался в холодном поту…

Изнутри спутник был неплохо оборудован: охладитель с запасом питания на долгий срок, система рециркуляции отходов, устройство для очистки воздуха. Меблировано, правда, скудненько — ложе, не впечатляющее габаритами, да сухой душ, который с немалой натяжкой можно отнести к мебели. Свободного пространства — едва ли на четыре квадратных метра. Пятнадцать неразмашистых шагов — если шагать вдоль стенок.

Но габариты и отсутствие мебельных излишков — отнюдь не главный недостаток данного обиталища.

Недоступным моему пониманию образом спутник был блокирован от потоков Силы. Лучащиеся голубоватые ручейки огибали его стороной. Мне невероятно льстит мысль, что трудились, создавая это место, индивидуально ради меня. Однако выяснить, насколько я права в своем тщеславном убеждении, пока не представляется возможным.

Прав был Флинер, не надо было этого делать… Желтоглазый маг всегда знал больше, чем говорил, и еще больше — предвидел. Только смысл сожалеть о содеянном?

Сгоревшие в костре дрова не распустят листьев по весне.

Заманить меня сюда было задачкой для школьника. Да что там, двоечник из пятого класса решил бы ее без труда.

Мне лишь пообещали срочную и тайную встречу с Императором, и я сама шагнула в капкан. Когда же обернулась, чтобы спросить стройного офицера о времени прибытия Сэра

Брендона, его — блондинистого офицера — со мной уже не было.

Ловушка захлопнулась.

У жирафа появилась компания.

Под его длинными тощими конечностями примостились две упитанные улитки, на мой непритязательный вкус, выполненные поискуснее жирафа. Голову одной из улиток увенчал внушительных размеров цилиндр, почти упирающийся жирафу в живот.

— Как ты находишь мою картину?

Его появление совпадает с порывом ледяного ветра.

— Конечно, я не ценитель, — стараясь не слишком явно стучать зубами, отвечаю я. — Но, несомненно, она нестандартна. Концепция малость эксцентрична, мне кажется, но это скорее из-за узости моего кругозора. Никогда не была способна оценить перспективу.

Мы с призраком далеко ушли от начального стиля общения. И страха он мне уже не внушает.

Жуткий грохот за спиной заставляет мое тело прыгнуть вперед и растянуться на острых камнях.

Оглядываюсь. Линия края обрыва существенно изменилась. Наверное, прежний край нашел себе пристанище на дне ущелья.

— И верно, что меня бояться? — отмечает призрак, плотнее запахивая плащ.

Поднимаюсь, тщетно силясь испепелить его взглядом. Отряхиваю колени. Интересно, а, проснувшись, я найду у себя синяки?..

Сегодня здесь особо пакостная погода. Со всех сторон свищет пронизывающий ветрюга, он уже загнал весь туман с округи в ущелье. Я бы тоже с удовольствием спряталась куда угодно от его порывов… Верхушки скал скрывают неестественно низкие тучи. Издалека доносятся приглушенные раскаты грома. Молний не видно — либо гроза еще далеко от нас, либо их попросту нет.

Препаршивейшее местечко.

— Знаешь, собираясь спать, я поймала себя на мысли, меня озадачившей. Что, если мне приснится другой сон?

— Не переживай. Это могло бы случиться, будь он твоим. Но ведь ты снишься мне, а я лишь позволяю тебе наблюдать за своим сновидением.

— Мне все еще сложно принять на веру твои утверждения, но ты явно обладаешь большей свободой волеизъявления здесь.

Он машет рукой, словно отгоняя надоевшее насекомое.

— Не думай о пустяках. Подобные незначительности не

должны отвлекать нас.

— От чего?

— От предначертанного, разумеется.

Конечно, для него этот довод весомее и категоричнее прочих. Остается надеяться, рано или поздно я начну лучше понимать его метафоры. Итак уже комплекс неполноценности развивается…

— Вот это советую прекратить.

— А читать мои мысли — так уж необходимо? Меня раздражает, когда ты начинаешь их комментировать.

Возмущение в голосе я даже не пытаюсь скрывать. Поскольку ему ведомы мои мысли, эмоции наверняка как открытая книга. Настольная.

— Я вижу нити прошлого, нынешнего и того, что может свершиться. В них я вплетаю нити того, что свершиться до?лжно. Для знания будущих действий мало слышать слова, потому я вынужден слушать и мысли.

Он невозмутим, как окрестные скалы. Крупица его спокойствия передается и мне. Остываю. В конце концов, призрак не лжет — это издержки его профессии.

— Тогда была бы признательна, если б ты удерживался от ответов на вопросы, не заданные вслух.

Что-то в его позе подсказывает мне, что мой требовательный тон был неуместен.

— Наша дискуссия беспредметна. Не следует впустую тратить драгоценное время.

Киваю. Даже если в его распоряжении — вечность, срок моей жизни ограничен. Тем более не весь его остаток я планирую провести в заточении. Есть у меня интуитивная уверенность, что стоит мне сбежать из плена серых стен, как сны с туманным ущельем и навязчивым демоном прекратятся.

— Сейчас твой рассудок настроен надлежащим образом.

Снова он отвечает на мои мысли, но я не обижаюсь. Могла бы и сама дойти до разумения: случись такой сон прежде, я мгновенно забыла бы о нем, как о любом легко улетучивающемся кошмаре.

Поток рассуждений прерывает новый раскат грома — на сей раз значительно ближе.

— В прошлый визит ты отметила, что тебя угнетает неведение о каких-то людях. Тебе важно знать о них?

— Верно, — соглашаюсь я. — Очень важно. Ты можешь мне о них рассказать?

— Зачем же? — он разводит руками. — Разве я не художник?

Меня разбудили сотни иголок, пронзающих левое плечо. Фырча от бешенства, я ругнулась — какая досада, прервать видение в столь важный момент!

Чем дальше, тем глубже овладевало мое убеждение, что сны мои являли собой не просто набор разнообразных, но малосодержательных красочных слайдов. Несомненно, в них крылось нечто большее…

Вдох-выдох. Постаралась вдыхать поглубже, чтобы успокоиться. Имелся шанс снова задремать, повернувшись на другой бок.

Вдох-выдох. Размереннее. Легче.

Нечто большее…

Он на месте. Стоит, облокотившись на глыбу с рисованной живностью. Мой внезапный уход ничуть его не смутил. Равно как и последующее возвращение.

— Отлично. Ты появилась здесь раньше, чем дождь, — заявляет призрак.

Не совсем понимаю, о чем речь, но отвечаю коротким кивком. Вымокнуть, пусть и не наяву, мне не улыбается.

Туманный демон обходит плиту с живописью, неуловимым взгляду движением достает уже виденное мной стило — заостренный камень.

— Не будем затягивать.

Четыре резких взмаха, и у картины появляется прямоугольная рамка.

— Постарайся выбрать быстро, времени у тебя крайне мало. Кого мне надлежит изобразить?

Совсем близко от нас вспыхивает ломанная фиолетовая молния.

Мне не нужно долго раздумывать. Мой ответ сливается с раскатом грома, тонет в нем.

Покачивается капюшон.

— Нет.

— Почему?! — кричу я, стараясь оказаться громче завывающего ветра, швыряющего мне в лицо горстями камушки и пыль.

— Видение Брендона может повлиять на исполнение предначертанного. Другое имя, скорее!

— Флинер.

Честное слово, понятия не имею, почему я назвала мага с кошачьими глазами. Но менять решение было поздно, призрак

уже зачерпнул пригоршню тумана и швырнул в центр картины. Плиту заволокло дымкой, зоологические наброски потеряли резкость, а потом и вовсе расплылись. Осталась лишь рамка.

В рамке…

…Глянцево-розовое море лениво плещется о кобальтовый берег, распространяя мягкое сияние… Прозрачное, будто хрусталь, небо. Вдоль горизонта — дым. Волны отступают от берега, обнажая дно и глубокой синевы глыбу стекла (или льда?..) — внутри нее отчетливо виден контур сидящего в позе лотоса человека с приподнятой рукой. Глаза его закрыты, губы сжаты в тонкую линию. Жидкий розовый глянец смыкается над ним до того, как я успеваю додумать — жив ли заточенный в синеву маг?

Изображение мутнеет, из транса меня выводит резкий оклик призрака.

— Еще!

Фиолетовая вспышка. Грохот. Ана?.. Нет, она же не человек… В памяти всплывает та, что я называла сестрой.

— Арна!

…Позолота на лепном потолке дворца. Полотно в тяжелой золоченой раме с горным пейзажем. Бордовый диван на высоких ножках. На нем — светловолосая девушка с дымчато-серой пушистой кошкой на коленях. Рука Арны размеренно гладит мягкую шерстку, по щекам непрерывно текут слезы. Она не пытается их вытирать.

Рябь, легкое головокружение.

— Еще!

Пыль режет глаза. Пытаюсь проморгаться — не помогает. Сколько видений мне осталось?..

— Койт.

…Двор, мощеный черно-белой плиткой, весь устланный опавшими листьями: багряными, золотисто-желтыми, бурыми. Глубокий мраморный бассейн, заполненный бирюзовой водой, в которой плавают немногочисленные листья, сброшенные ветром, и как всегда великолепный, мускулистый Койт. К краю бассейна подходит рослая брюнетка с отличной фигурой, обтянутой белым закрытым купальником. Цвет ее кожи немного светлее, чем у Койта. Девушка опускается на корточки и что-то говорит — слов, увы, видение не передает — глядящему на нее мужчине. Он улыбается, но мне кажется, что глубокие синие глаза его глядят мимо девушки.

Еще миг я вижу в его взоре отблеск далеких звезд, а потом изображение рассыпается. Вместе с каменной плитой.

На ее месте нежным облаком опадает груда красно-розовых

тонких лепестков георгины. Из отголосков памяти о прошлой жизни всплывает название цветка — Дочь Земли.

От ложа до охладителя семь шагов. Каждый раз, просыпаясь, но не открывая глаз, я загадывала желание: очутиться в другом месте. И каждый раз действительность рушила наивную фантазию. Каждое пробуждение: семь шагов до охладителя, восемь до сухого душа. От него четыре шага до каморки с определенного рода удобствами.

Весь мой крохотный мирок был измерим шагами.

Когда у меня еще оставалось немного Силы, я обследовала свою конуру. Результат, мягко сказать, не порадовал. Следили за каждым сантиметром этого серого убожества. Не исключая душ и каморку с удобствами.

Я пробовала дотянуться в направлении исходящих с датчиков моей тюрьмы сигналов, но не смогла. Не хватило накопленной Силы, а почерпнуть новую было неоткуда.

Затем меня настиг первый приступ безумия.

Хорошо, что я мало о нем помнила. Противно и стыдно, что на поверку меня так легко оказалось сломать. Сейчас, почти насильно вытягивая из памяти разрозненные всполохи сознания, я четко различала лишь одно: как я пыталась ногтями разорвать серую стенку, и выла подобно баньши. Свихнувшийся призрак самой себя.

Обломанные ногти до сих пор не отросли. И, как бы ни было мерзко, я сохраню это воспоминание. Однажды стены перестанут быть преградой, и тогда я предъявлю счет тем, кто сделал со мной такое.

Пока же спрячу его поглубже, и буду сдувать пылинки шелковым платочком, бережно и аккуратно. Сейчас мне необходимо спокойствие.

Мне казалось, будто я вижу глаза Койта… Мягкая, приятная грусть наполнила мое существо… Хочется верить, он сейчас счастлив.

Я так мало узнала из видений в рамке… Очевидно, это тот самый случай, когда ответ порождает лишь множество новых вопросов.

Один из них — отчего мне не позволили увидеть Брендона?

— Ты уже получила ответ на этот вопрос.

Влажно, недавно прошедший ливень прибил пыль к земле. Даже ветер, неизменно рыскающий по ущелью, перестал, вволю

выбесившись накануне.

От россыпи лепестков георгины ничего не осталось, ими играли буйствующие стихии.

— Это повлияет на исполнение предначертания, я помню. Но нельзя ли подробней? Я до сих пор плохо понимаю твои иносказания, — признаюсь я.

Его тяжелый вздох, полный разочарования, отчетливо слышен в притихших скалах.

— Узри ты его, и волнение и прочие человеческие эмоции захлестнули б тебя с головой, — наконец донесся ответ. — А я отнюдь не уверен, что ты смогла бы их сдержать. Было бы недопустимым легкомыслием отправлять тебя сейчас к твоему предначертанию. Ты не готова.

Я усмехаюсь.

— Полагаешь, стоит подождать очередного приступа безумия?

— Безумие очищает. Тебе пока не осознать этого, потому просто запомни.

Двусмысленное замечание, на которое у меня нет ответа.

Он первый прерывает затянувшуюся паузу.

— Знаешь, я не хотел критиковать, но ты довольно глупо израсходовала шанс, который у тебя был.

— О чем ты?

— Я о них молю: не о ВСЕМ мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои[15], - нараспев цитирует призрак. — Я ценю твою заботу о близких, но разве ты стала счастливее, поглядев на них?

Мне снова нечем крыть…

— Взгляни с другой стороны. Попроси ты показать тех, кого считаешь врагами, могла бы узнать нечто полезное для себя. Всегда важнее знать, чем заняты враги, нежели друзья.

— Пожалуй, ты прав, — поразмыслив, отвечаю я. — Но жалеть уже поздно. Скажи, то, что я видела — происходит сейчас?

— Ближе всего настоящее, может недавнее прошлое или скорое будущее. Мои картины не хронометр. И не часы с кукушкой.

В том, что заточение мое было полу-официальным, крылось одно, но значимое преимущество. Меня никто не обыскивал, все личные вещи, захваченные со «Странника», остались при мне. Даже тусклая и бесполезная Звезда Атиров. Чуть больше пользы принесла косметичка, позволившая не опуститься до грязного нечесаного животного.

И самой нужной, эффективной и прочее, оказалась моя рукопись. Каждое бодрствование я проводила, перелистывая странички, покрытые неразборчивым почерком, вчитываясь в отдельные отрывки… Зачастую возникало желание что-то поправить, внести новый, более красочный элемент в повествование, но я непреклонно давила его в зародыше. Это ведь не роман, а дневник. Назначение его — не захватывать яркостью художественного изложения, а сохранить в целости мои похождения, злоключения, переживания…

Еще у меня появилась привычка: записывать последние сны, ведь реальность, до предела однообразная, не содержала ничего, стоящего описания.

Сильнее всего я жалела об отсутствии хорошей книги, она могла бы занять мои мысли.

Что ж, ввиду скудости развлечений, дневник мой являл собою весьма приемлемый способ скоротать время…

Земля окончательно впитала влагу. Камни потускнели, а зеленый туман вновь расползся по округе, восстанавливая прежние границы царства, ненадолго суженные до бездонного ущелья прошедшей грозой.

Дух, именующий себя предначертанием, куда-то запропастился, и мне, привыкшей уже к завсегдашнему собеседнику, стало откровенно скучно… Тогда же мне вздумалось, что здешний мрачноватый пейзаж с налетом таинственности может служить отличным фоном для медитации. Уж всяко лучше серой ограниченной клетки с искусственным воздухом.

Сидеть на земле — довольствие для избранных, к коим я себя не отношу, потому пришлось пересилить суеверный страх, внушаемый мне неровным жертвенным камнем. Я ведь уже видела, как его используют в качестве скамьи. Зажмурившись, преодолеваю расстояние до алтаря и забираюсь на него с ногами. Камень шершавый и теплый на ощупь…

По правде говоря, это мой первый позыв такого рода: на Земле я не была поклонницей медитативных погружений, да и дела, дела… А в Империи водоворот событий закружил меня, и в водовороте этом не нашлось места для созерцаний.

За неимением опыта я принялась импровизировать. Вспомнив образ Флинера, погребенного под гладью глянцевых волн, приняла позу лотоса. Ладони сами легли на колени, веки сомкнулись, отяжелели, и шепот легкого ветерка стал громче, призывнее. В живом его шепоте зазвучал серебряный звон

колокольчика, и я устремилась за ним…

Меня настиг раскаленный первозданный хаос, его бурлящий поток кипел и плавился, изгибался огненными дугами и взрывался фонтанами лавы. Высоко над огневой феерией раскинулись тончайшие, словно сплетенные из облаков, анфилады порядка. Толщина их не превышала листа картона или, скажем, апельсиновой кожуры.

Над всеми этими аллегориями раскинулся мир, обыденный в своей материальности, единый во все времена вне зависимости от захвата территорий.

Время от времени особенно высокая дуга пламени прорывалась сквозь не слишком серьезный заслон порядка и извергалась на поверхности неожиданным гейзером.

Ни одна из аллегорий не была подписана, но чувство глубокой убежденности не покидало меня: именно порядок и хаос наблюдала я в своей недолгой каталепсии, которая моментально распалась обесцвеченной мозаикой, стоило мне ощутить, что уединение мое нарушено.

— А раньше тебе не нравилось это место, — замечает призрак. — Стоило отлучиться ненадолго, как ты обратилась к его гармонии. Однако, не могла бы ты освободить мой камень?

Я поспешно сползаю с седалища, на ходу разлепляя воспаленные веки.

— Не знала, что ты покидаешь сии скалы. Слишком хорошо ты в них вписываешься.

Надеюсь, удивление в моем голосе несколько прикрывает откровенное хамство…

— Я и правда стараюсь уходить от них как можно реже. Полагаю, ты оценила их энергетику?

Да уж, и мой насморк тому в подтверждение…

— Что же может вынудить тебя расстаться с милым краем? — спрашиваю я, не пряча ехидства. Настроение у меня гадкое, не иначе к простуде.

— Необходимость встречи с высшими сущностями, — следует абсолютно невозмутимый ответ.

Я замираю с разинутым ртом. Кажется, с меня довольно на сегодня метафизики…

Но любопытство пересиливает.

— С богами?

— С Дайр'Коонами, — он занимает освобожденное от моих мощей (я не просто исхудала, я почти растаяла за время заточения) седалище, и принимает вид властителя на троне.

Челюсть моя отправляется в свободное падение. Даже заложенный нос внезапно прочистился.

— Наверняка тебе сообщали, что эти редчайшие существа не обладают развитым интеллектом и не покидают Опоры, планеты, ближайшей к Капелле, — менторский тон призрака на этот раз раздражает даже сильнее, чем когда-либо прежде. И почему я не могу, скажем, уронить на голову «учителя» верхушку вон той скалы?..

— Угу, — ничего вразумительнее мне из себя не выдавить, не нагрубив — жить мне пока что хочется…

— Данные заверения не соответствуют действительности. Дайр'Кооны способны жить везде. Их организмы устроены отлично от человеческих и вообще всего «тварного мира». Но они не видят смысла удаляться от дома.

— Мне говорили, что они гибнут в любой другой среде…

— Не гибнут. Становятся с каждым днем более прозрачными. И в надлежащий момент пропадают, попросту возвращаясь на Опору. Таким образом они отгородились от людей, избавились от исследований и избежали участи экзотического зверя в вольере.

Потрясающие знания, прямо-таки жизненно важные в моей нынешней ситуации! Они-то сей участи избежали, и не обязательно тыкать мне в лицо тем, что я прошествовала в «вольер», как говорится, добровольно и с песней. И без напоминаний тошно. Многоступенчатая ненормативная лексическая конструкция застревает в горле — я и так в этот визит скаредничала сверх меры.

— Но они разумны?

— Разумны? Нет, это неверная категория. Они представляют собой сущности иного порядка. У людей нет критериев, способных пояснить различия.

Закатываю глаза и приступаю к мечтам о суициде…

— Не понимаю.

Он тяжело вздыхает, встает с жертвенника и начинает расхаживать взад-вперед.

— Разумнее ли человек пуговицы?

— Эмм… да, пожалуй.

— При том, что пуговица — неодушевленный предмет, неспособный каким-либо образом мыслить, и не может быть соотнесена с человеком?

— Хм. Правильным ответом по твоей логике будет — нет?

— Именно. Дайр'Коон отличается от человека, как человек от пуговицы.

Я шмыгнула носом. Есть мнение, что снящиеся мне скалы дурно на меня влияли. А именно — чрезмерно затягивали в себя.

Конечно, банальный насморк не повод для паники, и проявление простудного синдрома из снов в реальности могло быть совпадением, но разодранные до крови коленки и лиловые синячищи на ногах (все эти прелести я обнаружила в душе намедни), к разряду совпадений не могут быть отнесены.

Не случится ли однажды, что, открыв глаза, я увижу вокруг те же хмурые скалы?.. А может, так было бы лучше? Если не думать о мрачности, нельзя отрицать Силу этого места, пусть и чуждую мне, но — Силу!

Сила… Будь она у меня, ненавистный спутник плавно и бережно приземлился бы в любой точке на Консуле, которая взбрела бы мне в голову. А приземлившись, распался бы а четыре ровные дольки, как разрезанный грейпфрут.

Сколько раз я мысленно проигрывала эту сцену! Не реже, ох не реже, чем красочные, но не эстетичные сцены моего общения с тюремщиками, которое должно было следовать за спутниковым грейпфрутом.

Обозлило ли меня заточение? Да. Глупый вопрос. Сомневаюсь, что многие на моем месте пришли бы к смирению.

Он парит. Руки раскинуты, плащом играет ветер. Замечая мое появление — как всегда, в тот же миг — чуть лениво взмахивает кистью, и в воздухе под ним закручивается полупрозрачная спиральная лесенка. Призрак неторопливо спускается, и за его спиной тают нестандартные ступеньки.

— Меня взбудоражил твой рассказ о Дайр'Коонах, поэтому долго не удавалось уснуть. Поразительно все, что ты сказал о них, но поразительней всего — зачем ты это сделал?

— Это была часть сделки.

— Сделки?! — сдавленно восклицаю я. Он так расписывал отстраненность Дайр'Коонов от человечества, их интеллектуальное превосходство, что торговая операция не увязывалась с выстроившимся у меня образом.

— Дайр'Кооны не общаются с людьми, — терпеливо, точно малому дитяте, объясняет дух. — И моим визитам не радуются. Я напоминаю им человека. Какая ирония! Люди пугаются меня, встречая впервые, потому что им я человека не напоминаю.

Не перебиваю его монолога, хоть он и отклонился от волнующей меня темы. Жалеть призрака за его непохожесть на людей кажется мне циничным.

— Они не радуются мне, но не отказывают в информации. В прошлый раз ценою ответа стало посвящение тебя в их тайну.

Я тихонько ойкнула. Не каждый день мной интересуются

высшие сущности и просят передать привет!

— Можно спросить?

— Если начинаешь задавать вопрос, задавай его целиком.

— Что ты хотел узнать у Дайр'Коонов?

Аж сама оробела от собственной наглости…

— Являешься ли ты той, чье появление было предсказано.

— Кем? В смысле, кем предсказано?

— Дайр'Коонами. Лишь им доступно предвидеть более, чем мне.

— Я в шоке, — честно признаюсь я. — Абсолютнейшем.

В голове — каша. Трясу черепушкою, не с целью передвинуть извилины, а чтобы отвлечься от сумбурных мыслей. Помогает.

— В чем суть предсказания?

Словно для молитвы, он складывает ладони. Опускается ниже черный капюшон.

— Сквозь годы и дали приидет Дочь Боли, и взгляд ее будет Светел, даже когда Тень укроет лик ее. И когда сплетутся Свет и Тьма, Боль ее спасет Мир.

Я повторяю мысленно каждое слово, стараясь запомнить интонацию, которой призрак подчеркивал отдельные слова, и общий его тон, с помощью которого фраза превращалась в молебен.

— Какое отношение сказанное имеет ко мне?

Навязчивый демон принимает нормальную позу, ладони прячутся в складках плаща.

— Я задал Дайр'Коонам приблизительно тот же вопрос. Мнилось, что спасительница мира должна быть сообразительной… По меньшей мере.

— И?..

— Они подтвердили, что ты и есть Дочь Боли.

Дочь Боли. Эти два слова заполонили мои мысли, вцепились намертво в душу цепкими коготками, и царапали, царапали, царапали…

Они перестали быть простой фразой, нет, два слова, как универсальный замочек, будто избитое связующее звено, скрепили цепь событий. Выявили суть, которую я за малодушием или скудоумием упускала прежде.

Осколки чашки с голубенькими цветочками, гжель, три часа ночи. Перевернутая табуретка.

— Терра… Древняя легенда. Никогда не думал, что увижу ее. В мое время это невозможно.

Капли крови на полу, тазик с двухдневным мусором.

— Видимо, не рассчитали мощность — все живое на планете погибло…

Серые глаза.

Боль…

Звезды. Космос, глядящий на меня мириадами глаз-осколков.

— Мы побеждали. Тогда криоги, сознавая свое поражение, уничтожили Терру, раздробив ее на множество мелких кусочков. Мы истребили их, всех до единого, стерли с лица Вселенной, только это уже ничего не могло изменить…

Тонкий хрустальный звон бьющихся надежд…

Боль.

Безупречно белая кожа в обрамлении черных локонов.

— Кто дал право ей носить Звезду Атиров?! Между прочим, даже я, твоя невеста, не удостоилась этой чести!

Горящие зеленые глаза.

— Твой отец, Хорин Атир, умер.

Брендон, падающий на колени.

— Веди себя достойно, Брендон. Я разделяю твою скорбь, но… Император умер, да здравствует Император! Встань, правитель Межгалактической Империи не может валяться в грязи.

— Ты права, Рэйна. Скорбеть следует в одиночестве.

Металл в его голосе.

Боль.

Солнце высвечивает заснеженные вершины. Огромные глыбы на каменистом плато, похожие на менгиры. Поток жидкого серебра, окаймленный густо-зелеными зарослями.

Вспышка.

Запах свежей крови. Месиво из пластика, металла, и тел пилотов.

Рубиновый дракон в бледно-желтом небе.

Землисто-серое лицо Брендона, без единой кровинки. Мое тяжелое дыхание, направленное в него. Моя первая смерть.

Боль.

Его красивое лицо в свете звезд. Ночной промозглый ветер и ложе из павшей листвы.

Солоноватый привкус его поцелуев…

— Если бы я знал, что это ты, я бы… ну, я ни за что не позволил бы себе…

Как сложно — заставить голос не дрожать…

Боль.

Лист дерева, продырявленный выстрелом. Вязкая боль, паралич.

Жуткое существо, изучающее меня единственным глазом.

— Знаешь, я тоже был потрясен.

— Издеваешься? Мне тройную порцию электрошока, пожалуйста. Я думала, вы их уничтожили.

— Я тоже.

Знания, ничуть не облегчающие ношу…

Боль.

Дит… Сплошное варево боли в дар от холодной, негостеприимной планеты.

Ирнальд… Обрывки тела, взмывающие в воздух.

Грохот взрывов за спиной. Э*н*-гранаты…

Долгая, основательная истерика за пеленой снежной бури. Тепло и ласка Койта… Того, на чью нежность я не сумею полноценно ответить. И в этом тоже — боль.

Короткий и яркий бой с военным транспортником. Розовые хлысты, планомерно сжигающие защиту. Луч, врезающийся в мою грудь.

Вторая смерть.

Боль.

Пробуждение. Новая кожа, перемежающаяся с остатками старой. Бело-розовая зебра. Пугающая белизна глаз…

Записи гибели Терры из *Тальрем*-архива. Терры, уничтоженной людьми во благо Империи. Во благо Человечества.

Какой, к черту, Терры?! Моей Земли.

Боль.

— Рад, что ты поняла.

В его голосе мне мерещится сожаление. Или печаль?.. Я не узнаю, а он не разъяснит. Не важно.

— Ни черта я не поняла, демон, именующий себя предначертанием.

— Поняла, но принять — боишься. И продолжаешь корить себя за бесконечное нытье, за приступы жалости к себе, за трогательную щенячью наивность и еще за тысячу смертных грехов, которых вроде бы исторически было поменьше, но все это — впустую. Зря, напрасно. Можешь дополнить синонимический ряд, если захочется.

Голос призрака, как ни странно, лишен уместных издевательских ноток, он напутствует, успокаивает, но яснее картина не становится.

— Посуди сама. Тебя выдернули из привычной жизни в мир будущего. Каждый шаг по этому миру шокировал тебя, но ты приняла его. Правда в том, что каждая новая боль увеличивала твою способность к переживанию и, что важнее, к сопереживанию.

— Иными словами, на мне ставили опыты? И кто был

заказчиком экспериментов?

Возмущению моему нет предела. Живо представляется кролик в клетке, с глазами, полными страха, и трепещущими ушами, которого изо дня в день искалывают препаратами — с самыми благими намерениями. Щенячья наивность, ага.

Готовлюсь выслушать череду сентенций на тему спасения мира и благ для всех живущих.

— Ты вправе возмущаться.

— Еще бы! — я щурюсь и почти что шиплю, как разъяренная кошка. Мою жизнь испоганили, а теперь заявляют, что я «зря корила себя за нытье»! Расцарапаю всем, кто под руку попадется, физиономии — благо ногти почти отросли, пусть не и длинные, зато острые, просто сказка!

— Если впоследствии тебе станет легче, можешь на меня покричать. Одним из, как ты выразилась, заказчиков, был непосредственно я. И я же давал указания для скорейшего становления тебя на пути Дочери Боли.

Муть схлынула, и проступило дно…

— Брендон. Он был здесь, — на место злости приходит безучастность.

— Верно, — кивает призрак. Раскаяния в его гласе не слышно.

— И он не случайно попал ко мне, — резонно предполагаю я.

— Я направил его, — не отпирается призрак. — И осуществил перенос.

— Он знал об этом? — за данным вопросом моим стоит иной, его я не обозначу вслух: была ли его искренность тонкой игрой, по своей ли воле наследник престола был так мил и обходителен со мной, глупышкой, так легко бросившейся вслед за ним?..

— Лишь о том, что ваша встреча предначертана. Как и когда она произойдет, ему знать было ни к чему, — дух непринужденно уходит от ответа.

— В ночь, когда пропал Брендон, был убит его отец. За этим тоже стоишь ты? — право слово, я уже ничему не удивилась бы. При высоких ставках все средства для победы хороши, и на мне это наглядно продемонстрировали.

— О нет. Сеть заговора ты почти целиком расплела. Преступники воспользовались ситуацией, не более того. В любом случае, гибель Сэра Хорина была неминуема.

— Почти целиком?

— Упущенное ты обнаружишь в надлежащее время. Однако наш словесный поединок затянулся, а ты, я вижу, поостыла.

Я пожимаю плечами. Буря эмоций действительно пошла на убыль. Гармония сумеречных скал убаюкивает, уносит ярость на

крыльях ветров…

— Прежде, чем осудить или одобрить какое-либо действие, остановись, и постарайся увидеть в нем перспективу.

Чем дальше, тем меньше я понимаю призрака… Одно можно сказать с уверенностью: сейчас на меня обрушат очередную порцию сентенций.

— О чем ты? — обреченно пожимаю плечами я.

— Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы[16], - напевно декламирует он. Нравится ему, похоже, цитировать библию. Только яснее от его цитат не становится, к сожалению.

— Это неверный постулат. Во всем есть и свет, и тьма, добро и зло, инь и янь, как тебе больше нравится. Все зависит от угла, под которым смотришь.

— Философские бредни, — безапелляционно заявляю я, пиная некрупный булыжник. — Согласна, мало могу назвать вещей или поступков, являющих только добро. Зато таких, чтобы несли исключительно зло — массу.

— Назови любую категорию.

— Убийство. Что далеко ходить?

— Хорошо, положим… На девушку в темном дворе нападает мужчина с ножом. Они борются, и она его же оружием убивает напавшего. В ее действии — чистое зло?

— Ты умеешь все перевернуть.

— Отчего же? Вполне жизненный пример из выбранной тобой же категории. Но ты не ответила, кто в такой ситуации зло, а кто — добро? Девушка милая, все знакомые, коллеги и даже собутыльники отзываются о ней крайне положительно. Но, тем не менее, она совершает действие, которое ты считаешь чистым злом. Как быть?

— Все же не она на него напала. Значит, скорее она — добро, подвергшееся нападению, а он — агрессивное зло, получившее по заслугам.

Демон смеется.

— Отлично. Один раз ты уже сменила точку зрения. Давай расширим границы. Итак, девушка, приятная и общительная, пару лет назад отравила свою мать ради неплохой маминой квартирки. Мужчина же был братом означенной матери, который не сумел доказать вину племянницы законными средствами, и решил отомстить сам за горячо любимую сестру. При этих условиях — девушка остается добром, а мужчина злом?

— Мне не нравятся правила. Стоит мне согласиться с твоими доводами и изменить мнение, ты приплетешь новые факты, и так до бесконечности.

— В этом и кроется урок. Только мысля масштабно, зная

достоверно все движущие силы и причины, а также всю цепь возможных последствий, можно пытаться судить. Но и тогда найдутся аргументы в пользу каждой из сторон. Нет, не было и не будет ни одного деяния света, не носившего бы оттиск лапы зверя тьмы, и ни единого действия тьмы, хоть в чем-либо не послужившего на благо свету.

Я лежала на полу, размышляя о превратностях судьбы, чтобы хоть как-то отогнать подкрадывающееся на мягких лапках чувство безысходности. Все же не каждый день узнаешь, что тобой, как куколкой на веревочках, долго и успешно играли все, кому только не лень. Я пыталась убедить себя, что в конечном счете никто не желал мне зла, и даже почти убедила, вот только разбитое вдребезги сердце вопиет об обратном…

К черту! Нет, ко всем чертям, размусоливать и сетовать на жестокое обращение с животными прекращаем немедля. Валяться, покрываясь слоем пыли, непродуктивно и отдает трусостью. Пора!

Ударила кулаком об пол. Резко. Больно. Но оно и к лучшему. Пока затихал отзвук удара — перенастроила зрение. Пульсация боли в кисти дополнительно обостряла чувства.

Густой синий поток был совсем рядом, его темная краса притягивала и страшила. Резало глаза — два блестючих кусочка льда, они привыкли к Свету, им эта синь чужда.

Вытягивая руку (ту самую, в ней еще не стихли отголоски боли), кончиками пальцев касаюсь потока. Конечно, так его не ощутить, не пощупать… Пальцы мгновенно заледенели. Начала осторожно тянуть.

Рука онемела по локоть, по плечо, паралич постепенно завоевывал все тело. Слабость.

Я потянула сильнее. Вся — застывшая статуя, распластанная по ровной поверхности пола. Даже веки обездвижены, глаза болезненно сухи. Слабость все сильнее, пошатываясь, плыл потолок. Организм тщательно старался отключиться…

Еще сильнее. Против воли началась паника, то, что я сейчас делала — вполне могло меня убить. Сердце не выдержит нагрузки, полопаются кровеносные сосуды, питающие мозг… Нельзя так рисковать, нельзя…

Может показаться, что от безвыходности мне приспичило покончить с бренным существованием — способ ничем не хуже перегрызания вен и попыток удушиться бельем — но уж нет, не дождутся. Я могла б и не испытывать судьбу, но тогда пришлось бы изо дня в день подвергать себя однообразным пыткам. А мне

осточертело бояться.

Сильнее. В ушах — звон, как на стройке. Кажется, размягчались в желе кости. Еще, это не предел! Начался жар, и с ним — горячечный бред. Мерещилось невероятных масштабов поле, до горизонта сплошь усыпанное костями. Кости имели все шансы оказаться человеческими.

Порвала видение, оно рассыпалось оранжевыми осколками. Еще!

Больше я уже ничего не чувствовала. Вот она, мифическая нирвана! Еще. Последний раз. Нечеловеческими усилиями опустила веки.

Все.

Сквозь кожу век я продолжала видеть комнатку. Потока больше не было. Вокруг меня медленно падали бархатные иссиня-черные цветы.

— Свершилось! — голос призрака исполнен торжества.

— М-м?..

Здесь, над ущельем, я не ощущаю изменений в себе. Беспамятство утянуло меня в свои алчущие глубины, не позволив насладиться мощью — возможно, преждевременной. Посему я радуюсь сну.

Мое невнятное мычание он оставляет без внимания, и приходится уточнить.

— Что свершилось?

— Чудо, что же еще?

Хмурюсь, ища издевку в его ответе. Не нахожу, и это настораживает.

— Нельзя подняться на небо и нельзя ступней и пальцем измерить землю[17], - высказывает дух.

Развожу руками в знак непонимания. Стилистика фразы намекает на принадлежность оной к изречениям философов Востока, но мне, похоже, ее смысла не разгадать.

— Хватит говорить загадками, у меня был напряженный день.

— Чтобы понять добро и зло, свет и тьму, необходимо их коснуться, теории либо теургии не помогут раскрыть суть этих противоборствующих и переплетающихся сил. Теперь ты получила основу для счислений.

Право, я ощущаю себя полной дурой с ним рядом. Вся эта заумь, утомляющая меня, очевидно, несет в себе глубокий смысл, но от раскрытия его я зачастую дальше, чем стрекоза от ядра галактики.

И самое обидное, что призрак преспокойнейше читает мои

мысли, и непонимание мое для него не тайна.

— Ты поймешь. Позднее. Избито звучит, но так будет. Эта встреча — последняя, а несказанного много, потому — запоминай.

— Последняя?.. Почему? — я поистине озадачена. Я к нему… привыкла.

— Так было предначертано. Как только ты ступишь на путь Тени, дальнейшее перестанет требовать моего вмешательства, более того, оно может помешать тебе.

— И ты подталкивал меня… Предложение Силы, предсказание Дайр'Коонов… Тень укроет лик ее — ты это имел ввиду, когда воскликнул: «Свершилось!» — верно?

— Ты лишь в начале пути. Наступит день, когда и эта часть предсказания исполнится. Но время — пыль, и наше разлетается по ветру. Если у тебя есть вопросы ко мне, задавай. Иной возможности не будет.

Я ощутила вдруг, как приливная волна событий, несшая меня вопреки моей воле, разбивает меня о борт проходящего судна. И — пеной морскою — я растекаюсь навстречу своей судьбе.

Только б не забыть, что «Русалочка» — грустная сказка…

— Однажды ты говорил о людях, ищущих власти, могущества и богатства, и что мало кто ищет знания. Мне еще тогда хотелось спросить, неужели никто не просил любви или счастья?

— Очень точно: любви ИЛИ счастья.

Короткий, немного грустный смешок слышится из-под капюшона.

— Оговорка. Не придирайся, пожалуйста.

— Я лишь подметил правильность формулировки, любовь и долговременное счастье, увы, несовместимы. О тех же, кто их ищет — не утверждаю, что таковых нет, но мне они не снились.

Киваю. А если и снились, то перспективы власти или денег перевешивали эфемерное счастье.

— Ты становишься все циничнее, — замечает призрак.

Моя очередь грустно усмехаться.

— Позволишь еще вопрос?

— Да.

— Криоги знают о Дайр'Коонах? О том, что они есть на самом деле?

— Уверяю тебя, нет. В столкновении криогов и людей симпатии Дайр'Коонов на стороне человечества, однако они против уничтожения Оплота Кри, как расы. Они во всем стремятся к равновесию. Но могу тебе сообщить, что ты не первая узнаешь природу Дайр'Коонов. До тебя было еще двое.

— Кто?

— Один — живущий поныне маг, другой был Императором.

Его имя почти срывается с моих губ, ведь я знаю, что Брендон общался с навязчивым демоном, но застревает в горле. Прошедшее время… История Империи не знала случая, чтобы ее властитель оставлял пост раньше смерти. Раз Император был, значит, он мертв. Только не Брендон…

— Им был Гектор Атир.

Порыв ветра совпадает с моим вздохом облегчения. Сэр Гектор, объединивший человечество, победивший криогов в прошлой войне, знал о Дайр'Коонах. И он же отдал приказ уничтожить Землю. Как могли допустить такое Дайр'Кооны?!

— Гектор противился. Он роптал всей душой против разрушения пра-родины людей, даже зная, что это убережет миллиарды его сограждан на живых планетах. Он не соглашался, пока Дайр'Кооны не приказали ему.

Мне кажется, что одна из скал рухнула на меня. Разве может быть правдой, что…

— КАК?!

— Технически, я не знаю подробностей. Они предпочли скрыть их по соображениям морали.

— Но зачем?

— Прибавишь толику эмоций, и твой сон прервется, а мне многое хотелось бы тебе передать. Землю до?лжно было разрушить, дабы появилась ты, Дочь Боли.

Я опускаюсь прямо на камни. Спокойствие, только спокойствие… Испытать шок от услышанного можно и нужно позднее, сейчас нельзя выпадать из сна…

— Итак, пока ты здесь. Нападение криогов на Империю начнется раньше намеченного срока, и первый удар придется на Македонию.

— Ох… Это я спровоцировала их…

— Речь о визите в туманность Тарантул? Не вини себя, там сошлось много факторов. В любом случае, не будь тебя и твоих действий, Империя и не догадывалась бы о самой возможности нападения Оплота Кри.

— И все же…

— Сгоревшие в костре дрова не распустят листьев по весне.

— Мои слова.

— Уже мои, — в тумане, заменяющем лицо, чудится улыбка.

— Ладно. Оставь себе.

— Благодарю. Еще пара известий. Первое: с транспортника, летевшего к Бетельгейзе, совершил побег один из заключенных. Не без помощи, разумеется. Конкретнее, сбежал осужденный Гейзел, лишенный титула Лорда и должности проконсула

Македонии.

— Хм. Ничего другого от этого навозного жука и не стоило ожидать, жаль, не пристрелила его на Совете. Побоялась забрызгать кровью прелестные гобелены. Его побег и резкая активность криогов как-либо связаны?

— То, что находится внизу, подобно находящемуся наверху и обратно, то, что находится наверху, подобно находящемуся внизу, ради выполнения чуда единства[18].

Последняя струна арфы моего терпения лопается, морщусь от визжащего эха в ушах.

— Хватит с меня твоих маразматических откровений!

— Это — Изумрудная Скрижаль. Стыдно с твоим образованием не знать таких памятников, и их толкований. Запомни: все, что случается в этом лучшем из миров, имеет связь. Хотя оккультисты дают кардинально иную трактовку, тебе достаточно знать мое представление.

Смиряюсь, не переставая скрежетать зубами, но истерика откладывается до лучших времен, как и посыпание головы пеплом.

Видение начинает дрожать.

— Я просыпаюсь, — констатирую предельно лаконично.

— Вижу. Последнее: прежде, чем направиться к людям и разрезать грейпфрут, посети Дайр'Коонов. Они сумеют направить тебя по наилучшему пути, хотя бы на первых порах.

Не представляю, как добраться до другой планеты с атмосферой, богатой сероводородом, не на спутнике же, он для космических перелетов не предназначен, но о таких нюансах можно и наяву поразмыслить…

— У тебя есть Тень, не забывай.

Призрак бледнеет. А ведь я не сказала ему самого важного…

— Спасибо! Я еще увижу тебя? — спрашивая, сознаю: этому не бывать.

— Наверняка.

Туман под капюшоном складывается в улыбку. На этот раз — точно.

Видение выцветает на глазах, блекнет даже черный плащ демона, зовущего себя Предначертанием.

— Прощай, — произношу я, не чувствуя губ. — И спасибо за все.

Он кивает, принимая благодарность, насколько я могу судить в ускользающем образе.

— Прощай, дочка.

Света нет. Его придумали наивные человечишки, никогда не ведавшие единения с мерцающей синью. Есть лишь мутноватый полумрак, приятно трущийся к коже.

Что-то кошачье кроется в нем.

Поток уничтожен. И вместе с тем — он здесь. Теперь я — поток.

Первое желание: разнести тюрьму-спутник вдребезги. Я усмехнулась. Легкие пути, как известно, легки лишь в силу своей объективной глупости. Тень направится иной дорогой, извилистой дорогой к солнцу.

«У тебя есть Тень», — в последние секунды ускользающего сна подсказал мне призрак. Тень, как способ вырваться из заключения, не ставя в известность наблюдающих за мною, способ неожиданный и доселе не применявшийся.

На Консуле I, в относительно спокойный период, предшествовавший инаугурации, я прочла несколько десятков увесистых фолиантов о магии и возможностях применения двух Сил: светлой и темной, перемежая чтение с уроками Тайли. Образно выражаясь, с практическими занятиями. Позднее и на «Страннике» я коротала время полета с трудами того же рода. Вот где мне пригодилось феноменальное скорочтение, не раз ставившее в тупик преподавателей, и несказанно помогавшее подготовится к экзамену за одну ночь, перед этим весь семестр не подозревая, какого цвета учебник и вся сопутствующая литература.

Ни в одной из проштудированных книг не упоминалось ничего, хотя бы отдаленно напоминающего фокус, что я задумала. Улыбка прочно обосновалась на моем исхудавшем лице.

Я дышала глубоко и неспешно, каждый вдох отзывался изумительным ощущением уверенности. Разница между этой Силой и той, что служила мне прежде, была заметна даже физически. Сердце стучало гулко, напористо, не было чувства полета, легкость птичьих крыльев не пронизывала пальцы, яркие искры не сверкали перед глазами, всего этого не знала слившаяся с полумраком душа. Но были — глубина чувств и мощь, разливающаяся по венам.

Уселась на жестком ложе. Свесив ноги, нащупала холодную плоскость пола. Творить, задействуя Силу тьмы, непросто, а в случае малейшей оплошности — чревато, потому я сосредоточилась, приводя себя в состояние, близкое к трансу.

Образ будущего творения высветился сам собой. Идея до такой степени привлекла меня, что я, не сдержавшись, захлопала в ладоши. И плевать, что это по-детски!

Соорудив хилое подобие кулачка, я легонько подула в углубление между большим и указательным пальцами. Очень скоро ладошку деликатно пощекотали, и я аккуратно разжала пальцы. Источником щекотки оказалась ворсистая желто-черная лапка, наряду с семью такими же конечностями переходящая в мохнатое черное тельце очаровательного паучка. Сам красавчик постепенно увеличивался в размерах, занимая уже все пространство ладони.

Я перестала вливать в него Силу, сочтя переданное достаточным, и невольно залюбовалась результатом своих усилий. Паучок заметил оказываемое ему внимание, и закрутился, демонстрируя себя с разных сторон, как опытный и популярный манекенщик. Шелковистые касания изящных конечностей интимно ласкали кожу.

— Вот как можно не любить, а тем паче бояться пауков? Разве они не умилительны? — глубокомысленно изрекла я критику в адрес противников членистоногих, поглаживая брюшко полосатого творения. Паук явно млел от восторга. — Беги, малыш, — добавила я, слегка подталкивая пушистого. Ласки ласками, а пауку еще предстоит долгий, кропотливый труд.

Мой маленький союзник спрыгнул с руки на край постели, а затем с ложа на пол. Дважды оббежав мои стопы, он остановился с той стороны, в которую уходила моя угловатая тень.

Почти невесомые желто-черные лапки неожиданно громко затопали на одном месте, и арахноид принялся за работу. Он начал ткать паутину.

Надрывно и торжественно выводили скрипки мелодию «Серебра» в его акустической версии, даруя желание соскочить с места и зайтись в ликующей пляске. Музыка звучит, однако, не из приемника, невесть откуда взявшегося на спутнике — неоткуда ему браться — и даже не в ушах, а прямо из памяти, из беспечных и радостных дней.

Я не вернусь,
Так говорил когда-то
И туман,
Глотал мои слова,
И превращал их в воду[19]…

Перелистнув обратно страничку воспоминаний, всплыл клубящийся туман из угрюмого ущелья, из-под капюшона призрака, назвавшего меня дочкой… Настойчивей заплакали

скрипки.

Мой взгляд скользил по кособоким буковкам лежащей на коленях рукописи. По строкам, несущим в себе пережитые чувства… Нижние страницы пусты, им только предстоит впитать в себя отголоски страстей и событий.

Чарующая мелодия мягко увлекала меня в мир сладких грез, столь далекий от неприглядной реальности, и я позволила себе поддаться элегическому порыву. Никаких планов, никаких раздумий — одна незамутненная музыка.

Наверное, я ненадолго задремала, а звенящая метель из радости и скрипок замела следы в серый мирок. Очнулась внезапно, от острого, но приятного импульса паучка. Для его работы требовалось, чтобы я оставалась в сознании.

— Спасибо, золотце, — прошептала я. — Это именно то, что было нужно. Больше никто не дрыхнет.

Я легонько зевнула и расправила плечи, разгоняя застоявшуюся кровь. Сейчас бы чашечку кофе со сливками, и чего-нибудь сладенького к нему, скажем, птичьего молока в шоколаде… От приземисто-бытовых мечтаний оторвал меня знакомый шорох. Ах да, я же не отложила рукопись, она так и осталась под рукой. И сейчас она выглядит… неестественно, хотя лист, загнутый поверх других, чист, как и до моей отключки…

Отделяя этот листок от стопки, поднесла к глазам — с моей близорукостью иначе нельзя. Аномальность прояснилась: в отличие от остальных гладких страниц, эта вся пошкрябана, как покрытие на сковороде после металлической щетки.

— Чем это я его? — спросила я, обращаясь к паучку.

Он оторвался от шелковой нити, пошевелил одной из ножек. Жаль, конечно, что я не могу наделить его даром речи, но, если вдуматься, выходить в свет с большим говорящим пауком даже для меня было бы чересчур эпатажно.

Я вгляделась повнимательнее в искореженную поверхность листа, сопоставила со знаком паука, и прозрела. Страница испещрена штрихами, нанесенными ногтем. Исходя из того, что в помещении, кроме меня и членистоногого, никого не было, следует вывод: черточки наносились моим ногтем.

Хм. Послание самой себе из подсознания? Воздействие извне на мою волю? Порча листа выглядела до безобразия странно, и побуждала к выяснению причин. Поколебавшись буквально мгновение, я подула на страничку, присоединяя к обычному дыханию частицу Силы.

Чуть различимые вдавленные штрихи поднялись, набрали ежевичного цвета и опустились на лист, образуя…. рисунок. Я охнула, едва не выпустила страницу из пальцев, спохватившись в

последний миг, что без контакта с моей кожей краска пропадет, и рисунок снова станет комбинацией невидимых штрихов, на этот раз без возможности их выцветить.

Рисунок… портрет… смотрел мимо меня глазами Брендона. Ничего не выражающими глазами.

Две глубокие морщины пролегли по высокому умному лбу, как и в тот последний день, когда я была рядом с ним. Щеки, кажется, чуть ввалились. Надо думать, не от плохого питания… Весь облик его излучал усталость, замешанную на грусти.

Печальнее всего пустые, безжизненные глаза. Глядящие, но не видящие.

Я вздрогнула. От листа ощутимо веяло холодом, как из промозглого склепа с давно разложившимися трупами. Живо представился Брендон, спящий беспробудным сном в гробу без крышки, накрытый куском дерюги, из-под которой виднеется обрубок руки хозяина склепа, решившей обогреться живым теплом.

Ком в горле пришлось сглотнуть.

Мне, юной, впечатлительной особе, подобные вещи представлять противопоказано. Слишком глубоко погружаюсь в представленное, вплоть до трупного запаха.

Проморгавшись до полного уничтожения образа, я выдохнула. Похоже, пока мое воображение баловалось с могильной атрибутикой, легкие решили бросить дышать. Однако, шутки в сторону, с Брендоном определенно что-то не так. Если не смотреть в неживые портретные глаза, кошмары не мерещатся, но ощущение безысходности так же пронизывает до самого нутра. Аритмично стучащее сердце не лжет — Брендон в беде.

— Узри ты его, и волнение и прочие человеческие эмоции захлестнули б тебя с головой, — повторила я вполголоса давешние слова призрака. — Все верно. Увидела. Эмоции — как пена из пивной бутылки.

Кидаться вырывать любимого из цепких когтистых лап фурий ада — идея не из разряда блестящих. Нет, родная, так дело не пойдет, прав был дух, утверждая, что ты не готова. Брендон — не мальчишка из подворотни, он Император, его защита — лучшая в пределах известной Вселенной, да и бросаться в львиную пасть, не имея отравленного дротика — удел храбрецов и самоубийц.

А у меня нет права на ошибку.

Мой писчий материал не горит. Если подразумевать обычный огонь… Вызывая витую свечу цвета слоновой кости, я очень старалась не плакать. Фиолетовый магический огонек жадно соскочил с фитиля на листок…

От него почти не осталось пепла. Ту же малость, что

ссыпалась на постель, я смахнула на пол, в противоположную от почти сплетенной паутины сторону…

Я не умею рисовать. Эта единственная мысль преследовала меня с момента сожжения портрета. Попроси меня изобразить домик на разлинованном листе простым карандашом, и в лучшем случае выйдет перекошенная неказистая сараюшка, денно и нощно мечтающая развалиться на запчасти. Уж промолчу про несчастные окошки и двери, изогнутые под невозможными углами, и давно съехавшую крышу. Крыша домишки съезжает ровно вслед за крышей пыхтящего от усердия, с позволения сказать, художника.

В школьную пору учителя, хватаясь за сердце и отводя взгляд от журнала, на ощупь выцарапывали напротив фамилии Калинина четверки по черчению и рисованию, после продолжительной беседы с директором, втолковывавшего им, что куриные лапки, данные мне природой, отнюдь не повод портить аттестат почти что отличницы. Хорошие ученики, как известно, являются плюсом к реноме образовательного заведения. Сохраняя равномерную перекошенность лиц, учителя соглашались с доводами, и настойчиво просили меня лишить их занятия своего присутствия. Надо заметить, долго упрашивать не приходилось.

Иными словами, в моем лице мир обрел абсолютную художественную бездарность. Но нацарапанный лик Брендона убеждал в обратном! Маловероятно, чтобы глубоко скрытый и надежно заколоченный талант проявился столь своевременно…

Вот уж где повод задуматься!

— Я назову тебя Ах, — тоном, не терпящим возражений, заявила я паучку. Выслушав мою реплику, паук не умер от эйфории и не утрудился симулировать восхищение. — Ты огорчен? Ну извини, ничего оригинальнее не придумалось.

Сказанное было чистейшей правдой, омытой родниковой водой искренности. Кроме предания о талантливой ткачиха Арахне, победившей саму Афину в соревновании по соответствующему профилю, в голову не пришло ничего подходящего. А так как Арахна — имя однозначно женское, и переделать его в мужское оказалось затруднительно, пришлось прибегнуть к сокращению.

Получившееся имечко лично мне нравилось, почти не отдавало плагиатом, и могло свидетельствовать о тонкой душевной организации называющего. Паук с именем Ах способен

вызвать милую, не обойденную пафосом, ассоциацию с томной дамочкой, изящно закатывающей глаза при виде членистоногого и аккуратно оседающей в глубокий обморок на что-нибудь мягкое. В идеале — на руки пылкого поклонника.

К слову о душевной организации, как раз настало время ей покинуть бренное тело. Сложные глаза Аха выразили нежелание впрыскивать в хозяйку яд.

— Оптимистичнее, друг мой. Из того, что умирает, может возродиться нечто лучшее. И вообще, темноокая девушка в белом — моя старинная приятельница, нам есть, о чем поболтать за заточкой косы.

Убеждая наивное существо, я поднесла ладонь к основанию паутины, где он восседал, как ястреб на скале над обрывом. Хорошо, однако, что полученной мной Силы было просто чудовищно много, и наложить вуаль одновзглядности на Аха, его паутину, витую свечу на ладони и даже на сгорающий портрет было легче легкого. Никто, кроме меня, не мог увидеть их, пока продолжалось действие вуали.

Ах за время моих размышлений вскарабкался на мою ладонь и теперь нежно касался конечностью запястья.

— Давай уже, зачем тебе иначе даны хелицеры? — подбодрила я нерешительного малыша.

Укуса я не почувствовала. Зато успела различить плывущим зрением, как Ах обернулся маленькой серебряной копией себя, и мои цепенеющие пальцы крепко сжали фигурку.

Затем по паутинной дороге вниз скользнула сиреневатая полупрозрачная тряпка-душа…

Тень своенравна. Она не лучшее вместилище для сознания и священной души, зато ей доступно много больше, чем хрупкому телу. Она не нуждается в воздухе, день и ночь для нее равнозначны, и воспринимаются как постоянный сумрак, перепады температуры или давления и вовсе остаются незамеченными. Тень может существовать в любой среде, хоть в жерле извергающегося вулкана, хоть в вакууме, хоть на дне океанской впадины, с равным успехом.

Сложность в том, чтобы заставить ее повиноваться. И добрые намерения — отнюдь не тот довод, которым можно добиться милости от нее.

Чтобы подчинить Тень, нужна ненависть. Непритворная, до остервенения, до скрежета зубов, разрывающих живую плоть.

Без боли — нет искупления. И всепожирающее пламя вырвалось из недр моей души, сжигая самое себя…

И тогда Тень покорилась, принимая меня.

Дорога Тени — один лишь долгий шаг. И я шагнула, прочь от своих мощей, от серебряной фигурки паукообразного, от убогости серых давящих стен.

Короткая вспышка, несколько мгновений абсолютной темноты, затем — разноцветный калейдоскоп.

Подо мной и надо мной — слои ватных облаков. Калейдоскоп же на поверку оказался телами величавых Дайр'Коонов, парящих рядом.

— Приветствую тебя, Дочь Земли, — раздался прямо в сознании уверенный голос.

— С прибытием, девушка-тень, — вторил ему другой.

Драконов пытались описать сотни, если не тысячи, раз, и ни одно из описаний не сподобилось доподлинно передать их облик. Как описать совершенство? Изящество линий, сияние чешуи, ошеломительные глаза — настоящие запруды, отражающие вспышки светил и водовороты тьмы…

Невозможно пересказать словами, что есть венец творения Вселенной.

Пока я пребывала в эмоциональном ступоре, они парили вокруг меня, едва шевеля крыльями, которые вовсе необязательны для их полета — летать Дайр'Кооны могут и на потоках Силы. Прекрасные, восхищающие, они различались окрасом и размерами. Обязательно однотонные, разных оттенков красного, темно-зеленого, почти переходящего в черный, несколько серо-стальных, и два разительно отличающиеся от всех остальных: снежно-белый и золотой, самых внушительных габаритов. Издали их вполне можно было принять за крылатые горы: одну — заснеженную от вершины до основания, другую — залитую предзакатным солнечным светом…

Чудом избегая столкновений с гигантскими собратьями, по немыслимым траекториям носилась пара резвых малышей, не крупнее пустелыги, нежно-голубой и густо-фиолетовый.

— Примите мое почтение, великие, — мысленно произнесла я. В том, что меня услышат, сомнений нет.

— Мы рады, что ты нашла короткую дорогу к нам, — услышала я уже знакомый голос. И снова за ним следовал второй.

— Мы готовились ждать дольше.

Кажется, со мной говорят только два Дайр'Коона, белый и золотой.

— Верно, девушка-тень. Мы — старейшие, и выражаем волю как тех наших соплеменников, что ты видишь, так и тех, что уже

ушли.

— Другие лишь внимают тебе, во избежание путаницы.

Гуманно. Предусмотрительно и заботливо.

— Тех, что ушли?..

Неясности следует прояснять сразу, без ложного страха показаться не-умной. Дайр'Кооны во сто крат мудрее меня, а мои знания о них скупы и непоследовательны.

— Мы сообщаемся друг с другом. Когда для любого из нас наступает время уходить, он передает другим свои знания и все, что он видел.

— Таким образом ушедшие живут в нас. Их опыт, переживания. Срок нашей жизни велик, но не безграничен.

Действительно, мы и они — это люди и пуговицы. Мудрость, помноженная на опыт, возведенный в степень вечности, целиком передающиеся собратьям, гораздо эффективнее книг, которые еще и не каждый станет читать. Неудивительно, что Дайр'Кооны не общаются с людьми. О чем могут толковать волхвы и бабочки-однодневки?

— Не торопись с выводами. Чем короче жизненный путь, тем он ярче.

— Ваша история хранит людей, которые по праву могли бы считаться Дайр'Коонами.

Великие философы, поэты, ученые, исследователи, изобретатели… Конечно, все так, но уже их прямые потомки были самыми обыкновенными людьми… Хотя стоит ли сравнивать? Мы просто слишком разные, у нас нет точек соприкосновения, у глубоко материального мира людей: наши постройки, оружие, одежда, сиюминутные ценности; и у абсолютно духовного мира Дайр'Коонов. Им чужды блага цивилизации, ничто мирское не волнует их, важны лишь мысль и мудрость. Глаза, видевшие рождение звезд, блеск бриллиантов не прельстит.

— Жаль, что ты не одна из нас. Мы хотели бы внимать тебе вечно.

— Но это возможно, только когда ты рядом, ведь ты не связана с нами по крови.

Я спохватилась. Невежливо вот так уходить в дебри размышлений, когда в твои мысли вслушиваются!

— Нет-нет, девушка-тень, твои мысли прекрасны, как глоток свежего воздуха.

— Мы должны благодарить тебя, Дочь Земли.

— Призрак, зовущий себя Предначертанием, утверждал, что вы сторонитесь общения даже с ним, не говоря уже об остальных людях, — я старалась как можно четче формулировать мысль.

— Обычно так и есть. Но ты напоминаешь нам юного

Дайр'Коона, или же малого. Они живут значительно меньше, но активнее.

Маленький бирюзовый истребитель в подтверждение пронесся перед носом золотого, никак не отреагировавшего на выпад дерзкой осы.

— В сущности, малых во многом можно сопоставить с людьми. Они не менее беспокойны. Но ты скорее юный Дайр'Коон, так ярки твои мысли.

— Однажды нас уже посещал человек с душой Дайр'Коона. Мы не звали его, как тебя, он пришел сам, и сам же достиг понимания нашей природы.

— Как и ты, он оперировал с обеими Силами, но по прожитым годам ровнялся молодому Дайр'Коону.

— Он прибыл так же, с помощью Тени?

— Нет, но он был защищен. Среда нашего обитания не самое подходящее для человека место.

— Он пробыл у нас немало, потому как понравился малым, и они подпитывали его защиту.

Озарение снизошло ко мне: бирюзовый малыш явно имел отношение к светлым потокам, а его фиолетовый собрат — к темным.

Фиолетовый закружил вокруг меня, задорно показывая длинный язычок.

— Как его звали? Человека, что был тут до меня?

— Мы не запоминаем людские имена, они для нас не несут смысла. Тому же, кто заслуживает нашего внимания, мы даем имя, отличающее его от других людей.

— Скорее не имя, а признак. Так ты для нас Дочь Земли, единственная из живущих, рожденная на погибшей планете. Того, что был здесь до тебя, мы звали Глядящий-сквозь-Время. Иногда его взор проникал в грядущее, и он мог разобрать узор вероятностей, из которых и состоит будущее.

— На погибшей планете?.. Не вы разве приказали ее уничтожить?

— Погибла она по вине людей. Вы выжгли все живое, и отравили саму ее сердцевину. Земля никогда не вернулась бы к прежнему обличью. Вы ведь сжигаете своих мертвецов? Так и мы, отдавая неприятный для нас приказ, только кремировали труп.

— Для нас решение не было легким. Старейшие из нас — а нас осталось лишь двое, но тогда было вшестеро больше — прожили на Земле долго, очень долго. Дайр'Кооны жили там задолго до появления человека. Но для того, чтобы из узора выплелась нужная нить, останки Земли пришлось распылить. Так решили мы, видевшие рассвет чудесной планеты, и почти все из

нас ушли, не перенеся тяжести воспоминаний. Приказ наш мы оплатили сполна.

— Значит, Земля была и вашей родиной?

— Нет, девушка-тень. В начале своей жизни нам нравится путешествовать, как и людям. Наш дом здесь, у Капеллы, как вы называете эту звезду. Земля была восхитительна без людей, и многие Дайр'Кооны выбрали ее своим вторым домом.

— Мы покинули ее, когда вы начали строить свои первые города. Нам было тяжело, но старейшие — не мы, другие, мы тогда были молоды — решили, что наше присутствие на Земле повлияет на новую расу. Мы оставили Землю вам, и старались не вмешиваться в ваше развитие.

Вот где истоки многочисленных преданий о драконах, особенно распространенных у ранних культур. В каждой сказке есть ломтик правды…

Все события — это песчинки в огромных песочных часах вечности. Их много, не счесть, и каждый раз они ссыпаются по-разному, перемешиваясь, создавая немыслимые коллизии, делая невозможное вчера — обыденным послезавтра. Когда пересыпается весь песок, вечность перемещает два стеклянных конуса, заставляя песчинки сыпаться новыми волнами, где-то повторяя прежние, где-то комбинируя что-то совсем небывалое. Но при всем многообразии, количество песчинок ограничено, и рано или поздно песок пересыплется так же, как и за тысячи лет до того, и тогда Уроборос закусит свой хвост.

Дракон и человек встречались на заре цивилизации. А теперь я встречаюсь с Дайр'Коонами. Может, песчинок не так уж и много в песочных часах вечности?..

— Сейчас самое время замкнуть меньший круг, Дочь Земли. Одна из нитей прошедших событий вела к твоей гибели, но мы ее отсекли и заменили правильной нитью, направившей тебя к Предначертанию и к нам — через заточение.

— Соединить нить должна ты, шагнув, как сейчас сквозь пространство, через время. Если не сделать этого, правильная нить прервется, что с большой вероятностью повлечет твою смерть.

— Но я не умею обращаться со временем, мне неоткуда взять знания о нем! А если бы и умела, как я пойму, куда — когда? — мне следует попасть?

— Существует человек, который подскажет тебе лучше нас, как подчинить временной поток.

— Относительно нужного момента не беспокойся, тебе помогут. Однако шаг должна сделать ты сама.

Призрак говорил: «Они сумеют направить тебя по

наилучшему пути», — значит, идти мне в прошлое. Направо пойдешь… Окольные пути выбирают для меня Дайр'Кооны и дух, назвавший меня дочкой…

— Предначертание — множественная личность. В некотором роде устройство его памяти можно соотнести с нашим.

— Составляющие его личности подобраны из отживших людей по признакам гуманности и решимости. В их числе мог быть и твой отец. А мог и не быть, слияние с предначертанием стирает большую часть воспоминаний, остаются только служащие усовершенствованию этого конгломератного создания.

— Кто производит отбор?

— Некорректно. Отбирает их место, оно же питает предначертание Силой и раскрывает некоторые нити вероятностей.

— Он же является стражем места, поддерживающего его существование. Там проходит последняя граница между порядком и хаосом.

А теперь — самый главный вопрос. Тот, что терзает страшней раскаленных щипцов…

— Глава Империи людей… Брендон Атир. Можете ли вы сказать, что с ним? Мне кажется, он в беде…

— Мы знаем о том, кто так значителен в твоем пути. Он принял проклятие из рук того, кому доверяет. Оно было жидким. Тот, кто принес его, действовал не из ненависти, но из любви.

— Он жив, но смерть повелевает им. Кровь его движется, но тело его холодно и бело. Глаза его открыты, но ничего не видят.

— Ему можно помочь?

— Задай этот вопрос себе, когда узнаешь источник проклятия.

— Если цена не покажется тебе непомерной, ты сможешь его снять.

Пожалуй, разобраться в происходящем проще, раскладывая пасьянс, чем пытаться получить точный и доходчивый ответ от Дайр'Коонов. Любая оплата за спасение Брендона будет приемлемой, иначе и быть не может. Потребуется стереть галактику — можете начинать удалять упоминания о ней в атласах, надо будет отрезать руку — сама посильно помогу при ампутации.

— Настолько глобальных мер не потребуется.

— Твоя искренняя решимость достойна восхищения, Дочь Земли.

Чувствую, как сознание начинает растворяться в манящем дымчатом сумраке.

— Благодарю вас, Старейшие, мне пора уходить, иначе есть

риск не вернуться из Тени.

— Верно, девушка-тень. Но мы не можем так отпустить тебя.

— С тобой отправится хранитель. Он уверился, что нашел в тебе родственную душу, и теперь будет следовать за тобой неотступно. Прощай, Дочь Земли.

Аудиенция закончилась. Мою Тень буквально швырнули обратно к телу, и я была только рада такой срочной доставке. Вид родненького тельца принес сладкие мечтания о долгом полноценном сне, желательно, без кошмаров и пророчеств.

Вернуться назад, не потеряв Тень, и не лишиться рассудка, можно только с помощью любви, чувства, бесконечно далекого от ненависти, и вместе с тем уже на следующем витке спирали они идут рука об руку. Любовь, безусловно, тоже должна быть истинной.

Обратное слияние прошло легко, по обоюдному согласию, и, ощутив мое возвращение, Ах из серебряной игрушки стал нормальным пауком. Действие яда прекратилось. И только тут я обратила внимание, что полку моего зоопарка прибыло.

— Зови меня Фтэрх, — раздался в голове лукавый голосок. Темно-фиолетовый Дайр'Коон с некрупного голубя — только что крылья посолиднее — завис прямо над Ахом.

Мда, для полноты зверинца, выражающего многогранность моей натуры, не хватает еще пары животных. В дополнение к арахноиду Аху нужны: ехидна Эх, олицетворяющая одноименное с названием семейства свойство характера, и блоха Ох. Зачем блоха? А она тоже маленькая и вредная.

В сторону лирику и зоологию, пора почивать.

— Так. Паука не есть, меня не будить, огнем не плеваться. Ах, ты тоже с ним не дерись, меня не кусай, его, впрочем, тоже. Я сплю, меня не кантовать.

Динамики выключились.

Если какие-либо мятежные видения и стремились посетить мой измученный разум, то неизбежно натыкались на непреодолимую стену усталости. Вследствие чего выспалась я просто-таки роскошно.

Вопреки опасениям моим, вся живность пребывала в здравии и вела себя вполне прилично. Дайр'Коон и паук сидели на полу, не спуская друг с друга глаз, но агрессии не проявляли.

— Чудненько, все даже живы, — изрекла я, сладко потягиваясь. — Молодцы, дети мои, продолжайте в том же духе,

мама вами довольна.

Парочка немедля оторвалась от созерцательного процесса, и кинулась оказывать мне знаки внимания: Фтэрх поднялся в воздух, Ах начал поспешно карабкаться на постель.

— Ну ты и поспать, — заявил нахальный драконенок.

С целью облегчить труд ближнему, и обеспечить себе маневренность, я подхватила паука и усадила на плечо.

— Привыкай. Поспать я люблю и жутко бешусь, если мне мешают во время столь приятного занятия.

Я зашагала к охладителю. Есть мне нравится едва ли меньше, чем спать, хоть я и предпочитаю более разнообразную и вкусную пищу. Но за отсутствием выбора и пюре из тюбика, напоминающее о дыне и цитрусовых, сойдет за деликатес.

— Кстати, Фтэрх, чем ты питаешься? Меня настораживают взгляды, которыми ты награждаешь моего членистоногого.

— Не стоит тревожиться, Эшти. Его вид лишь наводит меня на воспоминания о похожем творении из чистой темной Силы. Создатель его был мастером. А питаюсь я по большей части Силой, думаю, не надо пояснять, какой.

Я не вникала более в речь Дайр'Коона. В сердце зашевелился крохотный осколок льда.

Эшти.

С иреа — Тень. Чувства не лгут: под именем Эшти мне и предстоит войти в историю Империи.

Нильда. Женщина с некогда каштановой шевелюрой и удивительным даром перемещения. Она — тот самый единственный человек, способный научить меня проходить сквозь время. Дайр'Коонам ведомо несравнимо больше, чем любому из людей, и к предупреждениям их стоит относиться с максимальной серьезностью. Значит, навестим Нильду.

Отчего-то я пребывала в убеждении, что на «Страннике» ее нет. Монолитная плита с вырезанной рамкой отразила по моей просьбе двоих из постоянного экипажа звездолета, и оба были показаны вне корабля. Наверняка и Нильду следует искать в ином месте.

Ее местонахождение, неизвестное мне, не составляет, в целом, особой проблемы, так как я четко представляю «предмет поиска». Сама Нильда и выступит своеобразным маячком. Проблема в другом. Нильда — не маг в широком смысле этого слова, ее талант узко направлен, специализирован, а в остальном она обычный человек, едва ли умеющий выколдовать огонек или иллюзию бабочки. Тень ей попросту не увидеть, это доступно

лишь изначальным созданиям Сил, как Дайр'Кооны, либо магам класса Творец. Скажем, Флинер углядел бы Тень без малейшего напряжения.

Стоп.

Флинер.

Он-то мне и нужен! Не факт, что он до сих пор пребывает в толще то ли стекла, то ли льда, но направлюсь я определенно на кобальтовое побережье, о которое разбиваются волны из розового глянца. Никогда вживую не видела такой исключительной красоты.

— Ах, мне снова нужна паутина, — зашептала я паучку. Импульс глубокой печали в ответ. — Да-да, и кусать меня тоже придется! Но ведь я возвращаюсь, стало быть, нету повода грустить.

— Эшти? — позвал меня Фтэрх.

— М-м?..

— Правильно ли я понимаю, у нас скоро начнутся приключения?

Я уселась на ложе, отправляя паука трудиться. Приподняла брови, задумалась на минутку.

— Хотелось бы мне, чтобы ты ошибся… Увы, такого везения ожидать не приходится.

Самые сложные деяния сложны лишь впервые. Повторять их уже значительно проще. Пока Ах сплетал дорогу из шелковых нитей, а Фтэрх нетерпеливо носился по помещению, врезаясь в стены, я тихонько мурлыкала под нос все, что припомнилось из репертуара «Арии». Фальшивила, разумеется, безбожно.

Ах закончил паутину, когда я по третьему кругу завывала: «Я свободен — с диким ветром наравне[20]»… Паук покорно укусил подставленное запястье, и вновь обернулся куском благородного металла. Дальше все пошло по накатанной: скольжение сиреневой дымки по шелку в обрыв, холод, Тень, далекий шаг.

Хех, «Аптека, улица, фонарь[21]»…

…На небе только и разговоров, что о море[22]…

…Божественно. Сегодня волны цвета карамели с легким розоватым отливом. От вод исходит мягкий свет, одухотворенный и фантастический. Берег поблескивает некрупной галькой, сверкая вкраплениями кварца.

Солнца не видно, мерещится, будто освещает округу именно море, поющее песнь вечности. Небо кажется отлитым из хрусталя, безупречно ровного, без единой трещинки или пятнышка облака…

Я прониклась. Не важно, как обернется колесо фортуны, но я обязана побывать в этом мире целиком, без ограничений, накладываемых обликом Тени.

— Эшти, он здесь.

Фтэрх кружил над водами, то и дело цепляя крылом верхушки волн, и теперь разбрасывал во все стороны блики от морских брызг.

Речь явно о Флинере.

— Как, интересно, я буду его доставать?.. — задумчиво вопросила я не то, чтобы Фтэрха, скорее, тихо сама себя.

— А я на что?

Удивил. Что может сделать крошка-дракон с морской гладью?

Фтэрх выдохнул. Не огнем, а потоком чистой Силы. Волны расступились, словно на их пути выросла невидимая преграда. На дне показался силуэт мага, закованного в синь.

— А вот тут придется потрудиться, — чуть озабоченно подметил Дайр'Коон.

Он облетел глыбу вокруг, будто примеряясь. Затем начал аккуратными струями пламени обжигать ее с разных сторон. Круг — струя огня, каждый раз в новом участке.

Вскоре появилась первая трещина. Еще серия вспышек — и вся закопченная поверхность глыбы пошла сетью жирных трещин, похожих на рваные раны.

— Позови его. Он узнает тебя, и сам разрушит остатки щита. Я расшатал его защиту, но дальше жечь опасаюсь, могу и его задеть.

— Флинер! — послушно окликнула я. — Это я, Ирина. Хватит расслабляться, ты мне нужен.

— И вправду ты, милая. Я уж заждался.

Сине-черные, прихваченные гарью, осколки брызнули ввысь, едва не зацепив Фтэрха, ровно за миг отлетевшего в сторону.

Видеть разминающегося Флинера не в стандартном костюме, а в светлых брюках и рубашке в тон, было донельзя непривычно.

— Может, теперь ты объяснишь, какого черта ты тут делаешь?

— На Ациле? Живу. Правда, давненько не случалось заглянуть, но здесь мой дом. Оп-па! Кого я вижу! — Флинер узрел моего дракона, решившего обратить на себя внимание.

— Фтэрх! В присутствии людей тебе стоит вспоминать о невидимости, иначе мы рискуем производить фурор при каждом появлении!

— Эшти, я не так мудр, как мои большие собратья, но и не туп, как ящерица. В присутствии людей — несомненно, но Глядящий-сквозь-Время Дайр'Коон духом.

— Сдается мне, я снова меньше всех информирована…

— Эшти… Мне нравится, — Флинер улыбнулся. — Можно, я тоже буду звать тебя так?

— Да делайте вы, что хотите! — справедливо возмутилась я.

— Не искушай меня, милая…

— Ну, с Тенью ничего особо не сделаешь, хоть из пушки стреляй, — я мысленно махнула отсутствующей у Тени рукой.

— Я так понимаю, паука тоже можно съесть? Если очень хочется, — вставил маленький нахал.

— Цыц, пока самого на бульон не пустила. Фтэрх, будь ласка, дай нам с Флинером поговорить. Я понимаю, что тебе неймется, и вы тоже знакомы, но наш разговор очень важен.

Фтэрх демонстративно отлетел подальше и уселся на берегу, повернувшись ко мне хвостом. Обидчивый, надо же!

— А мне они не дали хранителя… Тебе повезло.

— Да уж, — буркнула я. Потом вспомнила, как дракон освободил Флинера, и поняла, что не так уж и не прав вызволенный маг.

— Кстати, не знал, что у тебя есть паук. Ты сегодня просто кладезь сюрпризов.

— Его и не было. Завела на днях, и у него масса положительных качеств, например, отличный яд и молчаливость. Но заседание общества любителей животных состоится не сегодня, потому ближе к делу. Почему ты не на «Страннике», и что это за гадость была вокруг тебя?

Флинер посерьезнел. В вечно юных глазах цвета осени, видевших столетия, мелькнуло сожаление вперемешку с озабоченностью. Со времен Дита я научилась неплохо разбираться в его настроениях.

— Команду «Странника» распустили, сам корабль направили в карантин, дезактивировали Ану. Кетлер и Тиор под арестом. Остальной экипаж разослали по родным мирам, с лишением званий и возможности поступить на другой звездолет в имперском флоте. Приказ Леди Ивер, с печатью Императора.

— Рэйна! Вот ведь су… самозванка! Флинер, я сомневаюсь, что Император сам поставил печать под приказом, скорее всего, он уже находился под действием проклятия.

— Знаю, — кивнул маг. — Сейчас замещает временно недееспособного — как тебе формулировочка? — Императора Малый Совет под руководством Сэра Ивенса. Но до того, как он долетел с Вельзевула, Леди Ивер успела поруководить.

Значит, сейчас все в руках Ивенса-Атира и Малого Имперского Совета, который я в свое время успешно проредила… Что ж, любой вариант лучше Рэйны. Интересно, как она избежала

встречи с Брендоном? Ох, нельзя было его оставлять, стоило мне улететь с Консула, как с ним случилось несчастье…Дайте мне только добраться до виновников, мало не покажется! Прислуге, которой придется сметать пепел.

— С Рэйной надо что-то делать. Вот только что? — я снова задумалась.

— Как что? У меня дома хранится обширная коллекция ядов. Змее такой финал впору.

— Я не в курсе, о ком речь, но заботу о ней могу взять на себя, — оживился недолго промолчавший Фтэрх. — Обещаю, она потом будет неплохо выглядеть. В гробу.

— Так, мальчики, спустите паруса. Никто никого не убивает, по крайней мере, пока. А ты, Фтэрх, стыдись, где ты вообще набрался таких выражений?

— Очевидно же, от тебя, Эшти. И я еще только учусь!

Пока мы общались, от хрустального свода отделился солнечный ободок, налился сочным карминным светом и начал крениться к волнам. Изумительно море тоже потемнело, все больше приближаясь к однажды виденному мной розовому глянцу.

Потрясающее место. Абсолютно исключительное.

— Флинер, напомни, как называется этот рай?

— Ацила. Неужели не слышала? У нас лучшие виноградники в Империи, благодаря мягкому климату и питательной почве, виноград тут вызревает круглый год. Все знаменитые вина производятся на Ациле.

— Знаешь, я как-то не привыкла разглядывать этикетки на бутылках. В современных винах я не знаток, потому обычно доверяюсь вкусу того, кто наполняет бокалы. Но здесь невероятно красиво, просто слов не хватает, чтобы выразить…

— Я знал, что ты полюбишь это место, — самодовольно и чуть мечтательно заулыбался маг.

— Еще бы, — согласилась я (к чему спорить с очевидным?). — Но мы не закончили. На каком основании арестовали Тиора и его помощника?

— Капитан отказался покинуть корабль без приказа самого Императора, — Флинер нахмурился, сведя брови в одну линию. Что-то подсказало мне, что не стоит встречаться в ближайшее время с моим добрым другом любому из участников ареста. — У Тиора с Сэром Брендоном давняя дружба, и он не поверил, что за фиктивным документом от Рэйны мог стоять его друг. Кетлер поддержал капитана, вот и вся история.

— Мда… Хорошо, хоть стрелять в них не начали за неповиновение, от Рэйны и ее приспешников всего можно ожидать. Они до сих пор в заточении?

Известия безрадостные… Понимаю, я не угодила Рэйне, но ребята-то пострадали ни за что…

— Не могу сказать. Видишь ли, я некоторое время назад выпал из цепи событий.

— Да! — всполошилась я. Таки мыслительные способности мои, и прежде не блистательные, за время заточения вовсе пришли в негодность. — Здорово, что напомнил. Ты так и не рассказал, как дошел до жизни такой, и почему я тебя обнаружила в несколько стесненных обстоятельствах?

— На меня напали, — Флинер рассеянно пожал плечами.

— Кто?!

Нет, в сам факт нападения поверить нетрудно, у всех ведь имеются враги, и, если учесть немалый срок пребывания желтоглазого мага на этом свете, врагов у него может быть легион, а вернуть застарелую злобу с процентами — это ж святое дело. Но мне крайне смутно представляется противник, которого столь сильный и мнооопытный маг не сумел бы одолеть. Скажем, я бы не рискнула бросить вызов Флинеру, человеку, которого признают за своего Дайр'Кооны.

— Если бы я знал…

Ого! Чтобы осознать такой расклад, мне никакого воображения не хватит, а оно у меня буйное.

— Ацила — очень спокойная планета. Все пространство суши разделено на шесть провинций, каждая из которых занимается виноделием. Кроме того, существует общая торговая зона с космопортом и рядом увеселительных заведений, в основном для туристов, Адонаи. В Адонаи представители провинций встречаются с поставщиками, но никто из прибывающих извне не ступает на внутренние земли.

— Похоже, мне повезло, — вставила я. Пока из лекции об устройстве жизни на планете я ничего полезного не вынесла.

— Можно сказать и так. Но для тебя, поверь, везде и всегда особые условия.

— Ну да, ну да. Названная сестра Императора и все такое.

Даже тюрьма у меня особая.

— Эшти, мне плевать на твои звания, но в пределах провинции Руах ты всегда будешь самой желанной гостьей.

Я сопоставила данные. Стопка личных дел, которую мне пришлось изучить на «Страннике», оставила в памяти определенные зарубки. Родовое имя Флинера звучало как раз так — Руах.

— Значит, ты…

— Да, милая, наследный Лорд Руах, о чем я, право, стараюсь вспоминать как можно реже, — он состроил забавную виноватую рожицу, и будь я «в теле» — расхохоталась бы, до того умильно выглядел грозный Творец. — Делами провинции много лет управляют потомки моей сестры, даже теряюсь сказать, в каком на сей день поколении. Нынешний проконсул Ацилы — один из моих внучатых племянников. К чему я это все тебе повествую: мне отлично известны возможности ныне проживающих на планете магов, и я легко считаю как общий эмоциональный, так и магический фон любого жителя Ацилы. Напавший на меня определенно прибыл с другой планеты.

— Подожди. Но ведь дальше Адонаи посторонним ход закрыт?

— Потому я и удивлен. Опознавательный контур в свое время я укреплял лично, но кто-то сумел его обойти.

— Флинер, ты долго отсутствовал. Пока ты летал на «Страннике», тут мог поселиться неизвестный тебе сильный маг.

— Класса Творец? Исключено. Поверь, я бы его обнаружил, хотя бы во время дружеской поездки по провинциям. У нас здесь старые устои, после отлучки глава рода обязан нанести визит каждому дому правящих семей. К слову, твое приближение я ощутил даже сквозь щит, только не сразу идентифицировал.

— Ясно. Допустим, тот, кто на тебя напал, прилетел на Ацилу, как турист или торговец, преодолел контур и направился по твою душу. Но зачем? Кому ты мог так насолить?

— На столь оригинальный вопрос могу привести лишь еще более озаренный оригинальностью ответ: не знаю. Конструктивного разговора у нас не случилось.

— Ладно, оставим рассуждения. Опиши мне, как все произошло.

Он нахмурился. Случившееся явно не грело самолюбие Творца…

— Он застал меня врасплох. Ожидать нападения на земле Руах было немыслимо для меня. Сама идея, появись она вдруг, показалась бы кощунством. Но, тем не менее… Я гулял, с детства люблю здешние закаты… Тебе обязательно надо увидеть закат на Ациле!

— Не отвлекайся, Флинер, прошу тебя, — перебила я нетерпеливо.

— Прости, — он мечтательно сощурился, вглядываясь в перламутровые дали. Точь-в-точь как кот, налакавшийся сливок. — Я иногда жалею, что не родился поэтом. Итак, я наслаждался созерцанием заката, когда ощутил чье-то

присутствие. Он не пришел, а переместился прямо ко мне, причем сохраняя невидимость. Я даже не уверен, что это был именно «он», с тем же успехом атаковать меня могла и женщина. Стоило мне заметить его появление, как он попытался парализовать меня. Его сеть я сжег на подлете, благо, прожитые годы выработали реакцию. А вот потом я допустил ошибку, ударив в ответ. Я внутренне подготовился к изнурительной битве Сил, как бывает всегда при поединке двух Творцов. Но вместо то, чтобы отразить мой удар, он начал поглощать его.

— Постой, я встречала где-то упоминание о таком, — вспомнила я описание из еще на Консуле I прочтенного талмуда. — Ты ловишь направленный на тебя поток, и через него выпиваешь внутреннюю Силу мага, верно?

— Подобный случай зафиксирован лишь однажды, тогда молодой, но крайне даровитый парень, использовавший Тьму, напал на одного из своих учителей и выпил его до донышка, тот так и не восстановил впоследствии и сотой доли своих Сил, но другие учителя покарали отступника. Как — история умалчивает.

— И с тобой пытались проделать то же самое? — уточнила я. Если Флинер ничего не путает, у нас имеется архисложный противник.

— Ага, — недобро усмехнулся мой друг. — К счастью, я тоже вспомнил тот омерзительный пример и успел создать щит. Продолжи я атаковать его Силой, он только стал бы сильнее, потому мне пришлось выложить практически весь мой резерв в глубочайшую защиту, из которой не мог выбраться сам, но и он не мог ни разрушить ее, ни поглотить, ни продолжить выпивать меня. Мера неприятная, но против абсолютного поглощения на скорую руку мне ничего другого не придумалось.

— Ты сумеешь восстановиться?

— Разумеется, пара дней транса и парения в потоках, и старенький Флинер будет бодр, как молодая лоза, — он потянулся и блеснул янтарными глазами. Хвастается, и не краснеет ведь!

— Всем бы такую старость… Итак, что мы знаем: он не местный, иначе сидел бы на бережку и дожидался, пока тебе надоест отдыхать внутри щита, и — что важнее — он пользуется темными потоками, по аналогии с описанным прецедентом. Оба утверждения можно оспорить, но пока положим, что они соответствуют действительности.

— Я склонен согласиться с тобой, Ирина. Добавлю от себя: пока я думствовал на дне морском, кто из сильных магов мог иметь на меня зуб, пришел к выводу, что либо никто, либо я о чем-то не знаю, либо я что-то забыл. А забываю я что-то крайне

редко. Мне кажется, личного повода у него не было.

До меня начала помаленьку доходить цепь его умозаключений.

— Флинер, мне в ближайшие дни будет не до того, так что проверкой твоей версии заниматься тебе же. Постарайся выяснить, имели ли место быть в последнее время нападения на магов на прочих мирах Империи.

— Эшти! — оклик Фтэрха ошеломил меня. — Если не хочешь застрять в Тени, прощайся с Глядящим-сквозь-Время и назад! Живо!

— Черт! Спасибо, а то я увлеклась. Флинер, очень скоро я снова приду, разыщи способ связаться с Нильдой.

— Тебя я готов ждать веками, — неожиданная, резкая грусть прорезалась в голосе Флинера.

Сумрачный смерч уже увлекал меня обратно.

Опустошение и апатия. Вместо мыслей — звонкая пустота.

Чувство такое, будто меня грязно использовали, затем по капле сцедили жизненные силы, а для полноты — переломали кости.

Ощущения вызваны как несвоевременным возвратом из Тени, так и гадким последующим сном. Все, что запомнилось мне из того сна, кроме гнилостного осадка на душе, это снег. Гигантские снежные мухи, медленно оседающие на землю.

Цвет снега — черный. И сам он — больше, чем просто снег. Он — гибель.

Провожу ладонью по лицу, словно стараясь стереть с него грязь. Она не желает стираться, раз за разом, с каждым ударом сердца, напоминая о том, что я вынесла из сна. Снег, несущий гибель, неизбежен.

— Эшти, мне не нравятся твои мысли.

Невольная усмешка, злобненькая такая.

— Полагаешь, они нравятся мне? Видишь ли, Фтэрх, я всего лишь человек, и мне отвратительно принимать такую неизбежность как факт, сколь бы великой и важной не была конечная глобальная цель. И тем более я не расположена получать от нее удовольствие.

— Я не говорил, что это должно быть приятно. Прости, но лично я ничего не могу изменить.

— А кто-то просит? В любом случае, всегда кому-то приходится выполнять грязную работу. Закрыли тему, времени для депрессий и упаднического настроя у нас нет и не скоро появится. Посиди пока с Ахом, а то он совсем захандрил, бедолажка.

Я рывком встала, расправила плечи. Душ, завтрак, новая паутина. Сегодня девочке надо быть сильной, как бы гадостно не было на душе.

«Ночь, улица, фонарь, аптека[23]»…

— Я скучал.

Флинер отпустил золотистый поток и направился к креслу. Похоже, я застала мага в его кабинете.

— В некоторых устах одно простое слово звучит слаще, чем ворох комплиментов от других, — мои несуществующие губы расплылись в несуществующей улыбке. Умеет он поднять настроение, ничего особого для этого не предпринимая.

— Все оттого, что льстецов ты видишь насквозь, а я искренен.

— Не забалтывай меня, языкастое создание!

Я огляделась. Вдоль каждой стены стояли стеллажи с

книгами, только несколько дальних от меня полок хранили множество склянок и колб, этикетки на которых заполнялись явно одной рукой, и не менее неразборчивым, чем мой, почерком. Без сомнений, та самая коллекция ядов, которую Флинер упоминал в связи с Рэйной.

Массивный стол. Над ним — картина, изображающая кроваво-алый солнечный диск, наполовину поглощенный гладью сияющего моря.

— Смею надеяться, однажды мне удастся показать тебе весь дом, а не только этот жалкий чулан.

— Это такой же чулан, как я звезда балета. Здесь хорошо.

Я ничуть не кривила душой, в комнате чувствовался особый уют, которого не дождешься от шикарных гостиных, и осмысленность. Сюда приходили работать и размышлять, а не слоняться без дела или играть в кости.

Из-за раскрытой на середине книги показался охристый скорпион и живенько пополз по столу. На пути его материализовался Фтэрх, убедившийся, что в комнате нет чужих. Скорпион и дракончик обменялись приветственным шипением.

— Очаровашки, — умилилась я.

— Не говори. Теперь ты понимаешь мой интерес к твоему пауку?

— Предупреждаю, скрестить не получится. По-моему, они оба — мальчики.

Флинер расхохотался. Щелчок пальцев — и в руке его появился фужер, наполненный белым вином.

— Так и говорил бы с тобой часами, Ирина. Ты — удивительный собеседник.

— Взаимно.

Не несущая особой смысловой нагрузки, наша пространная болтовня была для меня жизненно необходима сейчас, она помогала ненадолго отрешится от забот и окончательно избавиться от депрессивного состояния. Кажется, Флинер меня понимал и не торопился переводить разговор в серьезное русло.

И верно, к чему преждевременная суета, если волна событий сама захлестнет нас в надлежащий момент. Когда все вокруг рушится, не психуйте, найдите минутку, чтобы выпить бокал вина и улыбнуться, тогда и обломки, летящие в вашу голову, покажутся не такими крупными.

— Мне тоже хочется кресло и вино, — тепло произнесла-подумала я.

— Все впереди, милая, стоит тебе только пожелать, — Флинер покрутил фужер в ладонях.

Стоит ли искать потайной смысл там, где его может не

оказаться?.. Пожалуй, нет.

— Пора возвращаться к нашим баранам, — решилась я. Увы, у теплой дружеской беседы есть суровый временной ограничитель, имя ему — Тень.

В несколько крупных глотков один из сильнейших магов современности допил вино. Фужер красиво замерцал и исчез. Когда-нибудь и я дойду до столь изящного исполнения, если доживу, конечно…

— Согласен. Я бы не желал, чтобы из-за меня ты испытывала такие перегрузки, — Флинер явно имел ввиду сложности запоздалого выхода из Тени. — Пока тебя не было, я попробовал связаться со знакомыми мне Творцами Невозможностей. До двоих достучаться не смог, что меня тревожит.

— Хорошего мало, но их могло просто не оказаться дома.

— Ирина, — покачал головой мой боевой товарищ. — Я вызывал их напрямую, минуя технические средства.

Я такого не умею… Вот, что значат сотни лет практики.

— Это хуже… А где они обитали физически, ты не в курсе?

— Краух безвылазно сидел на Корвинте, он кабинетный маг-исследователь, что совмещается с преподавательской деятельностью. Он читает — или уже читал, хотелось бы ошибиться — лекции по истории до-имперского периода. Я справился, он несколько дней не появлялся на кафедре.

— Будем надеяться на лучшее, ты тоже не сразу выбрался из щита, за что, кстати, надо благодарить Фтэрха. Кроме того, вариант совпадения исключать нельзя.

— Спасибо, приятель, — обратился к дракону Флинер. У Фтэрха происходило молчаливое общение со скорпионом.

— Обращайся, — посигналил Дайр'Коон так, чтобы слышали его мы оба, и отравил воздух клубами дыма. Скорпион волновал его откровенно сильнее, чем люди.

— Тебе, милая, отдельное спасибо.

— Я еще не рассчиталась за должок с поры латания моей шкурки. И вообще, моя роль в твоем спасении минимальна. Проехали. С первым магом ясно, уверена, ты потребовал провести поиск. Что второй?

— С ним сложнее. Последний раз мы пересекались на Вавилоне, одном из первых обжитых людьми миров, после Терры, естественно. Но дело было давно, а Вирчет редко подолгу задерживался на одном месте.

— Двое — еще не статистика. Тем более, про местонахождение второго мало что можно сказать достоверно.

— Эшти, я сказал, что связывался со знакомыми Творцами. А я знаю далеко не всех, никогда не стремился стать ходячей

энциклопедией. Но я отправил запрос о происшествиях за последние сто стандарт-дней по ключевому объекту «маг». Результаты пока не поступили.

— Вот в кого ты такой умный, и что бы я без тебя делала?

— Это не ум, а дотошность, переходящая в занудство. На вторую часть вопроса я затрудняюсь ответить.

Зрачки кошачьих глаз расширились, заполняя практически всю радужку. Я отметила про себя, что у Флинера очень красивая улыбка. Настоящая. На полуфальшивые гримаски я за свою недолгую жизнь уже успела насмотреться.

Мне удивительно импонировала его улыбка и расслабленно-безмятежный настрой, окутывающий меня в присутствии Флинера. Остается только восхвалять богов за ниспослание такого замечательного друга.

— Ты просила, чтобы я нашел Нильду, — напомнил Флинер.

Ох, я ведь чуть было не запамятовала основную цель моего визита! Так уж сильно расслабляться не стоит…

— Да. У тебя получилось?

— А ты сомневалась? Минутку, милая.

Я приготовилась ждать, заинтересованно поглядывая на корешки книг.

Янтарного цвета тетраэдр вытянулся из подлокотника кресла, отозвавшись приглушенным голосом немолодого мужчины.

— Да, сэр?

— Будьте любезны, Дютен, соедините меня по координатам, что я дал вам намедни. Я буду говорить из кабинета.

— Слушаюсь, сэр.

— Спасибо, Дютен.

Янтарь растворился в кресле.

Между Флинером и мной дрогнул воздух, приобретая очертания женского тела. Изображение быстро стабилизировалось, и совсем скоро центр комнаты заполнил полупрозрачный силуэт Нильды. Мы застали ее в постели: вся взъерошенная, оголтелая, одна щека примята сном.

В этот миг, как никогда, Нильда была непосредственно мила и хороша, и, несмотря на седые пряди, молода. Молодость — это не отсутствие жизненного багажа и морщин, это состояние души. Как же я соскучилась по Нильде! По правде, не только по ней, по Альдобрасту, Тиору, Ане… По всей команде.

Нильда потянулась и села на кровати, закутавшись по плечи в одеяло. Флинер, как истинный джентльмен, терпеливо дожидался, пока разбуженная женщина приходила в себя после

сна.

— Не ожидала так скоро вновь тебя узреть, Флинер, — наконец выдала приветственную фразу наша общая приятельница. Изображение качнулось, когда она потянулась к прикроватному столику за расческой.

— Не сердись, если я не вовремя. Такова суровая необходимость. К тому же, я ведь никого, кроме тебя, не спугнул с этих волшебных простыней.

В направлении экрана полетела расческа, прицельно брошенная Нильдой. Пролетела насквозь и с глухим стуком ударилась обо что-то уже за пределами видимого.

— Ты ведь знаешь, нахал, что я не могу долго на тебя злиться! Я приличная женщина, имей в виду!

— А так же на удивление свободная и греховно привлекательная. Но разбудил я тебя с иной целью. Здесь со мной Ирина, увидеть ее или поговорить с ней напрямую не удастся, общаться вам придется через меня.

Она мгновенно собралась. Такую, сосредоточенную, редко улыбающуюся, Нильду я и запомнила по заснеженной планете, собравшей обширную жатву из нашей крови.

— Слушаю.

— Я готов поработать для тебя передатчиком, — мысленно обратился ко мне Флинер. — Выкладывай, милая.

— Попроси Нильду объяснить, как перемещаться через время, конкретно, в прошлое, при условии, что с пространством я уже разобралась сама.

Маг задумчиво кивнул и озвучил мой вопрос.

Нильда нахмурилась.

— Во-первых, в будущее она и не смогла бы отправиться, оно не монолитно. Во-вторых, так ли ей обязательно попадать в минувшее? Любое, даже самое незначительно вмешательство в события некоторой давности, может расшатать Вселенную в дне настоящем.

— Скажи ей, что я знаю, что делаю. Я — этого передавать не надо — следую пути, указанному Дайр'Коонами.

— Подтверждаю, — вставил Фтэрх, на сей раз вполне уместно.

Флинер не выказал ни малейшего удивления.

— Что ж, раз так, — продолжила Нильда, выслушав Флинера. — Скажи ей, что принцип схож с пространственным перемещением. Главное: точка притяжения. Ею должно быть какое-то точно произошедшее событие: разговор, разбитая тарелка, что угодно. Если подробности неизвестны, но доступны сведения о последствиях случившегося, следует идти вдоль

последственной тропы, до нужной точки. Понятно? Не уверена, что смогу объяснить лучше.

Я призадумалась. Последствия: мое заточение, ранее — беседа с блондином-офицером, который действовал целенаправленно, а значит, получил приказ. Да, кажется, я смогу пройти вдоль этой тропы и не соскользнуть.

— Я поняла, — сообщила я Флинеру. — Передай мою благодарность и извинись за беспокойство.

Тревожить спящего человека я всегда считала преступлением.

— Ой, еще вопрос, — всполошилась я. — Насколько давно «Странник» прилетел на Консул I? А то у меня не было возможности считать дни.

Нильда свела брови в одну прямую черту. Видно было, как она загибает пальцы.

— Флинер, Ирина меня слышит?

— Да. И видит тоже.

Каким-то непостижимым образом она перевела взгляд туда, где находилась моя Тень. Интуиция подчас сильнее зрения…

— Беспокойство пустяковое, а благодарить особо не за что, я рада помочь тебе. По поводу последнего вопроса: если я не сбилась со счета, то прошло сорок девять стандарт-дней. Может, на день меньше, свой перелет с Консула я могла неточно учесть.

Без малого полсотни дней забвения… Одиночества, тишины, балансирования на грани безумия.

Флинер уловил отголоски оцепенения, захватившего меня. Он тоже неплохо разбирался в моих настроениях — со времен Дита.

— Я отпущу Нильду, милая?

— Угу.

— Не грусти, Эшти, мы с тобой покажем всем, что к нам не стоит тянуть конечности. Люди ли, криоги — все свое получат, обещаю тебе.

Спорить с Глядящим-сквозь-Время было… нерезультативно, так что я предпочла поверить. Как Флинер прощался с Нильдой, я пропустила, только увидела, как повторно содрогнулся воздух, рассеивая образ зеленоглазой заспанной женщины.

— Пока ты со мной, — взгляд Флинера был устремлен вниз, на вытянутые длинные ноги. — Позволь мне сказать одну вещь.

— Разве я могу что-то тебе запретить? — поразилась я.

— Дело не в запрете, а том, готова ли ты меня услышать. Ирина! Бывают дары, принесенные из самых чистых побуждений, из благодарности, из доброты… Но принять такой дар — значит предать и себя, и дарящего. А после, возможно, и заплатить за принятие его презрением к самой себе.

Он замолчал, явно не собираясь прояснять значение произнесенных слов.

— Эшти, нам пора.

Неумолимый, как острие меча, Фтэрх.

— Держись, милая. Я многое отдал бы, чтобы тебе помочь, но это только твой Рубикон.

Смерч, пустота и обмякшее тело.

Приблизительно 115 день (по ст. исч-ю).

Клетушка, два на два, если измерять в метрах, или пятнадцать шагов по периметру, уже не воспринималась мной, как нечто ужасное и необратимое. Ведь, по сути, определенную свободу я уже обрела, и серые стены держат лишь мое тело, являясь обязательным пунктом возвращения, сама же я перемещаюсь, куда захочу.

Человек — это не просто комбинация из рук, ног, ушей, спинного и головного мозга. Он — либо она — прежде всего индивидуальность. Слияние действий, образа мыслей, воли, рассудка и самокритики, разочарований и побед, и чего-то более тонкого, но незаменимо важного — это и есть человек. Синкретизм мыслей, чувств и душевных порывов — суть личность.

Тело можно запереть, личность — никогда. Эту простую истину мне следовало понять давным-давно, но чего-то во мне не хватало. Возможно, опыта, может, полета. А может, и неопределимой для меня мудрости.

Безумие очищает, прав был туманный демон, страж последней границы между порядком и хаосом. Оно очищает, если за ним следует рассвет. Тогда оно сгоняет пену.

Кто бы мог подумать, что за полсотни дней можно повзрослеть, как за несколько десятилетий?..

Свобода! И до нее — только шаг.

— Фтэрх, поможешь мне?

Паутина — последняя! — сплетена. Страха нет. Совсем.

— Разумеется, Эшти, — дракон то исчезал, то появлялся, подобно улыбке Чеширского кота. — И не только я.

Озарение — явление капризное. Оно либо приходит, либо жеманно поворачивается спиной. И не угадаешь…

На сей раз — пришло. Чуть снисходительно, но ему простителен строптивый нрав. Посредством Фтэрха и нашего с

ним тесного общения меня будут направлять Старейшие.

Мне вспомнились их всевидящие, всепонимающие глаза, и сознание начало меркнуть.

— Сделай милость, дружок, — сказала я Аху, поднося запястье.

Волна морозной дрожи.

— Пора! — просигналил Фтэрх.

Шаг длинной в десятки дней.

Рэйна. Вестимо, больше ведь некому… Я осмотрелась. Она определенно одна в ажурной беседке цвета ванили, увитой зеленью.

Первая дама Империи расселась на мраморной скамье. Оранжево-красное платье и комплект украшений из гранатов призваны были подчеркнуть ее хищную красоту.

Я вдруг поняла, что не завидую ей. Яркая, броская Рэйна привлекала взгляды, но внутри была подобна прогнившему до трухи сухостою. Я на святость не претендую, но во мне есть нечто большее, чем желчь, злоба и властолюбие.

Как в тех снах, что были реальнее яви. Нечто большее.

— Она должна быть раздавлена, уничтожена и убита, — презрительно скривила сочные губы Рэйна. Разговор с самой собой или я кого-то не углядела?..

— Не уверен, что это разумное решение. Лучше свалить на нее немочь твоего Брендона.

Голос был совсем рядом, но никого, кроме бывшей невесты Императора, окрест не сыскать, Тенью я рассмотрела бы и сквозь Кокон Невидимости. Странно…

— Он не мой, этот мерзкий, самовлюбленный тип! — заверещала Рэйна, пиная изящный столик. Кто б сомневался, если Брендон не семенил на задних лапках при виде тебя, прелесть ты наша, он самовлюбленный. И мерзкий. Неоспоримо!

— Не кипятись. Главное, он нам больше не повредит. Теперь очередь Леди Калли кануть в безвестность. Я знаю чудное местечко, как под нее сделанное…

— Она встала на моем пути, и должна умереть! Только так! — Рэйна сорвалась на визг, вскочила со скамьи и заметалась, подобно раненому гепарду.

Я силилась понять, с кем же она общается…

— Ее руки, — подсказал Фтэрх.

Белокожая красавица как раз с хрустом заломила пальцы в приступе истерии, позволив мне подметить перстень с массивным ониксом, выбивающийся из гарнитура остальных побрякушек.

Злая я стала, и не ценю прекрасное…

— Ты горячишься, — точно, голос исходил из перстня. — Живая она гораздо полезнее мертвой. И еще я хочу получить ее Силу, а для этого она нужна мне слабой, но не убитой.

Кто же он? Голос не был мне знаком, но я мало с кем общалась на Консуле. Иногда проскальзывало что-то такое… Почти позабытое… Голос с двойным дном.

Жаль, анализировать недосуг, пора было вмешаться в приятную дружескую беседу на фоне пасторального пейзажа.

Рэйна начала набирать воздух для очередного вопля. Выкричится позже.

Я окутала ее. Долго воздействовать на человека Тень не может, но мне и не надо. Достаточно пары минут и небольшого внушения.

— Ладно, — выдала я посредством тела Рэйны. — Пусть будет то чудное местечко, лишь бы она оттуда не вырвалась.

И тщательно закрепила мысль, что такой исход будет лучшим, заточение непременно раздавит меня, как ей и хотелось. Цемент из мстительного удовольствия… Готово!

Меня разрывал гомерический хохот, до желудочных колик и крокодильих слез (будь у Тени желудок и слезные железы): как проклинала я упекших меня в серую клетку, какие красочные сцены отмщения готовила в мечтах, а теперь по всему выходит, что в тюрьму отправила себя я сама. Шедеврально!

День 116.

Казалось, будто в каморку врезали окно. И сквозь него заструились лучи весеннего солнца, еще такие нежные и как бы несмелые, но уже дарящие радость.

Меня охватило чемоданное настроение, в лучшем смысле этих слов. Дописать последние строчки в дневнике, подправить макияж, подкрепиться густой синевой темного потока, объяснить пауку, чтобы не смел слезать с моего плеча — и в путь.

Извилистая дорога к солнцу почти пройдена. Остался последний штрих.

Грейпфрут.

Я сплела три потока в нечто наподобие абстрактной сети впечатляющей вместимости, и водрузила конструкцию поверх внешней оболочки спутника. Видеть сквозь стены порой так полезно!

Отсекла сигналы датчиков. Хватит, насмотрелись. Укрепила защитный слой комбинезона, кто знает, какой нам попытаются

оказать прием Рэйна и ее присные?

Спуск через атмосферу пришлось отменить, незачем доводить до инсульта следящих за околопланетным пространством специалистов. Стало быть, спутник перебазируем по принципу Тени. Со всем его содержимым, включая меня и питомцев. Если проделать всеаккуратненько, никто из нас не пострадает.

Будешь бояться смерти, не сумеешь насладиться жизнью. И не факт, что успеешь пожить.

— Сейчас может тряхнуть, — предупредила я мелюзгу. Хотя для них, учитывая их происхождение, опасности не было никакой.

— Не тяни уже, — завредничал Фтэрх. С его тягой к приключениям мои долгие сборы были в тягость.

Без четкого представления о порядке действий приходилось импровизировать. Займите мне кто-нибудь отваги, самую малость!

Не мешкая боле, я раскинула руки, запрокинула голову. На правом плече уселся паук, над левым реял Дайр'Коон. Я зажмурилась и одним броском переместила сеть со спутником внутри на вечнозеленый цветущий луг позади императорского дворца.

…Треск, грохот, забористый мат, вспышки, истошный женский вопль… Шучу. Мирно мы приземлились, без происшествий.

Остатками подтаявших потоков я разрезала металлическую коробку, добавила внутренней Силы — и остов покореженного узилища рассыпался в прах.

Нечего засорять территорию, лучше удобрим почву.

С непередаваемым наслаждением вдохнула я вкусный, чуть пряный, живой воздух.

Я сидела на траве, умиляясь малейшему дуновению ветерка. Давно я так сидела… Преступно мало.

Ах сполз на мою коленку и тянул лапки к лиловому цветку. Ему это все в новинку, он впервые увидел что-то кроме серых стен, которых больше нет. Аминь!

Я крутила меж пальцев травинку, любуясь ее трогательным несовершенством. Давно не было мне так безоговорочно хорошо!

— А почему нас никто не встречает? — Фтэрх валялся на спине, крылья в стороны, перепончатые лапы кверху. Он успел уже научиться быть видимым только для меня.

— Не нас, а меня, вас с Ахом не ждут. А вот для встречи меня, замечательной и высокопоставленной, полагаю, искали делегацию посолиднее.

Увы, я не ошиблась. Со стороны дворца в сторону нашей живописной группки двигалось человек десять. Я надкусила травинку, горьковатую и терпкую на вкус: ничего вкуснее за последние пятьдесят дней я не пробовала.

Провела рукой по зелени, задевая цветочные бутоны. Под моей ладонью рождались облачка из пыльцы, свежий аромат щекотал ноздри…

Ах плюхнулся в траву. Зеленые стебельки почти скрыли его от меня.

— Приятной прогулки, малыш. Не теряйся.

В мои планы входило еще немного посидеть тут, пусть кроха порезвится.

— Бесконечно рады видеть вас в здравии, Леди Калли.

Я подняла голову.

Сэр Ивенс-Атир. Похудел, на мой взгляд. Чуть усталый вид, но все внутреннее достоинство при нем. Строгое темное одеяние.

— Взаимно, Сэр Ивенс. И вас приятно наблюдать, Лорд Хелин. Присядете?

Покидать мирное местечко так скоро не хотелось, и глядеть снизу вверх тоже. Сомнительно, правда, что великие мира сего снизойдут до сидения на траве.

Хелин пожал плечами, он не был готов к публичному унижению статуса. А вот умудренный не сединами, но летами Сэр Ивенс добродушно хмыкнул и уселся передо мной.

Я расплылась в улыбке. Дядя Брендона, похожий на сидящую гору (я ведь упоминала ранее, что он весьма… хм-м… большой человек) улыбнулся в ответ. Однако, очень поверхностно знала я этого политика, стоило приглядеться.

Еще раз передернув плечами, Хелин устроился чуть поодаль. Остальные пришедшие рассредоточились вокруг, они были слишком хорошо вымуштрованы, чтобы пялиться на объекты охранения или мозолить глаза. Молодцы. Четверо — в форме телохранителей, вторая четверка из личной гвардии Императора.

Неслабое сопровождение. Я мельком глянула на ближайшую пару телохранителей, которые держались буквально в трех шагах от меня и моих «гостей», и сердце пропустило пару ударов. «Оля-ля!» — возопил мой внутренний голос. Сюрпри-и-из! Правого охранника я уже имела «счастье» наблюдать, но в ином облачении: в прошлую нашу встречу блондинчик был в форме офицера флота, и именно он сопровождал меня в заключение. Вот так встреча!

Пришлось срочно одернуть себя, чтобы перестать таращиться

в сторону блондина, и принять расслабленный вид. Только бы не вспугнуть!..

— Признаться, я был обеспокоен вашим отсутствием, Леди Калли, — чинно произнес Сэр Ивенс.

— Попытки отследить сигнал Звезды, которую вы носите, приводили в пустоту, — вставил Хелин, сощурившись. Подозревал он меня в чем-то, что ли?..

Ага, говорите, говорите, я всегда зеваю, когда мне интересно (избитый штамп, но очень уж в тему). Я трижды успела пожалеть, что высвободила практически весь свой резерв, а без Силы я почти беспомощна, что тот котенок, и оружия у меня никакого, в отличие от хамелеона-охранника, ему по должности положено вооружение, понять бы еще, почему он сейчас здесь (если из-за моего появления, то отчего он ничего не предпринимает?), и каким образом он переквалифицировался в телохранители, да еще и приставлен к персонам такого уровня?..

Куча вопросов, которые так и тянет задать, а нельзя…

— Недоброй традицией уже становится блокирование сигнала Звезды, — ответила я после непродолжительной паузы, глядя Хелину в глаза. — Полагаю, определенным службам следовало бы тщательнее контролировать ситуацию, и разработать методики нахождения сигнала посовременнее.

И без того длинная худая физиономия Хелина вытянулась еще сильнее. Скучно, господа, скучно… Ваша организация допускает пропажу носителя Звезды (которых всего-то два!) на нехилый такой срок, а вы ищете виноватых на стороне.

— Возможно, вы правы, — через силу выдавил из себя Хелин.

— Несомненно, правы!

Звучный баритон Ивенса-Атира заставил вздрогнуть второго советника Императора, тесно связанного с тайными службами.

А блондинчик-то невозмутим, аки статуя! Не могла я ошибиться, его лицо мне врезалось в память, не брат-близнец же это, в конце концов!

— В который раз с сигналом Звезды Атиров неполадки, — повелительно продолжил Глава Совета. — И для исправления их ничего не предпринимается. Прокурируйте работы по данному направлению, Лорд Хелин.

Тот коротко кивнул. Умеет держать удары…

— И все же, Леди Калли, где вы пребывали столь долго? — мне померещилось, голос первого лица Империи — на время болезни Брендона — потеплел.

— Буквально над вашими головами, — усмехнулась я. — Если пройдете дальше, обнаружите пепел, его еще не разметал ветер. Это останки моего недавнего пристанища.

Проконсул Вельзевула сумел оценить мой зловещий юмор. Хелин — нет. Охранник вообще никак не прореагировал на мое заявление, чем запутал меня окончательно. Я вздохнула. Откинулась на спину, подогнув ноги в коленях, и коротенько живописала, как меня заманили на спутник.

К финалу повествования я снова села, и уставилась прямо на блондина.

— К сожалению, имя офицера, доставлявшего меня в импровизированную тюрьму, осталось неизвестным, — задумчиво протянула я, откровенно провоцируя своего подозреваемого. — Но я могу его описать. Стройный, светлые волосы, голубые глаза, прямой нос…

Последующее превзошло все мои ожидания — в наихудшем смысле… Я даже не уловила его движения, только что между нами была трехметровая дистанция, а через секунду он уже рывком поднимал Сэра Ивенса с травяного покрова (и откуда силы взялись, проконсул Вельзевула же весьма солидного телосложения, вес его раза в три превышал вес преступника), демонстрируя зажатый в левой ладони округлый предмет. Я встрепенулась, перестав дышать. Семь остальных охраняющих, уже направившие оружие на блондина, замерли.

Бывший офицер флота держал в своей руке смерть, наделенную красивым названием, уже знакомым мне не понаслышке — *эн*-граната, от слова НЕОБРАТИМОСТЬ. Причем тот факт, что она относилась к числу боеприпасов, запрещенных к ношению и применению на Консуле, ничуть не беспокоил этого подонка… Допровоцировалась…

— Она активирована, — бесцветным голосом сообщил блондин, словно кто-то мог питать сомнения на сей счет. — Малейшее неподчинение моим приказам — и все мы взлетим на воздух.

Камикадзе доморощенный, чтоб тебе тошно было в посмертии, а оно тебе при любом исходе светит!.. Вслух я, разумеется, этого не произнесла.

— Чего ты хочешь, предательская душонка? — не верилось мне, что он намерен оставить меня в числе живущих, потому и терять мне было нечего.

Его оскал заставил меня содрогнуться: похоже, повезло мне нарваться на маньяка…

— Фтэрх! — мысленно заорала я. — Что у Старейших с прогнозами для меня на сегодня? Кончина включена в расписание?..

— Неа, — ехидно отозвался Дайр'Коон. — Но ты всегда можешь сымпровизировать.

Сумел утешить меня малыш, осталось придумать, что ж такого учудить, чтобы вообще никто не пострадал в этот погожий денек, кроме одной светловолосой сволочи…

— Коллеги, — меж тем решил объявить требования блондин. — Перестаньте целиться в меня, лучше наведитесь на эту нахальную Леди.

— Эта Леди — названная сестра Императора, — очнулся от потрясения Лорд Хелин, внося свою лепту в ситуацию. — На вашем месте, Бонел, я бы…

— Молчать! — рявкнул преступник, но имя его уже прозвучало. Я взглянула на Сэра Ивенса, шею которого удерживал в захвате Бонел (настоящее имя или вымышленное?), дядя Брендона утвердительно смежил веки. Ага, он тоже не боится террориста, и готов к моим действиям. Отлично!

— Леди, — он почти выплюнул это слово, а я подметила, что охрана послушно перевела прицел с Бонела на меня. — Закройте глаза и заведите руки за спину. Чтоб никаких магических штучек, иначе мои коллеги проделают в вашем теле несколько дырочек. Уяснили?

Я кивнула, выполняя его указания. А еще я успела высмотреть на мизинце блондинчика перстень с черным ониксом, и похолодеть — сколько же еще заговорщиков и их подручных не раскрыто? Ведь могла сообразить и раньше: Круфтсис, криогский шпион, не мог знать обо всех изменниках из числа имперцев…

Одним богам известно, чем обернулся бы захват заложников на лугу близ дворца, если б не Фтэрх. Именно он, используя мое плечо как перекладину, передал мне достаточно Силы для Творения, именно его глазами я продолжала наблюдать за террористом, и именно ему я адресовала односложную команду:

— Жги! — выворачивая слои своей защиты наизнанку, и сбрасывая ее (защиту) на *эн*-гранату, всей душою надеясь, что та поглотит взрывную волну.

Когда струя синеватого пламени обожгла спину Бонела, он взвыл, выпуская Сэра Ивенса-Атира и *эн*-гранату (она вспыхнула и исчезла, точно падающая звезда). Мне осталось лишь слегка подтолкнуть неудачливого камикадзе в сотворенный мною Саркофаг, и захлопнуть крышку. Полупрозрачный Саркофаг, сотканный из теней, вместе с содержимым рассеялся в теплых лучах Капеллы…

— Продолжим беседу? — мило улыбнулась я.

Ответом мне были две донельзя ошарашенные физиономии, причем особенно перекосило Хелина.

— Н-не лучше ли п-переместиться в-во дворец? — чуть заикаясь, предложил Лорд Хелин правильный (на первый взгляд)

вариант дальнейшего развития событий. С одним упущением правильный: согласись я, и разговор затянется в разы, а то и вовсе плавно перетечет в допрос…

— Нет! — отрезала я, наплевав окончательно на официозность и правила хорошего тона (в печенках они у меня уже сидели). — Я держу над лужайкой защитный барьер, но надолго его не хватит, а сил на новый у меня нет.

Я слукавила, но не слишком, силы-то есть, но они пригодятся мне и вне полянки, а потому, пользуясь замешательством «великих», я заново развалилась на траве, всем видом показывая, что с места они меня сдвинут только с помощью парочки флаэрелей.

— С вашего позволения, теперь говорить буду я, — пока не опомнились первые лица Империи, я решила «брать быка за рога», в данном случае — двух «бычков». — Первое. За моим похищением стояла Леди Ивер, и в данном контексте мое безотчетно-должное велит мне провести профилактическую беседу с этой лишенной принципов и совести особью. Возражений нет?

— Совет не расстроится известию о внезапной кончине Леди Ивер, — веско заключил Сэр Ивенс, чем беспримерно порадовал мстительную часть моей натуры. — Или организует ей пышные проводы к Бетельгейзе в комфортную, отлично охраняемую тюрьму.

Официальный карт-бланш на убийство… Эк же достала вас раскрасавица Рэйна! Сей облачный день оказался невероятно богат на шокирующие сюрпризы, граничащие с умопотрясением.

…А облака воздушны и легки… Но любоваться трансцендентностью небесных сфер будем позже. Я оторвала спину от мягкой травки, под которой была довольно прохладная почва, а мне только простуды с осложнениями в виде цистита сейчас не хватало до полного счастья.

— Далее, — взлетели и опустились ресницы. — Звездолет «Странник» по указу Леди Ивер на карантине. По крайней мере, был. Его капитан вместе с первым помощником арестованы. Какие были для этого основания и под арестом ли они до сих пор?

Ивенс-Атир вопросительно взглянул на Хелина. Тот пожал плечами.

Они и не в курсе! Та-а-ак, штрихпунктиром очертим границы, которые не стоит переступать, даже задыхаясь от возмущения. Уфф…

— Лорд Хелин. Прошу вас. Проследите. Тиор Райли, Кетлер Ааст. Должны быть освобождены. Сегодня.

Лицо второго советника было непроницаемо. Пусть рискнет не исполнить!..

— Вернуть «Странник» в нормально состояние. Восстановить КР корабля. Оповестить команду и в полном составе вернуть экипаж.

Он по-прежнему молчал, но глаза его превратились в две узенькие щелочки. А крыть-то нечем!

— Отчет о результатах разведывательной операции о позициях криогов вы получили?

Хелин побледнел, от шеи к вискам становясь схожим с рисом в суши. Я поперхнулась.

— Можете не отвечать, вижу, что не получили, — укоризненно покачала головой я. Немудрено, если они не знают о судьбе «Странника». — Отчет предоставит бортовая система, либо в краткой версии капитан. Когда вы исполните мои предыдущие указания.

Правый глаз Лорда Хелина мелко задергался в нервном тике.

Сэр Ивенс порывался высказаться, пресекла попытку жестом.

— С удовольствием просветила бы вас, но значительную часть наиболее информативно-содержательного периода я была мертва.

Хелин совсем поник, должно быть, сознавая весь масштаб провала своей организации, пропустившей мимо внимания буквально все на свете, а я недоумевала, как подобное могло произойти… В Датском королевстве уже не «что-то неладно[24]», и даже не бардак, а выпас розовых слоников в стенах дурдома, а скорее — на его развалинах…

Однако больше неосведомленности главы тайной службы меня пугало и настораживало то, как запальчиво реагировал он на получаемую информацию. Я припомнила его поведение на Малом Совете: там Хелин проявлял завидную выдержку, уместную отстраненность, и эмоции его (причем не факт, что истинные) выдавали лишь пальцы рук. А сегодняшнее поведение «второго советника» смахивало на прежнее, точно фея на Кинг-Конга…

Как же мне это все не нравилось!

— И последнее на сегодня, — я нахмурилась, уставившись в небеса. Перистое облако было подобно парящему с распростертыми крыльями альбатросу, мнящего объять крылами солнце. — Пусть меня проводят к Императору. Было бы неплохо привести его в чувства.

Портрет не лгал мне. Пустота… Она была во всем облике

Брендона, моего любимого, родного Брендона, и рвались, как леска под тяжестью огромной рыбины, натяженные нервы, и по лицу струилась липкая влага, окропляя его пергаментную кожу…

Я рыдала в голос, не пытаясь сдерживаться. Бесполезно.

Отвернулась. Сопровождавший меня гвардеец глядел в пол. Вид у него смущенный, подавленный… Я перевела внимание на гвардейца, чтобы отвлечься, чтобы вернуть способность мыслить.

За моей спиной — беспомощный человек. Надо собраться… Чувства сейчас только помеха.

— Фтэрх! — в обращении моем звенели повелительные нотки. И мольба. Да, мысленное общение может быть эмоциональным. А еще оно всегда искреннее произносимого вслух.

— Я здесь, Эшти, — фиолетовый Дайр'Коон сосредоточен.

— Должен быть способ снять проклятие. Тебе что-то известно?

Глаза мои закрылись. Но обоняние настырно докладывало об отчетливом запахе смерти. Я спасу его.

Я люблю его.

— Он есть.

Я замерла, напряженная.

— Проклятие завязано на твою кровь.

Дрожь по телу.

— Что?!

— Повторю. Ключ к снятию проклятия — твоя кровь.

Или я помешалась от потрясения, или… Похоже, Фтэрх не шутил…

— Он должен напиться твоей крови.

— Как? Он ведь…

Одернула себя. Не овощ. С ним все будет в порядке. Скоро. Непременно.

— Значит, его надо напоить.

— Нужна вся моя кровь?

— Сомневаюсь. Но точного количества не скажу.

Бредовость ситуации оправдывалась только ее мрачностью.

— Мне нужна глубокая посуда. И, желательно, широкая, — проговорила я вслух.

Гвардеец кивнул. Чуть одуревший взгляд, но исполнительность близка к совершенству. Он направился передавать мой наказ незамедлительно.

Ждать пришлось долго. И все это время я простояла с закрытыми глазами, спиной к Брендону, не в силах глядеть на него.

Наконец мне принесли каменную чашу с высокими краями.

До чего ж символично…

— Подержите.

Еще более обескураженный, гвардеец, тем не менее, повиновался. При виде созданного мной зазубренного клинка, точной копии того, что холодил мою ладонь в далеком сне, он отшатнулся, но затем сделал над собой усилие и шагнул ко мне, поднимая чашу.

— Вам не обязательно присутствовать. Если мои действия пугают вас, попросите прислать кого-нибудь из прислуги.

Дернулся кадык, когда он отрицательно покачал головой. Мне и самой было не по себе, но нельзя позволить рукам дрожать…

Я люблю его.

Полоснуть по запястью — легко. Сложнее справиться с темными кругами перед глазами, и направить текущую жидкость в чашу. Даже боли я не чувствовала, только противно дергало в месте пореза.

А разрез вышел хороший, глубокий. Часть гранатовых капель запятнала пол и руки гвардейца. Ерунда. Чаша наполнилась быстро, и я свела края раны вместе, скрепляя. Теперь там будет шрам, как напоминание о людской подлости.

…Он принял проклятие из рук того, кому доверяет. Оно было жидким…

Жидким должно быть и средство исцеления.

— Теперь напоите Императора.

Я отвела взгляд. Да, я трусиха, и не могу сама поить Брендона ЭТИМ.

Украдкой слизнула остатки крови с ладони с запястья, наблюдая за бледным гвардейцем, исполняющим мое требование.

Струйка, сбегающая из уголка губ, проложила путь по шее до ложа… Меня заколотило.

— Довольно? — спросила я Фтэрха.

Чаша вместительная, должно было хватить.

— Нет.

Брр… Подозвала гвардейца, сделала новый развез чуть выше затянувшегося. Какой абсурд…

Весело хлестала кровь. Готично.

Я запечатала рану в еще один шрамик. На сердце их больше, и там — больнее и глубже.

…Тот, кто принес его, действовал не из ненависти, но из любви…

И впрямь, сильной была, наверное, любовь! Бред, бред, бред!

— Теперь все.

А по виду и не скажешь… Что ж, за неимением альтернатив,

будем верить Фтэрху.

«— Что это ты выдумываешь? — строго спросила Гусеница. — Да ты в своем уме?

— Не знаю, — отвечала Алиса. — Должно быть, в чужом. Видите ли…

— Не вижу, — сказала Гусеница.[25]»

Точь-в-точь про этот погожий денек!

Мне вдруг стало тяжело дышать. Конечно, кровопотеря… Я сегодня перевыполнила все донорские нормативы, притом извращенным способом.

Несколько неуверенных шагов. Возможно, я перечитала сказок в детстве?

— Оставьте нас, пожалуйста, — попросила я. Краткий поклон в ответ.

Неживое лицо Брендона. Все вокруг наполнено еще не смертью, но уже не-жизнью. Она просачивается сквозь мои барьеры, свиваясь ядовитой змеей вокруг сердца, всплескивая в мои вены частицы погибели.

Я наклонилась над ним. Поцеловала замаранные багряным губы.

Конечно, ничего не произошло. Да никто и не ожидал.

— Кровь — тоже жидкость, любимый. Надеюсь, я утолила твою жажду.

День 117.

Я потянулась, приподнимаясь на ложе, и чуть не свалилась с него от хохота и умиления. В моих ногах мирно посапывали, свернувшись рядышком, Миара и Фтэрх. Дайр'Коон заботливо накрыл крылом дымчатую кошку. Идиллия!

Как в старые добрые времена, вслед за моим пробуждением явилась Арна с подносом фруктов и кофе, который вообще-то на Консуле никогда не пользовался особой популярностью — до моего появления. По слухам, теперь он вошел в моду.

Я в очередной раз повествовала о своих приключениях, исподтишка разглядывая подругу. За время моей отлучки с Консула она изменилась, посерьезнел взгляд, проступила некая новая пластика движений, даже волосы были собраны в пучок, чего я прежде никогда не замечала за Тайли.

Вечная девушка-ребенок уступила место молодой женщине. И я не могла понять, нравилась ли мне такая перемена.

Она слушала меня внимательно, изредка кивала, ни разу не перебила, только при упоминании темных потоков слегка скривилась.

— Тот обряд, что ты проводила над Сэром Брендоном, он тоже был темным? Никогда не слышала о подобном.

И тут меня прорвало. Арна получила в ответ бурную, насыщенную тираду, в которой фигурировали: потомственные ворожеи из Вологодской глубинки, темный маг Завулон, недифференцированность обрядов в доклассовом обществе и, до кучи, христианские младенцы. На русском.

На удивление, Тайли прекрасно меня поняла. И заплакала.

Я дернулась, чтобы обнять ее, успокоить, но она отшатнулась от меня, смахивая слезы.

— Все в порядке. Я плачу от радости. Сэр Брендон сегодня очнулся. Я так виновата…

Я вскочила, как была, нагишом. Помогло! Бредовая волшба с кровопусканием, навеявшая ассоциации с синей Гусеницей, курящей кальян на шляпке гриба (кланяюсь в пол гению Льюиса Кэрролла, профессора математики), она сотворила чудо! Очнулся! Слава Гусенице, Фтэрху и Старейшим!

— Как он? К нему можно?

— Тебе — да. Твое имя было первым, что он произнес. Так мне сказали. Это все, что мне известно, прости.

Я звонко поцеловала в щеку Арну, не замечая — или не желая замечать — странной поволоки в ее глазах.

— Тут остались еще мои платья? Надо бы подобрать что-то посимпатичнее.

Сердце пело: получилось!

Коридоры дворца с бесчисленными гобеленами, статуями, букетами живых цветов в вазонах и прочими красотами будто проносились мимо меня, а не я торопливо шла по ним. Не бежала лишь потому, что в платье и на каблуках неудобно бегать.

Шла к Брендону.

Все прочее перестало быть существенным. Криоги, предательства, друзья и враги, загадочные предсказания Дайр'Коонов, предостережения Стража-Предначертания. Все важное и не очень осталось за прозрачным, но крепким стеклом. По эту его сторону были серые глаза Брендона, и я что угодно отдам, только бы в них вновь заиграло весеннее солнце!

По дороге я успешно пресекла два покушения (обрушившийся на мою голову потолок буквально в дюжине шагов от моих

апартаментов едва ли был случайностью), и если с потолком пришлось повозиться, водворяя его на место и воссоздавая заново структуру вплоть до лепнины, то незнакомого служителя, вознамерившегося меня пристрелить, я, не мудрствуя, отдала на растерзание Фтэрху. Очень уж понравился дракончику приказ:

— Фтэрх, жги!

Разве могла я не порадовать крошку?.. Хотя сажа и копоть на белых стенах смотрелись потом не слишком эстетично. Перепуганного же до икоты душегуба пришлось зашвырнуть экстренным порталом в Ривал — охлаждаться и думать над своим поведением. Из доброты душевной выбросила я его не на стремнину, а к бережку, чтобы не утоп ненароком…

Будучи раздосадованной нежданными заминками, я едва не снесла телохранителей перед входом в покои Брендона (ничего, их позже наверняка откачали). Затем пришлось разгонять кудахчущий медицинский персонал, развивший бурную деятельность теперь, когда Император пришел в себя. Когда же укоризненно хмурящиеся медики покинули помещение, я пооткрывала все оконные панели, предварительно усилив внешнюю защиту, и только потом позволила себе встретиться взглядом с Брендоном.

До сих пор бледный, как оголодавший вампир, он уже не был пергаментно-серого цвета. Хорошо. Глаза, чуть печальные, но осмысленные. Видящие. Еще лучше.

— Пациент скорее жив, чем мертв, — констатировала я итоги осмотра.

— Да? Меня только что пытались убедить в обратном, — его голос был слабее прежнего, но все так же ласкал слух.

— Эти-то? Кто б сомневался… Ты больше слушай всяких изуверов, косящих под врачей — у них же во взглядах прямо плещется жажда убийства! — неся эту ересь, я пыталась его хоть немножко взбодрить. Боюсь, не особо успешно…

— Поможешь встать? Пока никто не видит.

Вместо ответа я подошла и протянула ему руку. Брендон — не из тех, кто может беспомощно лежать в постели в окружении гиперзаботливых медиков. Он — человек действия, и лишняя опека только угнетает его.

Он почти не опирался на меня, только вздувшиеся вены на шее выдавали его напряжение. И невнятно-бежевая хламида смотрелась на нем нелепо…

— Во что они меня обрядили? — задался тем же вопросом Брендон.

— Лучше не спрашивай. Клоунский костюм — и тот бы выглядел пристойнее.

Как же хорошо я его понимаю… Прямо как сестра-близнец.

Сестра. Пора бы уже привыкнуть к этому, и только этому, статусу.

Мы дошли до кабинета, в котором когда-то спорили с Рэйной о дате ее свадьбы с новоявленным Императором. Брендон грузно осел в кресло.

— Просить тебя принести мне одежду я не буду, — усмехнулся он.

— Вот еще! Сам сходишь, но сначала мы пообщаемся. Потерпи неудобства, пожалуйста.

Я присела напротив.

Это было бы слишком унизительно для тебя, знаю. Ведь и я, едва придя в сознание после операций, ползла за своей косметичкой. Никто не должен видеть твоей слабости, даже самые близкие. Ты — Император.

— Это ведь ты меня откачала? Мне кажется, я видел тебя во сне…

И снова сны! Не многовато ли?

— Угу. Он выдался у тебя долгим. Расскажешь содержание?

— Чем обоснован интерес?

— Сведения. Любая зацепка может указать на составителя проклятия.

— Сначала ты скажешь мне, как сняла его.

В голосе — решимость. Как ни странно, наша словесная пикировка давалась мне, здоровой и бодрой, гораздо сложнее, чем только-только очухавшемуся после комы Императору. А легкий налет недоверия на каждом его слове неприятно щекотал мне нервишки…

— В тебя влили с литр моей крови.

— Выходит, составитель знал тебя и твое первое имя. И у него была либо прядь твоих волос, либо недавно пролитая кровь.

— От Рэйны мое имя может знать пол-Империи. А без нее точно не обошлось, гарантирую, — дожили! Я оправдываюсь перед Брендоном! — О волосах и крови я поразмыслю, кто и когда мог раздобыть их. Теперь твоя очередь отвечать.

— Хорошо. Я помню, как лег спать. Это было спустя… подожди, припомню… да, спустя двадцать три дня по окончании собрания Малого Совета, на котором ты присутствовала.

О, я отлично помню Совет! Если нужно, могу привести цитаты.

— События того периода тебе пересказывать?

— Позже, — легкомысленно отмахнулась я.

Брендон вздохнул, чуть натужно. Белки его глаз отливали краснотой, заметной даже мне, с моим отвратительным зрением.

Он начал вещать, с хрипотцой в голосе и тоской во взгляде, а я слушала, забывая дышать, и очень живо домысливала…

Во сне он падал. Ввысь, в облака, серые, ватные, нескончаемые. Падал — и ждал, когда завершится падение, или хотя бы останется позади слой облаков, но напрасно… Пытался проснуться — и не мог, но решил не паниковать. Однажды посреди облаков он увидел меня, в руках у меня была белая стопка, он потянулся и взял из нее верхний лист. Писать было нечем, поэтому он пальцем начертил: «Помоги», — и показал мне. Я даже не шелохнулась. Тогда он смахнул ладонью буквы и постарался нарисовать свое лицо, ему показалось важным сделать так. Рисунок я у него меня забрала и исчезла вместе с облаком.

…Да, силу воли в нем не погасит никакое проклятие. Брендон пробыл в коме, в монохромном ужасе, дольше, чем я в стенах спутника, и сумел сохранить ясность мыслей. А это дорогого стоит.

И где, скажите мне, в каком закоулке неисповедимого, пересеклись наши видения, чтобы затем отразиться в моем бытии?..

— Эшти, выдвигайся. Вероятности сложились идеально, — просигналил Фтэрх.

Вовремя. Я поднялась и поцеловала Брендона. В лоб.

— Мне надо бежать. Скоро увидимся. Да, чуть не забыла. Не доверяй Хелину, сдается мне, он темнит, и происшествий, проходящих по его ведомству, чрезмерно много, а мер по их исправлению — шиш с маслом.

— Тебе нужен западный выход из дворца. Когда окажешься снаружи, выпусти на землю паука. Я помогу ему довести тебя до места.

— Договорились, сладкий мой, — съехидничала я, пытаясь скрыть охватившее меня смятение. Самой правильной эмоцией сейчас был бы гнев. Праведный.

Фтэрх, умное и тонко чувствующее создание, удержался от ответной реплики.

Ах вывел меня по мощеной янтарным и синим дорожке к знакомой беседке: в ней я сама себе выносила вердикт. Добраться до нее удалось почти без приключений…

Он выпал из дерева. Раскидистого такого, цветущего, похожего на яблоню. Мальчишка, похожий на Тода, с испуганными голубыми очами и лазером, неловко перехваченным левой рукой (наверное, правой он цеплялся за ветку «яблони»). Потряс головой, и неумело наставил на меня оружие.

Будь он постарше, поопытнее, это покушение (третье за день) могло бы стать успешным: я глядела под ноги, на паука, а не на садовые насаждения. А так — паренек только добавил мне моральных терзаний, право, не убивать же ребенка за глупость?

Я вздохнула, прищелкнула пальцами, лишая супостата средства изничтожения магичек (в моем лице), и с громким «хрясь!» разбила лазер все о ту же «яблоню». Телекинез мне давался легко с первых же дней освоения Силы. Обезоруженный убивец втянул голову в плечи, очевидно, ожидая от разъяренной жертвы участи, аналогичной той, что постигла лазер.

— Совсем с ума посходили со своими переворотами, — в сердцах сплюнула я, гадая, куда девать мальчугана. Ставить второй портал за день перед встречей с Рэйной я не хотела, расход Силы велик и неоправдан, Саркофаг у меня только один, и тот занят (я ведь задолжала блондинчику увлекательный экскурс в закрытое помещение, вот он нынче и релаксирует в гробике). — Из детей киллеров лепить!

«Киллер» ссутулился, насупился и тонким голосочком, надрывно так, пискнул:

— Моя смерть не будет напрасной! — и зажмурился, готовясь к немедленной и скоропостижной гибели. Какие мы, оказывается, патриотичные, просто Зоя Космодемьянская в брюках!

— Тебя пытать или сам скажешь, кто послал? — боюсь, подвига героической партизанки пареньку не повторить, так он испугался моей, в общем-то шуточной, угрозы.

— Ле-ди… Леди Рэйна, — трясясь, как осиновый лист на ветру, сдал заказчика моих внеплановых похорон убивец.

Я закивала, мальчик меня не удивил, как раз-таки при больном воображении Рэйны предвидеть подобный поворот сюжета можно было без обращения к гадалкам и высшим сущностям.

— И что мне теперь с тобой делать, горе ты луковое? — всплеснула руками я, мысленно насылая на Рэйну, которая так меня подставила, целый букет проклятий. Горе мялось в сторонке, не предпринимая попыток к бегству. Легкий вариант имелся только один: убить. Стирать память, делать ментальное внушение или просто проводить воспитательные беседы у меня банально не было времени. Эх, была не была! — Знаешь что, ступай-ка ты отсюда, и запишись что ли в армию, там тебя хотя бы научат правильно держать оружие.

— Правда?! — дитя просияло, не веря своим ушам.

— Ага. Злая ведьма тебя отпускает. Иди, и чтоб глаза мои больше тебя не видели! — я картинно нахмурилась, повела бровью, только что пинка для ускорения не дала, а он все стоял,

очумело уставившись на «злую ведьму», пока я наконец не рявкнула: — Бегом отсюда, чучело!

Парнишка ойкнул, отмер и побежал в сторону дворца. Я же утерла выступившие на лбу капельки пота (перенервничала, да, я вообще чувствительная и детей люблю), и потопала дальше по дорожке, на долгожданную встречу с прекрасной и кровожадной Леди Ивер.

— Я думала, ты объявишься раньше, — произнесла Рэйна. Длинные изумрудные ногти ее впились в мрамор с царапающим звуком. Маникюр в тон глаз и одеяния.

— Порой приятнее оттянуть удовольствие, — широко улыбнулась я в ответ. Конечно, она так меня ждала, так ждала, что посылала одного за другим гонцов, в надежде, что я поскорее явлюсь пред ее ясным взором!

— Ты собираешься убить меня? — отрешенно выговорила она.

— Отнюдь, — я покачала головой, поражаясь однолинейности мыслей Рэйны. Неужто кроме убиения ей вообще ничего на ум не приходит?.. Такое не лечится…

— Зачем же ты пришла? — сощурилась Леди Ивер в недоумении.

— Как вариант, поговорить по душам, — предположила я, улыбаясь еще шире и сердечнее.

— Наивная! Ждешь, что я стану тебе исповедоваться?

Она расхохоталась.

— Даже если ценой откровенности будет свобода?

Я действительно готова была отправить Рэйну на все четыре стороны и надеяться, что новых каверз с ее стороны не последует. Никакого обмана. Лишенная власти, титулов, помощников, Рэйна не будет представлять опасности для Империи.

У каждого должен быть еще один шанс, а милосердия не бывает много.

Колебалась она недолго.

— Пошла ты, — выплюнула она, добавив смачное ругательство на ирея. Куда подевалась недавняя отрешенность?..

— Как будто ты не знаешь, что я могу разговорить тебя без твоего согласия, — не оставляла попыток я.

Я не блефовала, способы имелись. От слияния она, скорее всего, защищена, но ведь есть и альтернативы. Только, боюсь, ни о какой свободе речи уже не пойдет.

— Чушь, — воскликнула она. — Ты можешь меня убить, но не заставить…

Фраза ее оборвалась, хоть она и не сразу осознала случившееся. Губы Рэйны продолжали шевелиться, но уже беззвучно. Тогда она закрыла рот и ошеломленно взглянула на меня.

Этот урок мне преподал призрак из края ветров и тумана. Горло Рэйны стянул тугой ошейник, и все звуки застревали на полпути.

Я хлопнула в ладоши, отпуская обвивавший Рэйну поток. Хлопок — скорее для пущего эффекта, чем по необходимости. Рассчитанное пижонство.

Рэйна глотала воздух, хотя дыханию ее ничто не препятствовало. Я ждала, пока она обдумает и взвесит возможные решения. Надо признать, страха в ней не было.

Ожидание затягивалось, каждая из нас буравила противницу взглядом. И тут я ошиблась.

— Также я могу гарантировать свободу твоему возлюбленному, бывшему Лорду Гейзелу, — сказала я, пытаясь подтолкнуть ее к верному, с моей точки зрения, выбору.

— Идиотка! — сорвалась на крик она. В глазах — маниакальные блики. — Да что ты знаешь о Валте? Видишь, я дарю тебе его имя! Ничего ты с ним не сделаешь, зато он сотрет и тебя, и эту никчемную Империю!

Я слушала, не делая попыток вмешаться.

— Тощая дура! Что ты можешь противопоставить мощи Валта?!

Неужели Гейзел и есть голос из кольца? Мощи Валта… Это не лишено смысла…

— Может, и ничего. Там будет видно. Только здесь его нет, и он не спешит помогать тебе. Как ты могла заметить, поблизости нет никого, кроме нас двоих.

Я чуть искривила истину, рядом непривычно молчаливый Фтэрх и некрупный, но смертельно ядовитый Ах, но знать о них Рэйне — лишнее.

Она еле слышно зашипела, точно змея перед нападением. А я тем временем неторопливо плела заклятье. Я начала его, едва завидев Рэйну, и теперь уже значительно продвинулась в его изгибах.

До определенного момента — заклятие обратимо. Но вот после….

Поэтому я не спешила. Пока.

— Зачем вам падение Империи, Рэйна? Ведь у вас было все, только пожелай! К чему отгрызать руку, которая кормит и гладит по шерстке?

Она буквально кромсала меня взглядом, кусая губы, словно и

хотела высказаться, и боялась.

— Чего вы хотите добиться? Я просто хочу понять.

Рэйна решилась. Утвердительно кивнула, поправила черный локон, взъерошенный ветерком.

— Чего? Свободы, только и всего. Для всех. Ты столь благостно вещала о свободе, которую стремишься нам подарить, а сама ничего не смыслишь в ней.

Я отрицательно покачала головой в знак непонимания.

— Я расскажу тебе притчу о садовнике. Ее очень любила моя мать. Садовник был молод и дотошно аккуратен. От прежнего садовника ему достался неухоженный, неопрятный куст, который, по словам его предшественника, потрясающе красив, когда расцветает. Первым делом садовник подрезал куст со всех сторон, приводя его в строгую форму. Затем, месяц за месяцем, год за годом, он срезал каждый побег, выбивающийся из заданной формы. И все удивлялся, почему куст так ни разу и не зацвел. Постепенно он свыкся с мыслью, что старик, завещавший ему заботу за кустом, попросту обманул его. Спросить было не с кого, старик давно почил.

— Я знаю, чем заканчивается твоя притча, — перебила я. — Садовник, сам уже в преклонном возрасте, бредет к какой-нибудь навозной куче и видит растение с изумительными цветами. Он подходит, восхищенный, и понимает, что это такой же куст, проросший из выброшенного побега, только его никто никогда не равнял.

— Довольно похоже, — ухмыльнулась Рэйна.

— Мораль с аналогией свободы прозрачна, но связи с Империей я не наблюдаю. Разве что вы стремитесь к воцарению анархии?

— Скорее, к праву на самоопределение.

— Бунтовщики всегда наносят на знамена красивые лозунги. А потом шагают по трупам.

— Ты не дослушала, — отмахнулась она. — У этой притчи есть более реальное воплощение. Точнее, было. Мы сделаем все, чтобы подобного не повторилось.

— Все больше наносного фанатизма, все меньше смысла.

Я начинала терять терпение. Если миленькая, но наивная притча хоть как-то развлекла меня, то теперешние бредни сложно оправдать чем-либо вразумительным.

— Излюбленным инструментом управления Сэра Хорина Атира было убийство. Физическое устранение недовольных. Таким образом он срезал выбивающиеся побеги.

Это было бы смешно, не будь столь бесстыдным. Заявление Рэйны, неправдоподобное и претенциозное, нуждалось в обосновании. Либо — в опровержении.

— Ты выбрала легкий путь, — выговорила я. — Оклеветать мертвеца. Убедительно своей невероятностью, и никто не оспорит. Удобно.

— Мне безразлично, веришь ты мне или нет, — пожала плечами она. — Я говорю правду. Могу молчать.

— Продолжай. Это не худший способ занять время.

— Тогда заткнись и слушай внимательно. За годы правления Сэра Хорина не произошло ни одной кризисной ситуации. Если отбросить единственное неудачное покушение, правление его признано наиболее спокойным за всю историю династии Дома Атиров. Это наповерхности. На деле блестящий дипломат был редкостным ублюдком. С момента, как его чело увенчала тиара со спиралью, не прошло и десятка стандарт-лет, как сменилась большая часть высокопоставленных чиновников.

— Что вполне естественно, — вставила я в образовавшейся паузе, пока Рэйна переводила дух.

Когда она говорила, я могу поклясться, изо рта ее вылетали сизоватые облачка пара, несмотря на теплую и сухую погоду, привычную для резиденции Императора. Изморозь и ливни — для других долин.

— Я же просила заткнуться, — без злости одернула меня Рэйна. — В тот же период около половины проконсулов — наместников Императора на планетах — обновилась. За редчайшим исключением, должность проконсула является пожизненной, либо до добровольного ухода с поста, скажем, в связи со здоровьем. В состав Империи входит сто восемьдесят четыре обжитых мира. Считай сама. Наместники погибали последовательно и внезапно, освободившиеся места наскоро занимались угодными Сэру Хорину людьми.

— Бездоказательно.

— Ага. Рекомендую тебе запросить статистику смертей в правящих Домах за последние сорок шесть лет, а потом суди, нужны ли вообще доказательства. Родителей Валта убили в их собственной постели, когда ему было семнадцать. Посланный маг усыпил всех в доме, кроме самого Валта и его матери, у них обнаружилась наследственная устойчивость. Жена проконсула пыталась звать на помощь, потому маг умертвил и ее. Никого не удивила одновременная гибель супругов от остановки сердца. Валта, нового Лорда Гейзела, всячески обласкал Император, а вскоре и назначил на должность отца, несмотря на юный возраст.

— И он ждал столько лет, что бы отомстить?

— Императора слишком хорошо охраняли, да и одной смерти его было мало. Требовались возможности, которые появились не сразу.

— И сообщники, — подсказала я.

— Называй, как хочешь.

— Ну а ты? — спросила я, переваривая историю семьи Гейзел — еще неизвестно, правдивую ли. — Какой у тебя повод ненавидеть Императора?

По рассказам Тайли, жизнь Рэйны с раннего детства была подобна постоянному катанию в малиновом сиропе; любые причуды, самые нелепые и дорогостоящие, немедля исполнялись за счет казны. В чем может она обвинить Сэра Хорина относительно себя самой — в недостаточной яркости игрушек, полученных на девятый день рождения?

— Я его дочь.

Однако! Поверить в массовое истребление Лордов и жесточайший геноцид на нескольких отдельно взятых планетках было бы проще. В разы.

Я даже поперхнулась от изумления.

Минутку. Рэйна родилась позднее Брендона, а у Императора может быть только один наследник, и после рождения мальчика, по идее, потомков быть не должно, так объяснял мне сам Брендон.

— Никто не стерилизует Императора, дурочка, — угадав мои мысли, сказала Рэйна. — А если с наследником что-то случится? Дети так подвержены болезням и несчастным случаям… Этот мерзавец… изнасиловал мою мать, напившись. Охоч он был до алкоголя и красивых женщин. Тварь!

Глядя на Рэйну, легко представлялась исключительная внешность ее матери. Но поверить заявлению в духе «Хроник Амбера» я не могла, с Рэйны станется солгать мне, попытаться запутать и пробудить сопереживание… А Огненного Пути[26] нет, и не проверишь…

Температура моего неверия неуклонно возрастала, все сильнее уподобляясь пузырящейся лаве в жерле вулкана, и тем настырнее тщилась я выявить причину настолько примитивной лжи.

Протянуть время, ослабить внимание?

Его-то (времени) как раз остается все меньше, немногое отделяет заклятие от порога необратимости.

— Если то, что ты говоришь, правда, Брендон — твой сводный брат. Как мог Сэр Хорин желать вашего брака с ним, да что там, ты же сама настаивала на ускорении свадьбы?!

— С чего ты взяла, что он знал о своем отцовстве? Познай

он, что у него есть дочь от кухарки, меня бы тут не было. И вообще нигде не было. Он исправил бы оплошность, не раздумывая. Жизнь ничего для него не стоила, кроме собственной, и, пожалуй, Брендона, как наследника. Он ведь заставил жену, Императрицу, наложить на себя руки, и ты об этом знаешь!

Зернышко истины… Ларта Атир покинула этот мир самостоятельно, вскоре за неудачным покушением на мужа. Кто помог ей принять такое решение? А если вспомнить рассказ Тиора о подавлении мятежа на Зинерии III, о «смерти» от кровоизлияния в мозг проконсула планеты, становится страшно… Стоп, именно этого и добивается Рэйна: чтобы я начала сопоставлять домыслы и факты, а в бурлящий котел с подобной смесью можно досыпать любые ингредиенты, и скармливать мне по ложечке получившееся варево.

— Я же… да, я торопила свадьбу, — продолжила Рэйна. — И собиралась родить от него сына, а затем… нейтрализовать Брендона. Такой расклад автоматически ставил бы меня во главе Империи, а сверху значительно легче предварять в жизнь право на самоопределение отдельных планет.

Меня передернуло.

— Это же кровосмешение… так мерзко…

— Всегда приходится чем-то жертвовать, — пожала плечами она. — Но ты в любом случае помешала нашим планам. Чтобы спастись самой, я была вынуждена распорядиться на счет Брендона раньше… Заметь, не убить, а только усыпить.

Я украдкой сжала кулаки. Бездушная стерва!

— Что кривишься? Он не оставил мне выбора, охотился за мной, намереваясь отомстить за папочку! Я собиралась воспользоваться банком… для оплодотворения… но там ничего не оказалось… только от… нашего… отца. И я не смогла.

Рэйна резким движением опустила голову.

Не смогла она…

— Зачем ты говоришь мне это? В столь… интимные подробности я не просила вдаваться.

Диалог утомил меня. Заклятье рвалось из моих рук, точно хищная птица. Удерживать его и дальше было нельзя, следовало либо направлять на жертву, либо разрывать, а разрыв аукнулся бы мне такой болью, что проще добровольно взойти на дыбу и дать палачу волю фантазии. Тем не менее, я допускала возможность этой боли, все зависело от ответа Рэйны на завершающий вопрос, при всей его неприкрытой брезгливости.

— Обличить изнанку красивых декораций, — подумав, проговорила Рэйна. — Тебе следует знать всю картину, а не

цензорскую редакцию, чтобы выбирать с открытыми глазами. Выбирать сторону, за которую стоит сражаться.

«Поднимите им веки, пусть видят они, как бывает, когда слишком много в крови[27]»…

Серебра?.. Желчи?.. Я не хочу знать, каков запах твоей крови, Рэйна. Ты так пылко ненавидела меня, алкала насладиться зрелищем моих поверженных останков, а теперь предлагаешь выбор?

Выходит, тебя бросили. Как кость, чтобы встала поперек глотки врагу. Но — бросили.

Умирать. В одиночестве и роскошных одеждах.

В саване бессильной ярости.

И ты, непреклонная в своей гордыне, готова на коленях умолять меня… нет, не о пощаде, о помощи, не задумываясь — или не смея даже помыслить, что мой выбор давно предрешен. И он — не в твою пользу.

И готовность твоя — последний аргумент, подтверждающий то, что я поняла, едва встретившись с тобой взглядом.

Оникс в твоем перстне — мертв.

Грандиозное было зрелище. Особенно — учитывая силовые поля, заграждающие доступ всему инородному в пределы обители Императорской семьи. Особенно — учитывая потрясающий климат-контроль, исправно функционировавший здесь в течении столетий.

Край постоянного раннего лета не ведал таких катаклизмов.

Когда, игнорируя все преграды, воздух подернулся дымкой, было еще спокойно. Затем бледную желтизну неба заволокли непроглядно-черные тучи. Свет Капеллы едва пробивался сквозь них.

Я шагала к дворцу, навстречу разномастной толпе, выкатившейся на улицу. Я знала, что увижу их, обомлевших, ошарашенных — всех — от рядового персонала до высокородных Лордов.

Они вышли, чтобы узреть чудо. А я от него удалялась.

Потом тучи пришли в движение, чтобы исторгнуть длинную ломаную молнию. Только одну.

Разноголосое цельное восклицание — звуки слились в невнятный гул — затопило мое опустошенное сознание.

Грома не было. Зрители ждали продолжения чудес, и я не смогла обмануть их ожиданий. Распахнула ноющую опухоль век.

Тучи разверзлись градом.

Безликие овалы, пелена крупных градин, мелькание крыльев Фтэрха — он пытался вкачать в меня Силу. Тщетно.

Я пуста. Добровольно.

— Зачем до капли? Зачем, Эшти?! — сущность иного порядка практически билась в истерике. — Зачем?!

Вот она — истинная человечность.

Спасительное забытье, прежде благосклонно распахивавшее объятья, теперь не приходит. Время самооправданий и слабостей вышло. Пора отвечать за свои поступки. Осознанно.

— Чтобы помнить, Фтэрх. Всегда.

Сейчас я беззащитнее младенца. Силы — ноль.

— Ты ведь могла поступить с ней иначе.

— Могла. Но так — правильно.

Идти. Нет, переставлять ноги. Хорошо б побыстрее…

— Не все, что она говорила — правда, Эшти.

— Знаю. Ты мог сказать раньше. Только… Не думаю, что это бы что-то изменило.

— Леди Калли?

Очередной встречный овал обрел голос Сэра Ивенса.

А ведь были шансы добрести до спальни… Или до очередного убийцы.

— Мы можем поговорить? Это срочно.

Я кульком завалилась на землю. Различать, по какой поверхности я бреду, мои почти ослепшие глаза были не в состоянии.

— Кофе! — изрекла я.

Сначала — бодрость тела, раз уж о бодрости духа речи быть не может.

— Незамедлительно. Отдаю себе отчет, что мое появление несвоевременно, и приношу извинения, но причины, вынудившие разыскать вас, весомы и не терпят отлагательств.

Чьи-то теплые пальцы вложили в мои ладони чашку с ароматным напитком. Горячим, но не обжигающим. Как я люблю. Отхлебывая кофе, я заторможено приходила в себя.

Только зрение никак не нормализовывалось…

— Еще, пожалуйста, — сказала я, протягивая опустошенную чашку в неразличимое. — Я готова выслушать вас, Сэр Ивенс.

— В первую очередь я хотел бы…

Он осекся.

— Спасибо за Брендона, — отбросил он цветистость речевых оборотов, и сразу стало легче ему внимать. — Что бы там ни

говорили о… методах.

Мне передали повторный кофе.

— Теперь о срочном. Сегодня с Македонии поступило сообщение…

— Дурные новости? — попыталась иронизировать я.

— Более чем. Планетарная система Македонии окружена кораблями криогов количеством… более ста единиц.

Я переварила информацию. Ивенс-Атир не стал бы утаивать сведения, неточность говорит о недостатке данных.

— Они нанесли серию точечных ударов по планете, уничтожив всю возможную защиту. Это то, что успели передать на Консул I. Затем с Македонией пропала всяческая связь.

— Все? — переспросила я.

— Совсем недавно поступило последнее сообщение. По сути — ультиматум.

…Нападение криогов на Империю начнется раньше намеченного срока, и первый удар придется на Македонию… сбежал осужденный Гейзел, лишенный титула Лорда и должности проконсула Македонии…

…То, что находится внизу, подобно находящемуся наверху и обратно, то, что находится наверху, подобно находящемуся внизу, ради выполнения чуда единства…

— В сообщении фигурировал Валт Гейзел?

— Именно, — ни тени удивления в голосе. — Суть ультиматума сводится к следующему: Империя отказывается от претензий на Македонию, та становится протекторатом Оплота Кри под управлением Гейзела. Все миры, добровольно желающие также перейти под покровительство криогов, будут сохранены в целости. В случае оказания сопротивления, ответственность за уничтожение планет и истребление гражданского населения всецело ляжет на Империю.

— Бескровная экспансия и лидер-человек во главе поглощенных миров?.. Идея не оригинальная, но вполне жизнеспособная. К сожалению.

— Согласен. Подавить нас силой криоги уже пытались и не преуспели. Если планеты начнут отделяться от Империи, придется воевать с людьми.

— Неприятная перспектива.

Третья чашка кофе пришлась к месту, мысли начали стройнее выстраиваться в голове. Сильный план, Валт, своевременный. Предполагалось, что на момент озвучивания заявления Император будет походить на сухофрукт, его названная сестра — сиречь Ирина — нарезать круги в утробе летучей тюрьмы, надежно спеленутая и безобидная, а Императорский Совет

испугается риска.

Империю ожидал бы крах…

Отличная задумка, Валт. Но почему же ты бросил Рэйну? Она сыграла свою роль, и фигуру можно сдвигать с доски, или ты настолько уверен в своем успехе?..

— Сэра Брендона уже поставили в известность?..

— К племяннику я отправился в первую очередь. Он еще недостаточно окреп, но он глава государства. И уже он направил меня к вам, так как вы больше других знаете о криогах.

— Я уже объясняла, Сэр Ивенс, мои сведения о них имеют колоссальные пробелы, что возвращает нас к необходимости расконсервации «Странника». Для принятия решений потребуется всесторонний анализ.

— Указания отданы, корабль полностью восстановят к завтрашнему закату, срочная транспортировка членов экипажа завершится через двое суток. Но было бы предпочтительно, чтобы стратегия наших последующих действий была определена раньше. Поступивший с Македонии ультиматум имеет ограничение по сроку исполнения.

— Следовало упомянуть об этом в начале беседы, Сэр Ивенс. Сколько? — пальцы, принимающие у меня пустую чашку, дрожали.

— Десять стандарт-дней. Мерзавцы знают, что за столь малый срок Империя не сумеет собрать, вооружить и перебросить флот, способный смести криогов. А при затяжных боях они, несомненно, выжгут Македонию. У нас слишком давно не было войн.

Приглушенный удар. Похоже, что посудина, помнящая прикосновение моих рук, свалилась в траву.

— Если через десять дней ответа от Империи не последует, что они могут предпринять?

— Захватят планету. Для себя. Предварительно… очистив ее от людей. Это криоги отметили отдельно.

— Тод! Бедный мальчик, он сейчас там… Леди Калли, спасите моего брата!..

— Черт, черт, черт! — я ругалась, пиная мебель. — Я должна пожертвовать ребенком ради высших интересов?

— Я не вправе отвечать на этот вопрос, — Фтэрх был откровенно подавлен. Решать — мне. Без подсказок. И отвечать — тоже мне.

— Что за дрянь с моими глазами?! Или ты и тут «не в праве»?

— Отторжение. Изначально они изменились от мощного

выплеска светлой Силы. Затем произошло замещение. Но окончательно контроль над ними ты утратила, сбросив весь внутренний резерв Силы.

— Бунт на корабле? Крысы сбегают первыми? Мог бы предупредить.

— Ни одна нить не вела к твоему полному опустошению, воздействие на Рэйну не должно было оказаться столь затратным, а уж сливать последки Силы на балаганный номер с градом…

— Фтэрх, без нравоучений. Зрение вернется?

— Возможно. Я не вижу вероятностей ни за, ни против.

— Очаровательно! Значит, мне с этим жить? Без иного зрения, не видя потоков, и с размытым обычным зрением?

— Не хочу тебя зря обнадеживать.

Кризис внешний и кризис внутренний… Как расставлять приоритеты?

— Необязательно видеть потоки для управления Силой. Можно научиться чувствовать их колебания.

— Каким образом?

— Подключи воображение.

Сквозь слабый аромат знакомых духов — запах смирения. И боли.

Ей уже втолковали, что судьба маленького мальчика пред судьбами миллиардов подданных Межгалактической Империи подобна свече на фоне горящего леса. Так же пылает, но поди различи…

И она смирилась.

— Девочка моя, распрями плечи. Я постараюсь выручить Тода.

Я не видела Арну, но слышала в отзвуке ее шагов скорбную опущенность плеч и шелест пожухлой полыни.

— Ирина, я…

Полувздох-полувсхлип.

— Ты рано оплакиваешь живого брата. Да и напрасно.

— Спасибо за твои слова.

Не верит. И разревется — не сейчас, так ночью. Но дать больше, чем шаткая надежда, я была не в силах. Произносить клятву о спасении ребенка, когда сама почти калека, можно лишь от отчаяния и без веры в исполнение.

А я так не умею.

— Я не о брате пришла просить. Сэр Брендон желает тебя видеть.

— Сейчас?

— Нет. Завтра в удобное тебе время. Как я поняла, для крайне важного разговора.

— Теперь не бывает иных…

Хорошая моя, бессловесное горе твое и меня разрывает на части!

— Почему ты убила Рэйну? Ты ведь не палач.

Откуда такие вопросы, девочка? Не это гнетет тебя…

— С чего ты взяла, что она мертва?

Оторопь. И снова — неверие.

— Пожалуйста, найди для меня отрез плотной материи, Арна.

— Зачем?!

— Искоренять слабости.

День 118.

Нет света. Нет звука. Нет времени.

Путь свету преградила ткань повязки на глазах, звуковую блокаду организовал Фтэрх, а время само растворилось в беззвучной темноте.

Ничего внешнего, полная отрешенность.

Сила — рядом, надо лишь поглотить. Я страждала ее, как страждет избавленья осужденный на казнь. Сосредоточиться.

Испарина. Не отвлекаться. Очертить контур, шагнуть в него. Слиться с ним воедино. Пальцы заменят глаза. Сама кожа, влитая в контур, их заместит.

Тонкой иглы укол. Есть! Небольшой поток. Темный. Густая синь, которую не различили глаза. Главное — не спешить, впивать. Раздувая ноздри, отключив остальные чувства. Поглощая Силу, насыщаясь.

Облегчение.

Уже не калека.

— Ты звал меня, и я пришла.

До кипарисовой аллеи, где ждал меня Брендон, меня проводила Тайли. Подвела к скамье, на которой сидел Император, поклонилась и пошла прочь.

Я все еще плохо различала окружающее, но силуэты стали немного отчетливее.

— Присядь, пожалуйста.

Его лицо я видела до предела явственно, но не глазами. Сердцем.

— Леди Ивер больше не будет докучать нам?

— Нет. В твоем саду появилось малахитовое изваяние.

— Ей всегда шел зеленый.

Убаюкивающий шорох листвы нашептывал оду безмятежности…

— Ты позвал меня не за этим.

Чуть поодаль щебетала птица.

— Ты права. Но принять решение и озвучить его — два далеких полюса.

Ветерок щекотал мои обнаженные руки. Платье выбирала Арна, ее тонкие пальцы были подобны льдинкам…

— Переломный период. Все принимают сложные решения. Такое уж время, Брендон.

— Ирина, я прошу тебя стать моей женой и Императрицей.

Шум. В ушах, в висках. Глухими ударами молота отстукивало сердце. Удар, еще удар… Брендон, душа моя!

«Да!» — почти сорвалось с моих губ. Почти.

— Почему?

Я ведь должна парить от счастья, смеяться и плакать, осыпать его поцелуями…

Тук. Тук. Тук. Отзвук в затылке. Смятение.

— Никто другой не сможет лучше возглавить Дом Атиров.

И ни слова о чувствах… Не звенят колокольчики, не танцуют в сердцевинках лилий сказочные эльфы, оркестр не играет романтических сонат. Даже птица — и та замолкла.

— Ты… очень дорога мне, Ирина.

Я дорога ему… Он никогда меня не полюбит, но я смогу быть с ним рядом, смогу защищать его.

Но где радость?..

— Брендон, что произошло в ночь, когда на тебя подействовало проклятье? До того, как ты уснул. Только начистоту, прошу тебя.

— Я был… с женщиной. Но я почти ничего не помню.

Он сконфужен, но честен.

А женитьба Императора — дело государственной важности.

— Арна! — выкрикнула я. Вкупе с криком послала слабенький импульс. Чтобы наверняка.

— Рэйна хотела родить от тебя ребенка и править от его имени. Она бы опоздала. Твой наследник уже зачат, Брендон.

Я скорее почувствовала, чем услышала приближение Тайли.

— Не на мне ты должен жениться.

Я поднялась со скамьи и зашагала вглубь сада, не разбирая дороги. Туда, где щебетала птица.

— Как ты догадалась?

— Разула глаза, Фтэрх. Едино, что они ничего не различают.

— Поясни?

— Слова Старейших. «Он принял проклятие из рук того, кому доверяет. Оно было жидким. Тот, кто принес его, действовал не из ненависти, но из любви». Девочка хотела влюбить в себя Брендона, и не могла знать, что к ее напитку добавят чуждые составляющие.

— И все же, твое умопостроение чересчур сложно для человека.

— Не так много тех, кому бы доверял Брендон и кто любил бы его. Она влюблена в него с детства, и она — одна из тех, кто проверяет еду и питье Императора на безопасность. Когда я только очутилась здесь, Брендон поручил ей заботу обо мне. Да и сама Тайли пыталась признаться в содеянном, когда приходила сообщить о выздоровлении Брендона.

— А о ребенке?

— Видение в рамке на каменной глыбе. На ее коленях сидела Миара, а она признает только Брендона, да еще меня. К Арне она могла прийти, только ощутив в ней частицу хозяина.

— У тебя и впрямь душа Дайр'Коона.

— И ум. Жаль, я редко им пользуюсь. Ой, склеротичка я имбицильная, у меня же террорист в гробу мается, пора бы извлечь!

Я наскоро замкнула контур прямо посреди комнаты, навесила на помещение все доступные заклинания против прослушивания и подглядывания. Фтэрх помог, подпитав Силой костяк сооружения. Убедившись, что все готово к приему дорогого гостя, я вызвала из теней Саркофаг. Пролистав в памяти список вопросов к блондинчику (их немало скопилось, одни перстни с ониксами чего стоят), разомкнула замки.

Уфф… Позыв избавиться от скромного завтрака прямо здесь и сейчас, с горем пополам, но удалось сдержать. Я ошиблась в расчетах. Блондин не был магом, а воздухоснабжением снабдить Саркофаг мне в голову не пришло. И, как наглядная иллюстрация к явлению «колдунья неопытная, торопливая», из недр Саркофага на светлый пол вывалился весьма несвежий труп.

И, в довершение трудного дня, вместо долгожданного допроса, я была вынуждена упрашивать Дайр'Коона уничтожить «благоухающее» смрадным духом тело, а также спешно распахивать окна, дабы выветрить из помещения вонь…

Странно, но совесть не издала и писка, хотя при моем попустительстве умер человек, пусть и не невинный. Вот

сведений упущенных (к данному субъекту я не постыдилась бы применить ментальные пытки, затейливые и разнообразные) было откровенно жаль.

Перед отлетом я повторно встретилась с Сэром Ивенсом-Атиром, на сей раз с глазу на глаз, поделилась опасениями касательно Лорда Хелина и бездействия подотчетных ему спецслужб, рассказала о покушениях на себя любимую, а также предупредила насчет носителей колечек с ониксом. Выслушав меня, проконсул Вельзевула схватился за голову и выдал матерную сложноподчиненную конструкцию на полтора листа мелким шрифтом, за что я его невольно зауважала — даже мой воспаленный рассудок такого рода образов не рождал…

— И это стадо винторогих баранов называет себя «оплотом государственной безопасности»! — в довершение, уже вполне литературно, припечатал он тайную службу. В устах Сэра Ивенса, человека крупного, как телесно, так и статусно, звучало все вышесказанное очень и очень внушительно.

— Проблемы в стаде, как правило, начинаются с пастуха, — наплевав на манеры (после таких-то реплик от собеседника!), предположила я. — Если вместо работы тискать служительниц по дворцовым альковам, то и от подчиненных ждать трудолюбия не приходится. Служба изнежилась, превратилась в скопище дармоедов с привилегиями, и чего им не хватает — так это хорошей встряски.

Сэр Ивенс опустился в кресло, и обжег меня крайне внимательным взглядом. Стало несколько неуютно, я вся подобралась, но глаз не отвела. Мне-то скрывать нечего, я ни в каких заговорах не замешана.

— Это уже становится скучным, но я снова с вами согласен, Леди Калли, — он покачал головой. — Лорд Хелин либо изменник, либо бездельник, и неизвестно еще, что хуже. За первое его следует казнить, и это неприятно, но многое упрощает, а во втором случае выбор значительно шире. Так не вовремя, Македонский ультиматум, война… А мы вынуждены решать кадровые вопросы!

— Не думала, что когда-либо скажу подобное, но война как раз-таки кстати, — я злобно усмехнулась: у меня родилась идея, как подложить свинью Хелину. — Чем бы не закончилась ситуация с Македонией, на ней война не завершится. Расширьте круг обязанностей тайной службы, пусть примут участие непосредственно в боевых действиях. Разумеется, в первую очередь — глава организации. Чрезвычайная ситуация, как-никак.

— А если Лорд Хелин откажется? — заинтересованно уточнил дядя Брендона. Кажется, задумка моя нашла отклик в его сердце.

— У вас будет повод усомниться в его верности Империи, — торжествующе улыбнулась я. Ведь знатная получается свинка, как ни крути! — И основание для проведения многоступенчатых допросов.

На сей раз взгляд проконсула был еще дольше и внимательней. По сути, ему, дипломату со стажем, высочайшему Лорду по праву рождения, диктовала методы управления государством — девчонка без роду и племени. И что совсем парадоксально — он с этой приблудной девчонкой соглашался!

— Я аплодирую вашей изобретательности, Леди Калли, — произнес наконец Сэр Ивенс. — И радуюсь, что вы не причисляете меня к своим врагам. Участь их незавидна. У меня только один вопрос: вы доверяете мне или весь сегодняшний разговор — проверка моей лояльности? Было бы логичнее с вашей стороны высказать те же соображения Императору.

Я же в ответ явила политику самую теплую и лучезарную из арсенала своих улыбок, и напряжение мое (ох, как мне не хотелось ошибиться, а риск был) выдавал лишь легкий прищур глаз.

— Я вам верю. Если б вы были причастны к попытке переворота — одним ясным утром медики просто-напросто нашли бы труп в постели Императора. Не множьте сущностей без нужды, Сэр Ивенс, я говорю именно с вами потому, что ваш племянник три дня, как вышел из комы, и у него достаточно причин для волнений, а я не вижу рядом с ним никого, кто мог бы помочь ему лучше, чем вы.

Он глубоко вздохнул, поморщился, как от зубной боли, и кивнул.

— Будь по-вашему. Мое первое имя — Грэм. Доверие в наши дни — товар баснословно дорогой, а я предпочту видеть в вас союзника, нежели соперника.

Он поднялся из кресла и протянул мне руку.

Я подалась ему навстречу, принимая рукопожатие.

— Ирина. И вы только что сняли тяжеленный груз с моей души.

День 119.

— Как же я рада вас всех видеть!

По правде, я была едва ли не сильнее рада самому факту —

видеть, пусть пока неполноценно, боковое зрение до сих пор почти на нуле, да и удаленные объекты для меня не яснее цветных бликов, но все лучше недавнего.

Однако уроков работы с потоками с повязкой на глазах я не прекратила. Нащупать единственный поток — далеко не предел мечтаний. Вот научусь полноценно оперировать Силой, не опираясь на костыли визуального — урежу тренировки.

Встреча с командой «Странника» прошла даже теплее, чем я ожидала, словно большая семья снова собралась под одной крышей. Если исходить из цифр, то кают-компания вместила сорок восемь человек, но какими мерами исчислять душевное тепло, взаимное доверие и удивительно дружескую атмосферу, что царили в тесном для такой толпы помещении?

Тиски неуклюжих объятий Альдобраста, рукопожатие и подмигивания Тиора (напоминание о нашей попойке), обмен поцелуями с Нильдой (целовали друг дружке щеки, а не воздух), галантный поклон и улыбка Флинера… Бесценные воспоминания.

Нет, все-таки была одна накладка.

Койт. Точнее, высокая брюнетка рядом с ним.

— Это Леа, моя жена, — представил брюнетку мой недавний любовник.

— Рада знакомству. Поздравляю!

Улыбка далась легко, я пребывала в отличнейшем настроении.

— Только наш поезд скоро тронется, просьба пассажирам занять свои места, а провожающим — освободить вагоны. Спасибо за внимание, не смею задерживать.

— Ирина, Леа отправится с нами. Как член экипажа. После… потери Ирнальда у нас… неполная команда.

— Дама заменит Ирнальда? Полагаю, она такой же превосходный стрелок, и обладает отменными физическими данными?

Потери Ирнальда… Весьма тонкая формулировка. Скользкая.

— Нет, — опережая супруга, подала голос сама Леа. Голос сладок, аки прогорклый жир.

— В таком случае, потрудитесь растолковать, чем вы можете быть полезной команде?

Девушка фыркнула. Ох, и везет же мне на брюнеток! Стоило обратить в статую одну, как волею небес заявляется новая. А анекдоты травят исключительно о блондинках…

Тем временем Леа предпочла, не злоупотребляя объяснениями, продемонстрировать свои умения, метнув в меня ураганчик — завихрение светлого потока, в высшей степени болезненное и даже смертельное, если вложить в него достаточно

Силы. Если.

Я сдержала усмешку, перехватывая вихрь и распыляя его под потолком. Салютик из золотых и бледно-голубеньких искр получился на загляденье. Мне вспомнились бенгальские огни, поджигаемые под бой курантов над бокалами с шампанским, мандаринками и счастливыми лицами.

— Что ж, раз Леа с нами, мое присутствие на звездолете представляется не особенно ценным. Пора мне на покой. Ой, чуть не забыла!

Я закрутила два темных потока, проделала серию чисто показательных пассов и материализовала перед девушкой надтреснутый горшочек с запыленной фиалкой.

— На свадьбу принято дарить цветы.

Не интересуясь боле судьбой своего презента, я отправилась дальше. Обмениваться приветствиями менее язвительного свойства.

— Мне ее вышвырнуть? — Тиор дотронулся до моего плеча, привлекая внимание. — Но тогда, боюсь, мы можем лишиться и Койта.

— Пусть живет, — махнула рукой я. — Надеюсь, ей хватит ума не путаться под ногами.

День 126 (по ст. исч-ю).

Переливы шелка пены морской и облачная проседь свыше. Сумрачные небеса, кажущиеся шершавыми, и неизменный бег волн.

Неизменный.

Все может быть изменено.

Все может быть… уничтожено.

Россыпь алмазной пыли вместо песка.

Как явственно помнила я предание о том, кто шагал по такой вот пыли босыми ногами. Стопы его были изрезаны, иссечены до костей, но он шагал, оставляя кровавые следы, с высоко поднятой головой. Несмотря на боль пустых глазниц на месте выжженных очей, заполненных алмазной пылью[28].

— Что это еще за дрянь?! — Леа выбралась из капсулы.

Мне удалось удержаться от комментариев, что или кто, на мой взгляд, лучше всего подпадает под определение дряни, особенно, после устроенной дражайшей Леа истерики, направленной на утверждение ее в составе отряда,

отправляющегося непосредственно на Македонию.

Ана превзошла себя, исхитрившись провести «Странник» через четыре кольца оцепления криогов в планетарной системе и перебросить капсулу в безопасность прибрежных скал, обрамляющих громадность океана.

В алмазную пыль.

— Умничка, Ана. Спасибо, — шепнула я в кулон. Он не активирован, но при составлении отчета Ана наткнется на мою благодарственную реплику. А как не сделать приятное подружке?

Хруст под ногами. Скалам недоставало разбитого галеона, заросшего тиной, с просоленными деревянными боками…

…И губы жжет подруги поцелуй, пропитанный слезой[29]…

— Тиор, ты знаешь, что делать, — я улыбнулась капитану. Детское соперничество наше кануло в лету.

— Да, Ирина, — кивнул Тиор, и начал раздавать указания. — Альдобраст, Нильда — подготовьте операционную. Флинер, Листенн — передовой отряд, в прикрытие — Койт. Один криог, как обычно. Быстро и тихо. Направляю вас я, дистанционно. Ирина, продержишь защиту над периметром?

— Конечно. Флинер, не жалей Силу на Коконы, тебе сегодня менять ориентацию, — попросила я.

— Как скажешь, милая.

Ни одного ехидного смешка. Желтоглазому магу вскоре предстояло сойти со светлой тропы на неприглядную стезю мрака. Мне могла понадобиться его помощь.

— А я? — подала голос моя головная боль.

— Что — ты? — откликнулся Тиор.

— Что делать мне? — Леа приняла вид оскорбленной невинности, и вполне правдоподобно.

— Хм. Можешь помочь Альдобрасту и Нильде…

— Нет, — оборвала Нильда. — Мы справимся. Оборудования девушка не знает, а второй операционной у нас нет. Стажировка в другие дни.

Тиор призадумался. Задерживать команду из-за таких пустяков, как поиск занятия для амбициозной девушки, он не привык.

— А сооруди-ка поесть на всех, — предложила я. — Наверняка мы проголодаемся, особенно после вскрытия.

— Чего?! Какого…

Давненько я не видела таких круглых глаз, даже в аниме…

— Обыкновенного, — невозмутимо ответил Альдобраст. — Сегодня я работаю патологоанатомом. Позволишь опустить подробности?

— Д-да…

Хрустели блестящие барханы, хмурился барашками пенных гребней океан.

Наверняка, грядет буря.

— Леа, муза моя, мы здесь не для паломничества по историческим местам или памятникам архитектуры сей, вне всяких сомнений, достойнейшей планеты. Здесь — враги. Нам нужно их убить. Всех. Не причиняя вреда людям. А людей на Македонии около семи миллионов. В основном — мирных жителей. И для того, чтобы они не пострадали, Альдобрасту придется вскрыть криога. Одного. Вероятнее всего, наживую.

Отповедь моя повисла в воздухе, наравне с солоноватыми брызгами. Я стояла на самой кромке, между прибоем и сушей.

Леа содрогнулась перед тем, как убежать за ближайший булыжник, испещренный солевыми вкраплениями. Какие звуки оттуда донесутся, я угадала заранее.

— Работаем, — резюмировала я, раскидывая руки, дабы сотворить Покров Сумрака.

Сегодня стемнеет раньше.

И мы увидим, отражаются ли под пологом ночи в крупинках алмазной пыли звезды.

— Очень уж он там долго, — пожаловалась я Флинеру. Так уж сложилось, что до сих пор у нас не выпадало возможности пообщаться с глазу на глаз с Глядящим-сквозь-Время.

— А как ты хотела? — усмехнулся он. Доставку криога для анатомирования команда восприняла совершенно спокойно, только Леа испуганно шарахалась от каждого шороха. При том, что операционная была погружена в изоляционный пузырь, исключающий проникновение наружу любого звука.

— Я никак не хотела. Просто волнуюсь. Хотела… Скажешь тоже. Ты когда последний раз поступал так, как тебе хочется?

— Давно. Не суетись, милая, жернова уже вертятся, вспять не развернуть, а ускорять неизбежное — все равно, что требовать от виноградной косточки сразу стать лозой и начать плодоносить. Всему свой срок, и, пытаясь его сократить, ты рискуешь упустить нечто важное.

— По-твоему, я что-то упускаю? Слишком тороплюсь?

— Нет, милая. Ты все делаешь правильно. Только нервничаешь напрасно, — он положил руку мне на плечо. Ободряюще.

— Уговорил. Стану мумией, заползу в свой саркофаг и не буду дергать друзей. Флинер, я… прошла свой Рубикон?

Не сразу, отнюдь не сразу, уловила я связь между

предостережением Флинера о дарах, что не следует принимать, и предложением Брендона. Щедрым, как осуществление мечты.

— Более чем. Прости, что просил у тебя такого…

— Ничего ты не просил. И прав был… во всем прав.

— Знаю, — невесело отозвался маг. — Не первую сотню лет живу.

Я решила не встревать, ожидая продолжения.

— Я ведь тоже когда-то любил… что называется, до потери рассудка. Эвина была смертной — я не бессмертен, конечно, но срок моей жизни и ее был несопоставим. Она была не без способностей, но не Творцом, нас же так мало… Как я ее завоевывал! Наследный Лорд Руах — и не мог добиться взаимности от простой девчонки! Добился, разумеется… Чтобы бессильно наблюдать, как она стареет и умирает на моих руках. Для меня она всегда была юной, но во взгляде ее я читал укор. «Я вынуждена дурнеть и разваливаться на части, а ты, такой могучий, ничего не можешь противопоставить снедающей меня старости», — говорили ее глаза. Эвина умерла больше двухсот лет назад, но для меня — это было вчера.

— Она тебя любила?

— Нет. Позволяла любить себя. Давай замнем?

С резким хлопком лопнул пузырь, выпуская Альдобраста, забрызганного кровью. Очень темной.

— Все! — выпалил он. — Тушка разделана, можно готовить ужин.

— Циник… Спасибо.

Ключ к заклинанию подобран, осталось только воплотить.

Ключ к спасению семи миллионов человек. Только вот семь миллионов абстрактны, а гибельный черный снег отзовется явственными кошмарами и потоками крови — на моих руках. Очень темной крови таких же живых существ.

Ради выживания одного вида истребляется другой.

— Не могу, — сквозь зубы простонала я. Так, чтобы не слышал никто.

— Все много сложнее, Эшти, — попытался утешить Фтэрх.

— Македония — лишь первая песчинка в круговороте бури. За ней последует череда других планет. Других убийств. Слишком много для меня…

— Без твоего вмешательства жертв будет на порядок больше. Выбирай.

Рационализатор, мать его… драконихy!

— Сволочь… Порой я тебя ненавижу.

— Верю, Эшти. Я буду держать канал.

Дайр'Коон спикировал на мою заблаговременно протянутую ладонь. Разряд тока — слияние.

Когда ночь чахоточными мотыльками с угольными крылышками облепила наши тела и мысли, стало совсем тошно.

Приготовления были завершены. Спина к спине стояли я и Флинер, на щербатой скале, соприкасаясь затылками и стремлениями.

— Пора, — прошептала я.

Никто, кроме нас, не узрел поднявшегося столба дыма, уходящего основанием в пасмурный океан, и возносящегося к зашторенному тучами небу. Столб ширился, вбирая все больше потоков, непрерывно содрогался, свивался в тугую спираль — и все бесшумно. Его не существовало в материальном мире.

И тут в тугое сплетение тьмы врезался тонкий золотистый луч. Столб изогнулся, поплыл в очертаниях, неуклонно сползая в завихрения распада или — что хуже — в коллапс. Слишком велики были задействованные Силы, чтобы мирно развеяться, а значит, ещенемного, и над нами полыхнет зарница взрыва.

Мой взгляд выхватил стройную фигурку, совершающую отчаянные взмахи кистями рук. Я даже не успела вскрикнуть, как за ее спиной возникла тень, и девушка осела в алмазную пыль. С падением Леа золотистый поток рассеялся, и дымовая стела начала выравниваться.

Позднее, эпоху спустя, выяснится, что спас нас Листенн, разрядивший в спину Леа парализатор на минимальной мощности и узком луче. Тогда же, размазывая по щекам слезы, Леа будет лепетать, что «всего лишь хотела помочь, хотела быть полезной»… И, скривив губы, презрительно и емко, отвесит ей моральную пощечину Нильда:

— В следующий раз, когда возникнет желание быть полезной, повесся на ближайшем дереве.

Это будет много позже, а в тот миг мы держали в своих руках бурю, едва не поглотившую нас всех, и направляли ее ввысь. Туда, где на правах оккупантов царствовали криоги, пришедшие покорять человечество.

— Пора, — снова шепнула я.

Исполинская колонна раскрылась — далеко, за гранью нашего видения.

Потом — уже утром — падал снег. С нарочитой неторопливостью сыпались черные хлопья. И там, где они соприкасались с землей, оставались крупные иссиня-черные

бархатные цветы.

Я подняла один из них — нежный, смертоносный бутон с четырьмя идеальными лепестками и черным агатом сердцевинки. Вдохнула аромат — горький, словно неизбывная тоска.

И только потом поняла, что освобожденная от защиты перчатки ладонь — цвета пепла, густого древесного дыма. Тень кроет лик ее…

Имя мое — Эшти.

И будет вписано оно на скрижалях Империи.

Кровавыми рунами.

«…И павшие с неба звезды расцвели черными маками: лишь одного цветка не было среди них. И сбитые черные птицы черными звездами падали в алмазную пыль[30]…»

ЧАСТЬ IV. Когда сплетутся Свет и Тьма

День 128.

Мы входили в Эдессу чуть позже рассвета нового дня. Входили освободителями, героями. Только — не было вкуса победы, как и самой победы — не было. Бойня была, щедро приправленная моими сомнениями в ее справедливости. И желчью.

Не один год продлится война с криогами, но первую битву Империя проиграла. Исходя из принципов морали, этики и чести — проиграла разгромно.

Мы входили в Эдессу, не поднимая глаз. Ибо знали, что увидим во взглядах спасенных нами македонцев — чистый, незамутненный страх. В столице Македонии было много криогов, велика была стратегическая важность города, а значит, трупов, внезапно скошенных неизвестным поветрием, убирать пришлось во множестве.

Они валились на улицах, закованные в силовые поля и металл сложнейших сплавов, когда сквозь облака на планету обрушилась мрачно-снежная лавина, погибали внутри зданий, несмотря на то, что непосредственно их не коснулись губительные снежинки, умирали в защищенных самым совершенным образом палатах Дома Правительства, обязанного уцелеть при ядерной атаке, и даже (чего горожане знать не могли) на палубах звездолетов, наводнивших систему Македонии, второй из шести планет, кружащейся вокруг желтой звезды HD 185758, Шама.

Черный снег был только отголоском, материальным эхом нематериального сотрясения основ мироздания, почти апокалипсиса в строго заданных рамках.

Мы входили в Эдессу, как палачи.

В Пидне было легче. Там мы видели, ради чего свершилось чудовищное по своим масштабам убийство. Пиндский хребет был основным планетарным оплотом армии, и из Пидны осуществлялось его снабжение. Криоги сравняли хребет с равниной, окраины города представляли из себя мешанину обломков, искореженной арматуры и пыли, осевшей после взрывов на покрытые копотью развалины.

Трупов не было. Очевидно, криоги позволили горожанам убрать останки. Спросить было не у кого. Мы не нашли в Пидне

людей.

Ни живых, ни мертвых. Только десятки голодных котов…

Меня бил озноб, когда мы обходили кварталы безлюдного города. Никого. Только исполненный тоски кошачий мяв. Мы вскрыли несколько магазинов, чтобы накормить животных, и поспешили покинуть Пидну.

Белокаменную Эдессу импульсные снаряды не тронули, ценность ее была огромна для Валта Гейзела, бывшего проконсула планеты, ныне вознамерившегося возвратить ее под прикрытием ультиматума криогов.

Почему именно Македония, только ли стремление Гейзела вернуть родовое гнездо послужило поводом начала экспансии с этого мира, осталось вне моего понимания. Возможно, Македония была пробным шаром в партии против Империи, а может, и таила в себе паттерн иных причин. Строить предположения без точки отсчета меня отучили.

Каковы бы ни были предпосылки, выстроенную с намеками на эллинистический стиль Эдессу миновала чаша разрушения. Однако город был занят сразу же по преодолению криогами последнего рубежа планетарной защиты.

Почти не попадались в этот ранний час на улицах прохожие, но после Пидны мы радовались каждому встречному, хоть они и шарахались от нас.

— Почему они так на нас смотрят? — не удержалась Леа, когда едва вышедшая из-за ограды женщина поспешила вернуться в дом при виде нашей группы.

— Они боятся, — ответил Листенн.

— Но ведь…

— Заткнись! — оборвала Нильда.

Флинер сильней стиснул мое запястье.

Ана уверенно направляла нас посредством кулонов по широким мостовым к площади перед Домом Правительства.

— Сомневаюсь, что вам окажут сопротивление, — вещал кулон приятным женским голосом. — От космопорта Этолия и непосредственно с орбиты отбыли в сумме шесть кораблей, скорее всего направляемых сторонниками цивилизации криогов из числа людей.

— Гейзел, — чуть слышно прошипела я. Имя прозвучало сродни ругательству.

— По моим расчетам Валт Гейзел покинул систему Шама.

Меня охватило чувство непоправимой утраты. Бегство Гейзела было ожидаемо и даже предопределено — мы не имели

средств ни идентифицировать его, ни остановить. Дело в другом…

Я упускаю что-то. Что-то чрезвычайно важное.

— Ана, лояльны ли македонцы к Империи?

— У меня нет сведений о пропаганде Гейзела, и я предполагаю, что основная доля населения Македонии против отсоединения.

— Слишком расплывчато, особенно от тебя, железяка.

— Оскорблять обязательно? Для определенности требуются данные. Предоставь — конкретизирую.

— Извини… Что мы вообще знаем об этой планете?

— Заселена в 2415, третьим этапом расселения, фактически — вторым. Колонизаторы — неоэллины, течение которых возникло на Терре после второго арабо-испанского конфликта на почве…

— Постой. Что за чушь с этапами?

— О, ты же не знаешь. Первый этап был неудачным. Он совершался до открытия возможности перехода и осуществлялся посредством консервации людей в криостатах с применением альбуминов и пропиленгликоля, и последующей репарацией…

— Прекрати материться, я ни черта не понимаю в химии. Суть, почему этап провалился?

— Точное подмечено, провалился. Причина провала даже не в колоссальном времени, требовавшемся транспортам, чтобы достичь заложенных систем, а в несовершенстве технологии. Автоматика реанимировала часть тел, но…

— Если ты запнулась, догадаться не трудно. Они очнулись кретинами?

— Да. Исходные параметры личности восстановлены не были. В задачи второго этапа вошло также уничтожение этих кораблей, хотя большинство их погибло самостоятельно… став жертвой гравитационного притяжения и допуска коррозионной активности.

— Брр… Поиск звездолетов-призраков с зомби на борту… Фантасты моего времени рыдали бы от умиления, слушая тебя.

— Положим, никто их особо не искал. Автоматика подавала сигналы и вообще функционировала относительно корректно, в отличие от экипажей. Но мы отклонились от темы.

— Каюсь, это результат моего невежества.

— Учитывая, что КР не знают всего, человеку незнание простительно. История неоэллинов тебя интересует?

— Возможно, позже. Ближе к телу Македонии, прошу тебя.

— Хорошо. Основное отличие системы Шама от колонизированных первыми пятью этапами расселения —

значительная удаленность от центра, тогда — Терры. Следовательно, фактор неопределенности возрастал до критического.

— Поясни?

— Достоверно обнаружить или опровергнуть наличие планетарной системы у Шама было затруднительно, а сам Шам предположительно считался двойной звездой из пробела Герцшпрунга. От Терры до Македонии около пятисот световых лет — слишком далеко для анализа.

— Ана, ты меня угробишь всеми этими терминами…

— Ой, увлеклась. Если проще: неоэллины зафрахтовали транспортник, не зная наверняка, куда он их доставит. Им повезло, они обнаружили кислородный мир, почти не требующий изменений для обитания человека. Но после высадки вложили огромные средства, чтобы максимально ассимилировать флору и фауну Македонии образцами с Терры.

— Например, они перевезли кошек… Я поняла, Ана, дальше. Специфику заселения можешь пропустить. Тьфу ты, скоро как ты начну выражаться!

— Не замечаю в этом поводов для негодования. Итак, сокращаю. Местные формы жизни на сегодняшний день почти вытеснены завезенными. Из вкусностей: планета крайне богата аллотропной формой углерода, известной как алмаз, обширно применяемой в различных областях, включая некоторые схемы КР.

— А еще в ювелирке, обожаемой Леди Ивер… Хоть какая-то ценная информация. Политика, Ана. Что ты можешь сообщить об этом ракурсе неоэллинской планеты?

— Замечаешь, общение с умным собеседником поднимает и твой уровень построения речи?

— Ана!

— Не бухти… После Катастрофы македонцы сократили общение с другими мирами до минимума. От истоков и до недавнего времени они жили довольно обособленно. Присоединение к Межгалактической Империи прошло безболезненно, но по инициативе Консула I, а не Македонии, на волне общего объединения в конгломерат человеческих миров, прежде разрозненных, под влиянием внешней угрозы. Притом самой Македонии первое нападение криогов не коснулось.

— Зато в нынешнем она — гвоздь программы… Что мы имеем?

— Богатую планету, держащуюся особняком, но и не проявляющую открытого противодействия установившемуся политическому строю, что можно назвать политической

пассивностью.

— Угу, как у стога сена, которое жует корова, пока не поднесут зажженную спичку… В роли коровы — Империя, в качестве спички — Гейзел.

— Любопытное сравнение. Тогда огонь — криоги?

— Может быть, Ана, может быть… Спасибо за консультацию, буду думать.

— Обращайся, Ирина. Ты нескучный собеседник.

Основным материалом при застройке Эдессы был камень. Точнее, разные камни с преобладанием белого мрамора, частенько облицовывающего металлопластик. Касательно Дома Правительства с виду можно было сказать тоже самое, если не знать о каркасах их сложных сплавов на основе титана, платины и — гораздо более надежных — силовых полях.

А так — типичное для Эдессы здание, разве что выше, больше и внушительнее. Охраны не было, живой охраны, только автоматика. Возможно, до прихода криогов дела обстояли иначе.

Правая от входа колонна высветила прозрачный до блеска овал с крупную ладонь размером.

— Пропускная система? — хмуро поинтересовалась я, ни к ком конкретно не обращаясь.

— Опознавательный фрагмент, — негромко ответил Тиор.

— Прелестно! — всплеснул руками Альдобраст. — Как же они идентифицировали захватчиков? По отпечатку седьмой конечности?

— Не все разделяют твое недоверие к технике, — усмехнулась я. — Людей обмануть ничуть не труднее.

Я аккуратно открепила от ремня пряжку.

— Давно мне не приходилось ей пользоваться, — я поднесла к овалу Звезду Атиров.

После секундной заминки фрагмент заискрился изнутри, едва ли не раболепно, если уместно такое сравнение, и внешне цельная мраморная плита скользнула вбок, пропуская нас в недра Дома Правительства.

— А ведь нас здесь не ждали, — с наигранной веселостью заключил Флинер.

Судя по суматошным движениям летящего навстречу типа в гражданском, Флинер оказался прав.

— Архонт Сикрин приветствует… эээ…

Безукоризненный белый костюм, перетекающий в синеватую шею с уложенными полудлинными русыми локонами, замер в нерешительности. Архонт переводил взгляд цепких глаз с Тиора

на Листенна и обратно.

А ведь даже допуская недостаточную точность определения личности обладателя Звезды, недоумение архонта свидетельствовало либо о его недогадливости, либо о скудных умственных способностях. Ни весьма смуглая кожа Листенна, ни рыжая шевелюра Тиора не могли принадлежать нынешнему Императору, облик которого обязан быть известным на самых захолустных планетках.

Я решила подождать продолжения действа, разглядывая архонта. Действительно узколобый — без переносных значений — и тонкогубый Сикрин производил не самое приятное впечатление, усиливающееся темнющими кругами под глазами, выдающимися надбровными дугами и впалыми щеками. Довершающим штрихом была кожа цвета муки низшего сорта с примесью придорожной грязи.

— Вот оно, желание долгой жизни, — туманно шепнул мне на ушко Флинер.

Тем временем Тиор сделал шаг вперед.

— Капитан Райли. Личный звездолет Императора «Странник» для выполнения особых поручений. Моя команда, — он обвел нас широким жестом, выделив мою персону поклоном.

— Леди Калли, — вслед за Тиором представилась я. — Названная сестра Императора.

К землистым щекам архонта прилило что-то, отдаленно сопоставимое с румянцем.

— Лорд Руах, — выступил вперед Флинер, удивив в равной степени и меня, и Тиора. — Я не позволил тебе в одиночку спуститься на планету, милая, не отпущу и на беседу с червями, изъевшими здешние земли.

Последние слова его, адресованные мне, были произнесены так тихо, чтобы не достичь слуха архонта, но стоящие значительно ближе товарищи вполне могли расслышать его укор.

Был грех, я порывалась единолично высадиться на Македонию, «не подвергая никого, кроме себя, ненужному риску». Мне напомнили, что риск бывает разным, и этот — оправдан, а еще — что никуда они меня не отпустят. Они — мои друзья. Еще Леа, но это частный случай…

— Я взял на себя смелость отправить вызов двум архонтам мегаполий, находящимся сейчас в столице, — почти не размыкая тонких губ проговорил Сикрин, как только мы разместились в малой переговорной. Изначально в его намерения входило устроить диспут в зале советов, но Флинеру удалось разубедить македонца.

— Надеюсь, вы не станете возражать против начала беседы до

их прибытия? — в тон архонту подала голос я из углового кресла, занятого мною незамедлительно по приходу в переговорную.

По правую руку от меня на жестком сидении демонстрировал идеальную осанку Тиор, а по левую вольготно развалился на восточного вида софе, вытянув длинные ноги, желтоглазый маг. Сикрин сел напротив меня, в идентичное кресло, так, что нас разделял длинный овальный стол.

— Разумеется, никаких возражений, Леди Калли! Для нас огромная честь принимать представителя Дома Атиров в этих стенах, и мы уповаем на то, что столь скромный прием не оскорбит вас…

Сикрин произносил бы напыщенную речь еще долго, не вмешайся Флинер, которого я уже готова была возвести в ранг святых.

— Архонт, Леди Калли несколько утомлена, посему было бы предпочтительно опустить формальности и перейти к более существенным вопросам.

— Спасибо, — не давая архонту опомниться, вклинилась я. — Насколько мне известно, после смещения бывшего Лорда Гейзела был назначен новый проконсул. Возможна ли встреча с ним?

— Увы, Лорд Рэн погиб при захвате города, — Сикрин смотрел в стол, и лицо его не выражало никаких волнений. Понятно, либо приложил руку к «гибели» Рэна лично, либо с воодушевлением сплясал джигу на его останках.

— Прискорбно. Кто сейчас осуществляет управление Македонией?

— Совет архонтов двенадцати мегаполий. Однако семеро из нас…

— Также не пережили вторжения криогов? — закончила я перебор тягучих слов. Сикрин кивнул с угрюмой миной.

— Весьма печально, — продолжила я с зубовным скрежетом. Я поняла, с кем ассоциировался в моем восприятии Сикрин — с глистом, даром, что я ни одного не видела, кроме как на картинках в учебнике биологии. — Уверена, это невосполнимая потеря.

— О! Как вы правы! — оживился архонт-аскарид, всплеснув рукавами белоснежного костюма. — Инфраструктура планеты подорвана, вопрос расселения беженцев едва ли разрешим, это бедствие! Будут ли получены от Империи репарации на реконструкцию и помощь обескровленному населению?

— Леди Калли не уполномочена отвечать на вопросы, связанные с экономической поддержкой, — снова спас меня Флинер.

— Составьте подробный отчет, — добавил Тиор. — Как

только будет возобновлена связь, вы сможете направить на Консул I соответствующее прошение.

— Но когда это случится! — с неподдельной скорбью воскликнул Сикрин.

— Очень скоро, — заметил Тиор. — Звездолеты Империи на подходе.

— О!

Архонт замер. Я отхлебнула такку — терпкого настоя какого-то редкого расстения, якобы обладающего ни с чем не сравнимым тонизирующим эффектом. Занимательный разговор получался у нас с представителем совета…

Негромкая трель упредила появление новых действующих лиц.

— Архонты Го и Вессед, главы мегаполий Мегара и Тиринф, — возвестил поднявшийся Сикрин.

Нам пришлось повторять процедуру знакомства, что мне уже порядком надоело. Не создана я для дипломатии…

Го являл почти точную копию Сикрина, наводя на мысли о кровном родстве, совпадая даже кроем костюма, разве что волосы были потемнее, да глаза посажены шире.

Архон Вессед был полней, улыбчивей и заметно моложе соотечественников, демонстрируя отличные зубы и здоровый колер лица.

— Простите, а Валт Гейзел когда покинул планету? — невинно поинтересовалась я, разглядывая чайного цвета напиток в пиале, и как можно ненавязчивее наблюдая за Весседом из-под полуопущенных ресниц. Ждала я его, и только его, реакции на мою скромную провокацию.

Вессед еще не успел опуститься на софу, и ненадолго завис в неудобной позе, но учтивую улыбку удержал. Только ответил мне, увы, не он, а Го.

— Он улетел вскоре после необъяснимого явления, умертвившего захватчиков. Учитывая обстановку и настроения в народе, мы не сумели ему помешать.

— Неужели? — подался вперед наследный Лорд Руах. — И каковы же настроения?

— Наши люди испуганы, — развел руками Вессед. — Если не сказать — в панике. Внезапный мор среди чужаков был слишком…

— Слишком действенным? — подсказал капитан Райли. — Выходит, само появление криогов внезапным не оказалось?

— Мы же видели Пидну, — вполголоса ответил за македонцев Флинер. — Убежден, не только из нее загодя эвакуировали жителей.

— Но…

Архонт Сикрин начал вставать с удобного кресла.

— Сядьте, — велел Тиор. — Не исключено, что при боях в околопланетном пространстве имперского флота с кораблями чужаков, население натерпелось бы меньше страхов, несмотря на сыплющиеся с неба обломки и угрозу разрушения самой планеты.

— Вы хотите сказать…

Сикрин замялся. Его выпученные глаза выразили целую гамму чувств: недоверие, потрясение, ужас. Недоверие преобладало.

— Да, архонт, — подтвердил Тиор. — Освобождение Македонии — операция Леди Калли. Блестящая.

Я флегматично наполнила опустевшую пиалу из дышащего стариной кувшина. Архаичность обстановки, обилие позолоты в отделке говорили о менталитете планеты, которую мне следовало изучить раньше.

— Отличный такку, — произнес Флинер в исполненной тяжелых вздохов паузе. — Захватчикам непременно должен был угодить. У вас ведь много общего с Оплотом Кри. А македонцам понравилось бы под опекой первосвященников Жаспана, тетрархов. Вера в Жаспана и в избранность своей обездоленной расы прижились бы здесь, верно?

— Это домыслы! — возмутился Вессед. — Наш мир уникален…

— Как уникальны десятки других миров, — я отставила пиалу. — Скажите, каким богам вы молитесь в своем Парфеноне, которого никогда не стояло в Эдессе? Ваша уникальность — отражение в мутной воде отблесков угасшей культуры.

Я выбралась из кресла и направилась к выходу, убедившись, что друзья следуют за мной.

— Вы — тени теней, и это говорю вам я, Эшти. Прощайте.

Уже на воздухе, вне стен Дома Правительства, обители предательств и интриг, я позволила себе тихо выругаться.

— Куда теперь? — участливо спросил Альдобраст.

— На Консул, — не утерпела, добавила. — К чертовой бабушке!

— Леди Калли!

Я вздрогнула и обернулась на оклик. Через площадь вприпрыжку бежал белокурый подросток с печальными глазами одинокого ангела. Зря плакала Тайли, с Тодом все хорошо.

— Флинер, скажи, ты веришь в чудеса?

— Я Творец Невозможностей, милая, мне ли в них не верить?

— Нет, в нерукотворное чудо, без привлечения Сил и предвидения. В чудо естественного порядка.

— Пожалуй, нет, если не считать таковым наше знакомство.

— Проблема в том, что и я не верю… Однако чудо прямо сейчас несется мне навстречу.

День 135 (по ст. исч-ю).

Вишневое дерево расцветало ровно на шестнадцатый день первого месяца, хотя земля еще была покрыта снегом и холод царил в природе, и так происходило каждый год. И самурай играл под тем деревом с самого детства, а до него — его родители и их предки, много поколений подряд. Он вырос, прожил достойную жизнь, состарился. Его дети покинули мир раньше самурая, и теперь радовало его только вишневое дерево.

Но однажды сакура умерла; от горя самурай занемог и отправился уйти вслед за ней. Соседи старались отвлечь его от тягостных мыслей, и посадили в его саду молодое вишневое дерево, очень красивое. Самурай выглядел счастливым, но в действительности сердце его разрывалось от боли.

И тогда, на шестнадцатый день первой луны, старик вышел в сад, поклонился сухому стволу и произнес:

— Возьми мою жизнь, начни расцветать снова.

Он исполнил обряд харакири, под высохшими ветвями сакуры, на белом покрывале, ставшим алым от его крови.

Дерево расцвело в тот же час.

И продолжает покрываться в бело-розовым туманом год за годом, на шестнадцатый день первого лунного месяца, в сезон снегов, ведь в нем — душа самурая[31].

Я пересказала это предание Ане, увы, с неминуемыми расхождениями от оригинального текста, но и память моя несовершенна. Рассказывая, я ожидала, что подружка оценит историю.

Когда она ответила мне, голос — нежный, мелодичный, с грустинкой — исходил разом изо всех стен, с некоторой задержкой, рождая глухое эхо.

— Блестят росинки.
Но есть у них привкус печали,
Не позабудьте![32]

Лишенная подобных звуковых эффектов, модулируя размеренный речитатив, я откликнулась:

— На осеннем поле
Непрочный приют осенен
Сквозной плетенкой.
Оттого-то мои рукава
Что ни ночь от росы намокают[33].

— Великолепно, Ирина! Ты позволишь мне сохранить это танка?

— Тебе не требуется моего разрешения, Ана. Пока мои воспоминания не стали сквозной плетенкой, я рада поделиться ими с тобой.

— Люди не помнят, но мы храним. Я — что та сакура с душой человека, хоть и машина, а роса на моих ветках имеет вкус слез. Жаль, я не умею плакать.

— Но ты видишь сны. Ты более человек, чем сонмы двуногих. И я завидую тебе, потому как роса на моих рукавах — вкуса крови.

— Тебе нужен отдых, Ирина. Впереди много осенних полей…

— И непрочных приютов, — я улыбнулась сквозь слезы. — Знаю, дорогая, знаю… Но я больше не могу спать. И все больше скучаю по дому, пускай мне там теперь нечего делать.

— Я не обладаю предзнанием, — изрекла мыслящая машина. — Но уверена, что ты никогда туда не вернешься. Прости. Это не значит, что тебе нужно его позабыть.

— Ты права, мне надо развеяться, — я рывком поднялась с округлого ложа. — Пойду, поищу кофе и праздношатающихся.

— Грустишь?

— Скорее, пафосно депрессирую, — я отставила чашку, наполненную ароматным кофе со сладким фруктовым сиропом, чтобы перенести все внимание на подошедшего мужчину.

Мы не были особо близки с Листенном, довольно замкнутым и молчаливым человеком. За все время я едва ли слышала от него десяток фраз.

— Тебя подослала Ана? — вывод был очевиден, а откровенность я ценю выше хорошей игры.

— Она. Говорит, ты скучаешь по дому.

— Немного. Присаживайся, кофе будешь?

Он кивнул, протягивая мускулистую руку к настольному табло, чтобы набрать заказ. Темные пальцы заплясали над крышкой стола.

— Ты гадаешь, отчего Ана прислала к тебе молчуна?

Я развела руками, признавая его правоту.

— На самой высокой скале моей родной планеты, Ираго, выбито:

> За жизнь непрочную и жалкую
> Цепляясь,
> Весь вымокший в волнах у Ираго,
> Кормиться буду я теперь, срезая
> Лишь жемчуг-водоросли возле берегов![34]

Я потрясенно молчала. Для одного дня звучало излишне много лирики, более чем специфичной, и столь удивительны были такие строки в устах Листенна, рушащего мое представление о нем.

А ведь если присмотреться, можно разглядеть в нем азиатские черты, смазанные — еще бы, за столько-то веков! — но вполне угадываемые.

— Ираго, — продолжил Листенн, блеснули черные глаза и фарфоровые зубы. — Черно-зеленые волны, скалы, редкие островки, единственный материк посреди океана, там — школы. Водоросли, рыба, планктон… Жемчуга нет. Постоянные циклоны, ливни и шквалы. Мы не меняли свою планету, а подстраивались под ее норов.

— Там прошло твое детство? — я вслушивалась в каждое слово, затаив дыхание.

— Там начался мой путь. На Ираго был мой дом. Как и все дома на Ираго, его окружали барьеры и силовые поля, но они не уберегли от волн. Дом моей семьи смыло в океан во время тайфуна. Отец понадеялся на барьеры и остался вместе с матерью и младшим братом там, хотя другие семьи не стали рисковать и покинули остров. Меня в тот год отправили на материк, учиться. Больше никогда я не видел ни своей семьи, ни своего дома.

— Листенн…

— Не надо! — оборвал меня его вкрадчивый, но твердый голос. — Не надо сожалений, у меня есть моя память. И в ней я могу вернуться в свои счастливые дни.

Он встал, и я осознала, что приоткрытая дверь сейчас снова захлопнется. Неожиданно Листенн дотронулся до моего плеча.

— Я молчу не оттого, что мне нечего сказать. Я молчу потому, что мне есть, о чем молчать.

День 137.

Когда «Странник» достиг Консула, я малодушно заперлась в каюте. Юного Тода, с которым я за весь полет не перемолвилась и словечком, вызвалась сопровождать Нильда, павшая жертвой невинного обаяния мальчика. Во дворец с докладом отправился Тиор, не столько как капитан, сколько как друг Императора.

Я же запросила у высокоинтеллектуальной полумеханической подруги сводки по последним событиям и погрузилась в дебри анализа.

Данные Ана черпала из того же источника, что и высшее командование флота — обладание полнейшим допуском к инфохранилищам пригодилось как нельзя кстати.

Диаграммы, графики, световые обозначения, принятая для сокращений символика, терминология, протоколы совещаний, все это обрушилось на меня ушатом ледяной воды. Вычленяемая идея же сводилась к двум словам: Империю лихорадило.

До паники пока не дошло, но волна беспорядков, столкновений с властями и манифестаций прокатилась по мирам Империи вслед за введением военного положения, подобно перекати-полю, не затронув разве что Консул I, Вельзевул, Гренаду и еще с десяток малонаселенных планет. Сытое, мирное и безбедное существование грозило подойти к концу, немногие готовы были с этим смириться, а явная, но не очерченная строгими рамками опасность только подливала масла в огонь. На пороге вторжения Оплота Кри никто не мог чувствовать себя спокойно. Сэр Ивенс был прав: в Империи слишком давно не было войн.

Несмотря на сложную обстановку, выступления Императора после выздоровления и меры, предпринимаемые для обороны конгломерата человеческих миров, получили, в целом, положительный отклик.

Корабли-разведчики широким веером разлетелись по граничным областям Империи, дабы мгновенно отследить выход из надвселенной ударных групп криогов. Несколько сотен звездолетов, колесико военной махины, авангарды имперской армады, были вооружены, укомплектованы и отправлены на дальние рубежи. Оборонительные силы подтягивались к Капелле, к системе Консула I и II (я едва удержалась от хохота, узнав, что Дайр'Коонов будут защищать люди), и ряду планет, имеющих стратегическую и ресурсообразующую ценность.

Разумеется, каждый из ста восьмидесяти четырех миров закрыть надежным щитом имперский флот оказался не в состоянии, и волнения на слабо защищенных планетах не прекращались по сей день.

Введенный миграционный контроль и жесткие ограничения

на туристические перелеты подорвали бюджеты десятков планет, специализирующихся на развлечениях. Застрявший на Македонии корабль с путешественниками стал поводом этих санкций и моей обескураженности: как могли отпустить десятилетнего (хорошо, одиннадцатилетнего, пока меня носило по галактикам, Тод успел отметить день рождения) мальчугана, пусть и в сопровождении дальнего родственника, в такой полет сестра и родители? Скучно ребенку было, понимаете ли!..

Увеличение налогов (увы, неизбежное, расходы на перевооружение, укрепление планетарных оборонительных систем и прочая были колоссальны, а казна Империи бездонной не являлась) отозвалось чередой акций протеста, на удивление быстро прекратившихся, и инфляцией.

Жернова войны закрутились, готовые перемолоть все и вся.

Брендон не мог охватить необъятное, но он очень старался.

— Ана, опираясь на обзор по Македонии и фактор избранности, культивируемой во внутренних слоях, ты можешь вычленить подобия?

— Попробую… Что ты надумала?

— Облегчить задачу Брендона. Империя уязвима не только границами, предателями и отсутствием практики ведения войн. Тебе не кажется, что Оплот Кри в этот раз пустил в ход новую тактику?

— Исходя из деталей нападения на Македонию и тезисов ультиматума, я склонна с тобой согласиться. Продолжай.

— Уникальность. Ищи миры, пропагандирующие свою отличность от других. Желательно, найди упоминания о конфликтах с внешней властью. Еще учти самостоятельность планеты, не должно быть сильной зависимости от поставок извне. Приблизительно так.

Ана занялась вычислениями, оставив меня в сомнениях о верности выбранной линии рассуждений. И я попросила КР позаботиться, чтобы никто меня не беспокоил.

Огнедышащая Капелла над царственным Консулом, Солнце с кружащимися вокруг него осколками когда-то голубо-зеленого шара, Шам и отчужденная Македония, неведомая мне звезда над нареченным мною Дитом холодным миром, тысячи иных звезд…

По звездам можно проложить дорогу…

И, не убоявшись, сделать шаг.

Место Слез Бога. Тетрарх склонился над чашей на тонкой

ножке, произрастающей из центра исполненного мраком грота. Никогда не проникал сюда свет, да и не было в нем нужды — в темноте тетрарх видел лучше. Холод и сырость волновали его еще меньше.

С выступа на своде грота сорвалась крупная капля, чтобы упасть в объятия чаши. Только звон капели и еле различимое дыхание тетрарха звучали сейчас в недрах Ситфина, планеты, извечно закованной в снежный панцирь.

К гроту вел сложный лабиринт тоннелей, каверн, пустот — все естественного происхождения. Только четверо знали путь к чаше — из живых. И трое скоро ступят на него.

Тетрарх ждал. Он был Вторым, и шло его бдение в месте Слез, оку тетрарха еще долго не дано будет закрыться. Второй — лишь удобство в различии между ххфа, воздающих, от имени он отказался давно, стряхнул, словно снежинки с покровов, и никогда больше не вспоминал.

Скоро… Скоро к чаше придут трое.

Раньше, чем шум шагов, он различил медленное биение их сердец. Бдение завершалось.

— Ступень Славы рассыпалась, ею не став, — произнес Первый.

— Двурукий поплатится, — отозвался Второй.

Плюм! Чаша всегда переполнена печалью его…

— Двурукий исполнил слово. Они не применяли ударной волны. Но ступень выстлана тленом наших бойцов. Двурукий донес в Оплот известия. Они призвали небывалые Силы.

Пока Первый вещал, остальные молчали, то было право его и долг.

— Жаспан призовет их к ответу! — Четвертый, последний из сменяющихся тетрархов, меньше семи оборотов был ххфа.

— Да сбудется, — согласился Первый. — Жаспану угодна решимость Кри.

— Гибнут дети.

Око Третьей было подернуто пленкой. Ффта, отворяющая, лишь частью сознания вышла из транса.

— Мы приведем Жаспану новых детей, ффта, — стоял на своем Первый.

Молчание Второго и Четвертого не прервалось, воля была объявлена.

Спинное щупальце Третьей коснулось темени, освобождая от защитных полей. Покровы ее, колыхаясь, опустились к подножию чаши. Опираясь на шесть конечностей, она изогнулась, открываясь.

Под мерный перезвон падающих капель тетрархи шагнули к

ней.

— Ааа! — я очнулась на разметанном ложе, в тусклом ночном освещении, под серебристым закругленным потолком, нависающим над испуганной жертвой.

Что это было?

Отголоски действительных восприятий криога, экстраполяция воспаленного рассудка или болезненное наваждение, фантасмагория из царства снов?.. И если первое, то не породят ли отголоски эти метаний больше, чем ответов?

Синхронно с пробуждением пришло осознание того, что «Странник» в движении, а значит — в нас снова возникла необходимость.

— Ана, куда мы летим? — я хотела отвлечься, вырваться из удушающего видения. Осмысливать буду позже…

— На Ишвари. Прости, я занята, — так она меня еще ни разу не отшивала.

— Ты подготовила то, что я просила? — разочарованно вздохнула я.

— Да. Нижний экран, приложи ладонь, — бесстрастно сообщила чудо-машина.

Ана составила список из пятнадцати планет. Ишвари среди них не значилась.

День 149 (по ст. исч-ю).

Дух запустения витал над низенькими строениями, щедро присыпанными красноватой пылью. Насыщенно-коричневое, едва ли не многослойное небо украшал крупный бледный диск немного выше линии горизонта. Редкие кустарники жались к земле своими листочками-иглами цвета ржавчины, тщась защититься от ветра, выжимая из нерадивой почвы скудные запасы влаги.

Здесь жили, но не день и не два назад.

— Хорошенькое местечко. Для демонов, — попыталась пошутить я. — Что мы здесь делаем, Тиор?

— Приводим в исполнение приказ Императора, — казенным тоном ответил капитан.

— А можно поконкретнее? — взмолилась я. Атмосфера, скажем прямо, не располагала к долгим прогулкам. — Здесь смердит, и песок в рот набивается, а страшных криогских рож я не наблюдаю в обозримом пространстве.

— Опусти лицевое поле, — еще суше посоветовал Тиор.

Домики остались позади. Теперь, насколько хватало взгляда, простиралась окрест лишь растрескавшаяся земля, кое-где отмеченная пятнышками кустарников.

— Слушай, мы что, клад ищем? — взорвалась я. — Откуда такая таинственность? Или ты намерен пристрелить меня и бросить тело на растерзание стервятникам? Так не хочу тебя огорчать, я пока не видела ни одной птички.

— Тут добывали поллуцит, — как ни в чем не бывало, пожал плечами Тиор. Пушистые длинные ресницы опустились, скрыв синяки под глазами и часть веснушек на очень светлой коже.

— Что-что? — переспросила я.

— Минерал, из которого получают цезий. Впоследствии добычу свернули, рабочих с этого спутника вывезли… Очень удобно для того, чтобы избавляться от неопознанных трупов, даже без вмешательства стервятников.

Я вздрогнула, так невыразительно и уверенно вещал мой давний знакомец.

— Эмм… Благодарю, ты раскрыл мне глаза. Далеко нам еще топать?

— Уже пришли. Под нами расположены туннели, в которых ты и останешься.

Подобно обелиску стояла я, пока он активировал ПИР — плазменно-импульсный разрядник, направлял на меня, пятился. Из него не стоит стрелять в упор, это знала даже я…

— Почему? — сумела я выдавить из себя.

— Приказ Императора. Он создал монстра, не сознавая этого. Ошибку надлежит исправить.

Брендон… Я оцепенела, и только соль вскипала на горящих щеках. Как же так?.. Я глядела в вязкое небо, с бордовыми росчерками на коричневом фоне, в котором оттенков было больше, чем у меня, жалкого истукана, — чувств, в небо, обещающее покой, забвение и истому долгого полета…

Полета — в небе без птиц.

— Стреляй.

Раз вы уже все решили, не мне противиться или молить…

Взмах фиолетовых крыльев. Смазанные силуэты, скорее — тени на лике неба.

Вспышка, натужный гул.

— Эшти!

— Ирина!

Теплый ветер хлестал пощечинами — я так и не опустила лицевое поле.

Раскинув руки, чуть поодаль лежал Тиор, питая кровью

изломы жадной земли. Я больше не статуя, и я понеслась к нему, почти мгновенно преодолев разделявшие нас метры. Он был еще жив, еще пенилось у его губ при редких хрипах алое, но светлую зелень глаз уже затемнила последняя буря.

— Слишком… много крови, — пробормотал он, заметив меня, и затих.

Уже — насовсем.

Силуэты стали трафаретными, затем приобрели человеческие черты. Черты Листенна и Нильды.

— Прости, что так поздно, — произнесла Нильда, старательно отводя взгляд от мертвого капитана. — Если бы не Ана, мы бы не разобрались, что происходит.

Листенн, как обычно, молчал.

— Вы зря торопились, — откликнулась я. — Это был приказ Императора.

— Не было никакого приказа, — мягко возразила Нильда, обняв меня за плечи. — Я присутствовала при разговоре Тиора с Сэром Брендоном.

Я коснулась кончиками пальцев края страшной раны в груди того, что намедни называла другом, и на месте десятков уместных вопросов брусничными ягодами набухли кровавые капли…

— Зачем? Необязательно ведь было…

Не смогла закончить фразу, душили спазмы сдерживаемых рыданий.

Листенн потупил взор.

Хлопок, облако пыли взвилось в воздух. В дружине спасателей пополнение…

— Его вели, Ирина, — отряхиваясь после неудачного перемещения, изрек Флинер. — Нильда, светозарная моя, с каких пор я причислен к категории ненужного багажа? С переходами у меня вечно неладно…

— Прислушайся к Глядящему-сквозь-Время, Эшти, — это уже Фтэрх. — Ведомый становится орудием уничтожения, не признающим поражений. Если цель ускользает, он не оставляет попыток.

— Я спешила, — нахмурилась Нильда.

— Милая, у них не было выбора, — голос Флинера влился в безумную какофонию…

— Да заткнитесь вы все! — заорала я, перекрикивая и их, и молчание бурого неба.

Я погладила непослушные волосы Тиора, мои трясущиеся пальцы путались в рыжих кудрях. Закрыла его глаза — в этом мире они свое отсмотрели. Не утрудившись отереть пену, согрела

его посиневшие губы прощальным поцелуем.

— Прости нас, — шепнула я, и единственная слезинка все-таки скатилась с моей щеки.

— Прости, — повторила я, поднимаясь с колен.

Птицы так и не появились.

— Кто его вел? Флинер, ответ я требую немедленно!

Глупо винить Листенна или заниматься самобичевание, но ненависть должна обрести адресата.

— Тот, кто сильнее и тебя, и меня, вместе взятых, — Флинер развел руками.

— Конкретнее! — настраивала я.

— Откуда мне знать! — сокрушенно ответил желтоглазый маг. — Полагаю, тот же, кто напал на меня на Аците. Я выжил, но другие — нет. Погибло шесть магов класса Творец, за краткий период, точнее — семь, учитывая Македонию.

— И я узнаю об этом только теперь?! — разъяренной тигрицей проревела я.

Нильда потянулась ко мне, я извернулась, проигнорировав ее умоляющий взгляд. Она так и застыла, не завершив движения.

— Данные я получил после вылета с Консула, день назад, к тебе меня не пустила Ана.

— И ты считаешь, их всех убили? — я сощурилась, ища подвох.

— Официально — нет. Они умерли от разрыва сердца. Все семеро. Оригинальностью он не страдает, моральными принципами тоже не отягощен. Убежден, предварительно их опустошили. Думаю, ты понимаешь, о чем я.

Судорожно закрутились шестеренки. Кто-то выпивает Силу мага, затем убивает. С целью? Ясно, как божий день — стать сильнее самому. Сопротивления он не боится, раз уж Флинер, хоть и пережил встречу, остановить его не сумел… Стоп!

— Флинер! Почему мы должны верить, что ведущим не был ты сам? Чтобы подчинить ведомого, необходимо личное общение с ним.

Маг ничего не ответил, только покачал головой. Приглушенно вскрикнула Нильда. И только Листенн, не говоря ни слова, подошел и с размаха ударил меня по лицу.

— Истерика кончилась? — мягко, почти с отеческой заботой, спросил Листенн.

Я кивнула.

— Спасибо. Флинер, я…

— Не извиняйся. Я понимаю. Мы все сейчас на взводе.

Он взял меня за руку, легонько сжал, и ободряюще улыбнулся перед тем, как поцеловать мою ладонь.

— Мы найдем его, милая, обещаю. Тиор был и нашим другом.

— А теперь вы все резко собираетесь и возвращаетесь на борт, — возвестил кулон, активированный Аной на максимальную громкость. — Быстро-быстро, я фиксирую более сорока точек выхода без опознавательных сигналов имперского флота. И прошу… не оставляйте… его… здесь.

Завершение реплики резануло острее ножа, столько в ней было горя. Ана ошибалась. Она умеет плакать, для этого вовсе не обязательна льющаяся из глаз влага.

— Нильда, перемести ребят. И… Тиора. Я остаюсь.

Это мой долг, мое искупление. Кара и предназначение. Мой рок.

— Ты сошла с ума?! — завопила Нильда. — Слышала, сколько их? Жить надоело?!

— Не верещи, у вас мало времени, — отмахнулась я. — Убирайтесь, живо!

Я смежила веки, потянулась к Фтэрху — за Силой, он развернул для меня перспективу потоков.

— Милая, Нильда права. Нам нечего им противопоставить, — Лорд Руах само участие.

— Вы еще тут? — изумилась я. — На Македонии их было больше. Я успею.

— Тогда остаемся и мы, — спокойно ответил за всех Листенн.

Пререкаться было некогда, меня словно закутали в теплый плед — Флинер начал передавать мне Силу.

— Ана, — позвал Листенн через кулон Тиора, я не стала глядеть, снял ли он его с капитана. — Уводи корабль из системы.

…Дальше не вслушиваюсь, я вся — вихрь, летящий к звезде, и клубящийся шлейф за моею спиной — тьма, беспросветная и хищная, она живая, она жаждет крови, и темно-синее марево поднимается над планетой, которую я вижу глазами Фтэрха.

И в мареве вязнут темные точки, вихрь мечется между ними, впуская в их недра — тьму.

Я не слышу звуков, но знаю, как грохочет сейчас все вокруг, не вижу, как видят люди, но осязаю распускающиеся в небесах цветы с лепестками цвета пожарищ.

А потом и меня накрывает тьма. Наверное, рикошетом…

Успела ли?..

Дни 152–268, если Ана не сбилась… (по ст. исч-ю).

— Эшти, ты чокнутая баба.

— Изыди, дьявольское отродье, — образ Флинера не в фокусе, зато четко видны осветители. Фон более напоминал мою каюту, чем ад, посему наметился вывод: мы выжили.

— Из чьих уст я это слышу? — делано возмутился наследный Лорд. — Пока ты спала, на Ишвари рождалась легенда!

— Да, да, на скрижалях кровавыми рунами, — морщась, проворчала я. — И что плетут аборигены?

Приподнялась на ложе, разглядывая смеющегося Флинера.

— О да, тебе стоит это услышать: разом наступила ночь на всей планете, и небо озарилось вспышками, а затем начался звездопад. Их даже не смутило, что вместо метеоритов падали обломки кораблей, очевидно, то было бы чересчур прозаично. Они вроде бы и зарифмовали это действо, но я не запомнил.

Оголтелая легкость во всем теле — успела!

— Теперь о серьезном, — помрачнел мой друг. — Одновременно с Ишвари криоги напали на Савву.

Я обмерла, обратившись в слух.

— Как ты понимаешь, нас на Савве не оказалось. Имперского флота, впрочем, тоже.

— И?..

— Нет больше Саввы. Вокруг ее тусклой красной звезды вращается постпланетная крошка. Правда в том, милая, что мы не всесильны. И как бы мы не старались, мы не сможем помочь всем, кто-то обязательно погибнет. Постарайся это принять.

И тогда стало не до смеха, война утратила статус приключения, обернувшись кошмаром, переводимым в числовой эквивалент. В кровожадное чудовище воплотилась она, измеряемое столбиками цифр на экранах. Боевые потери (пятизначное число), техника, не подлежащая восстановлению, взорванные звездолеты (счет шел на сотни — пока что), жертвы среди гражданского населения (семь знаков).

Всеобщая мобилизация, узор из зеленых и красных точек с редкими черными кляксами — карта боевых действий в пространстве Империи, и снова — жертвы: вот, что стало новой реальностью, единственно приемлемой, единственно важной.

«Странник» мотался между мирами, точно мяч в крикете. Криоги не оставили оккупационной стратегии, и раз за разом воздымались дымовые столбы, словно длани молящего. В системе Йоты Часов нас едва не распылили: мы вышли из надвселенной одновременно с арьергардом Оплота. На лугах Ноктии, что в туманности Сова, мы столкнулись с беженцами, раскинувшими палаточный городок в дельте реки Альба. Кажется, когда мы покидали их довольно гостеприимный лагерь, нас они боялись

похлеще, чем криогов. На Гранд-Виоле Леа чуть не сломала ногу, решив прогуляться по горам в компании мужа.

Церемония бракосочетания Брендона, превратившая Арну Тайли в Леди Атир, Императрицу, прошла без особых торжеств, за закрытыми дверьми, и не была отложена только по причине сильно расплывшейся талии невесты. Меня, разумеется, на свадьбе не было, да оно и к лучшему…

Брендон женился, а я летела с Тафии на Болимир.

В другом секторе космоса криоги опробовали на населении Весты «чистый» вирус, поразивший исключительно «двуруких», и благополучно скончавшийся спустя девяносто часов. За это время он унес более четырехсот тысяч жизней.

Ближе к периферии, в непосредственной близости от Ираго, родного мира Листенна, случилось крупнейшее столкновение имперской армады с кораблями Оплота Кри. Бой длился почти семь стандарт-дней и закончился разгромом криогов. Ираго не пострадала.

Прекратила свое существование Зинерия III, став восьмым ликвидированным миром от начала Второй Войны Империи.

На Корвинте вспыхнул мятеж, подавленный внутренними силами в течении суток. Без жертв не обошлось и там.

Вокруг Вавилона начал формироваться Корпус Противодействия, дабы перенести фронт на территорию криогов, в туманность Тарантул.

Брендон женился… И во мне почти не осталось эмоций, чтобы испытывать боль или радость, словно дымовые стелы, порождающие смертоносные бархатные бутоны, иссушили меня изнутри, обратив в сосуд безразличия. Не было ничего значимого, кроме столбиков ежеминутно меняющихся чисел.

События все больше смахивали на помесь сна и фильма-катастрофы: все вокруг рушится, а ощущение наигранности происходящего неотступно следует шаг в шаг…

Мы спали только во время перелетов, разговоры свелись к кивкам, прием пищи вошел в хаотичный режим. Мы шли по трупам и развалинам, даже не задумываясь над этим: так не размышляют шипы на навершии булавы, дробящей кости, не рефлексирует наконечник летящей стрелы.

Жизнь стала сном. Без цели, без начала и конца. Не было у нас даже права умереть, нас его лишили, не спросив.

Было — бдение на самом пороге долины смертной тени, было — падение иллюзий. И, наконец, было — причащение смертью. А мы стали ее апостолами.

Где-то в промежутке между наваждениями и явью:

— Ана, куда на этот раз?

— На Аплербек.

— Ну и названьице… Что там?

— Планета из списка. Стандартная схема оккупации.

— Клон Македонии?

— Различия есть, но общностей больше. Спи, до прибытия еще долго.

Совет дельный, да только мне не спится…

…Можно проложить дорогу…

И, не убоявшись, сделать шаг.

— Они не желают внять гласу Жаспана, — молвила Третья. — Он им не слышен.

Покровы ее были светлы, и ххфа выдерживали расстояние. В эту встречу Слияния не совершится.

— Им придется его услышать! — как всегда, горячился Четвертый.

— Если уйду я, у вас не останется отворяющей.

Даже капли повисли в воздухе. Ххфа перестали дышать. Не хуже Третьей им было известно, что ни одно из яиц в мягкой оболочке, принесенных ффта после слияний, не вскрылось женской особью. Предсознание подталкивало зародышей к выбору доли воина… или ххфа.

— Почему так, видящая? — мягко обратился Первый.

Ее спинное щупальце изгибалось в сложном танце над головой.

— Двурукие обрели свою видящую. Она приведет их к победе.

Первый качнулся к ней, балансируя на границе пространства ффта.

— Можешь явить нам свое видение?

Щупальце отворяющей содрогнулось. Не может…

— Она движется к ступени, называемой двурукими — Аплербек.

На этот раз я очнулась без криков, с кристально ясным сознанием.

Аплербек.

Как давно встречались тетрархи в промозглом гроте, да и встречались ли они вообще?

— Ана! — глаза мои горели в затемненном помещении, как подтверждение явления фосфоресценции.

— Так скоро выспалась? — удивилась подружка. — Не ожидала.

— Сейчас же меняй курс, — приказала я. — Мы должны выйти как можно дальше от чертовой планеты!

Не замечая боли, я впилась ногтями в ладони, неумело сжав кулаки.

— Я никогда не вывожу корабль в околопланетное пространство при малейших признаках опасности, успокойся, — возразила Ана. — А менять курс в пределах надвселенной — безумие, я же тебе объясняла, мы ускорены…

— Меняй курс! — в моем возгласе слышались истеричные нотки. — Нас там ждут, понимаешь? Аплербек — ловушка.

— Маневр в надвселенной — самоубийство, — воспротивилась КР. — Я оповещу капитана.

— Только побыстрее! — попросила я, пряча лицо в ладонях.

Капитана… Теперь это звание Кетлера…

— Горгонея Кварта, — изрекла стена голосом Аны.

— Что? — опешила я.

— Кетлер одобрил твой план. Мы выйдем из надвселенной у одинокой звезды, окруженной астероидными кольцами, перед переходом я отключу двигатели, пусть пеленгуют каменную крошку, сколько им вздумается. Горгонея Кварта — название звезды.

— Ясно. Звучит утешительно, — я позволила себе немного расслабиться.

— Только смысл? На Аплербек ты оттуда не попадешь, продуктивнее связаться с Императором и запросить помощь флота, — выдала дельное замечание Ана.

— Чтобы за это время криоги истребили население Аплербека? — вот и представился случай опробовать резервный план. — Мы попадем туда. Без капсулы. У нас есть специалист по перемещениям, ты забыла?

— Нильда? И скольких она может взять с собой?

— Меня и Флинера. Вполне достаточно.

Аплербек. Моя Валгалла.

Мы вышли в ночь. От отблеска трех лун и призрачного тумана, застлавшего равнину, воздух казался темным хрусталем.

Нильда перенесла нас на огромное поле, засаженное злаками.

— Неуютно здесь, — поежилась Нильда, не отпуская моего запястья, в которое она вцепилась едва ли не до синяков.

— Напротив, — отозвалась я. — Это божественная ночь. Расслабься, тебе понравится.

Я оглянулась, отыскивая почти звериный взгляд Флинера. Он молча кивнул, подтверждая свою готовность. В который раз по затылку пробежала щекотка — стыд за мою вспышку недоверия, за обвинение в предательстве, что я бросила в лицо Флинеру в день гибели Тиора…

— Присядем? — мягко предложил Лорд Руах. Показывая пример, он опустился на землю, сминая колосья. Нильда выпустила мою руку, и я поспешила внять совету мага. Я села рядышком, оперлась на его плечо, и сплела его пальцы со своими.

Сегодня не будет ни дымовых колонн, ни вихря из тьмы… Этой ночи суждено впустить в себя порождения несравнимо более прекрасные…

— Фтэрх, — мысленно обратилась я. — Старейшие не обидятся?

— О, они в восторге, Эшти.

— Восхитительно.

Немного света от лун… Добавить клочья серебристой туманной дымки… Шепот трав и рокот ветра… Безмятежность тишины и отзывчивость эха…

— Божественная ночь, — мечтательно повторила я. — Только в такую и можно Творить!

Сила. Последняя составляющая.

Сотканные из хрустального воздуха драконы взмывают ввысь, их белесые крылья прозрачны…

— Забирай нас, — прошептала я Нильде.

— А как же?..

Она не договорила.

— Все будет в порядке, — заверила я, соскальзывая в протянутые руки Флинера. Он подхватил меня и без усилий, словно и мое тело стало легче дыхания, поднялся на ноги.

Те из моих созданий, что встретят рассвет на планете, растают, как облачко пара. Другие… просуществуют немного дольше, но и они канут в небытие совсем скоро… Как только исполнят свою миссию.

Два или три оборота Аплербека вокруг своего солнца — и криоги, занявшие систему, перекочуют в раздел истории.

Мои творения хрупки и недолговечны, как капли росы, испаряющиеся под жгучими лучами, и неостановимы в своей безысходности. Жаль, я не в силах одарить их долгою жизнью.

Дни 280–321 (по ст. исч-ю).

— Не боишься, что я привыкну носить тебя на руках? — Флинер был похож на гепарда, быстрого, изящного и опасного в ярости.

— Скорее, тебе стоит этого бояться, — улыбнулась я в ответ. — Ты изумительный друг, я такого не заслужила.

Гибкое тело подалось мне навстречу.

— А ты не допускала мысли, что я могу перестать быть твоим другом?

Я шлепнула его по колену.

— Прекращай так шутить! Куда я без тебя денусь?

— Я не намерен тебя бросать… Я не то… Забудь, милая.

Он рывком поднялся, завис надо мной, глупо хлопающей ресницами, выжег своим янтарным взглядом кусочек моей души, провел чуткими пальцами по моей щеке, легонько коснулся мгновенно пересохших губ.

Миг спустя Флинера не было в каюте, только след от его прикосновения пылал на моей коже…

Вот тогда-то и треснула чашка.

Альдобраст отчаянно дулся на меня за то, что его не взяли на Аплербек, и он упустил шанс созерцать порождения моего разума, как ни убеждали его в рациональности переноса только Флинера и меня.

— А если бы на вас напали? — аргументировал рассерженный медик. Конструктивным возражениям о присутствии Нильды он отказывался внимать, а о том, что вероятную опасность упредил бы Фтэрх, я предпочла умолчать.

В негодовании Альдобраста было что-то детское, словно ему не дали поиграть с необычной игрушкой, зато она (игрушка) досталась соседу…

Хуже обстояли дела с Флинером. Нет, внешне мы были лучшими друзьями, но, увы, то была лишь видимость…

Раз за разом, глядя в его поблекшие глаза (теперь скорее цвета мокрого сена, чем янтаря), я корила себя. В эти минуты мне хотелось стать деревом, чурбаном, обычным березовым поленом, чтобы и дальше ничего не замечать…

«Мне тоже хочется кресло и вино»…

«Все впереди, милая, стоит тебе только пожелать»…

Тогда я решила не придавать значения его словам. Нынче так не получится.

Мое сердце было пустыней, оно почти уже не тосковало по Брендону, но и других чувств допускать не желало.

То был тупик.

Зато ко мне пришла мириться Леа, хотя с ее стороны это был

не самый обдуманный поступок, будь я в тот день чуть менее уравновешенна, без травм не обошлось бы.

Она сидела скромная, притихшая, вложив ручки на коленях, точь-в-точь пятиклассница на уроке.

— Ирина… скажи, каково это?..

Она столь тщательно подбирала слова, а произнося — словно пробовала каждое на вкус, что я оттаяла.

— Выходить за рамки возможного? Способность перешагнуть порог условностей и видимых реалий и отличает Творца от заурядного мага. Ты различаешь потоки, можешь их направить, но вообразить то, чего никогда не существовало, то, чему нет аналогов в известном тебе мире, ты не способна. И это нормально.

Слушая меня, Леа хмурилась, между бровей то и дело проступала тонкая морщинка.

— Выходит, я ограниченная, — усмехнулась она в финале моей тирады.

— Скорее уж я — ошибка природы, — засмеялась я в ответ и потянулась за непрозрачным контейнером, который старалась никогда не выпускать из поля зрения. Открыла его, выпустив на свободу паука, который незамедлительно принялся карабкаться мне на плечо.

— Стой! — вскрикнула я, когда Леа начала тянуться к нему. — Вообще-то он смертельно ядовит.

— Ой, — испугалась она и отдернула руку. — Он же и тебя может укусить.

— Может, — согласилась я. — Но страшно не любит это делать.

Глаза девушки округлились.

— Членистоногие — существа довольно распространенные, да и окрас его навряд ли является редкостью, но сознания у них я как-то не встречала. Главное — забыть об ограничениях, расширить рамки. Любая невероятность может обрести форму, избранную тобой.

— Так просто?

— Не совсем. Сложность в том, чтобы поверить в свое создание. Безоговорочно. И тут рассудок, как правило, пасует.

Девушка конвульсивно втянула воздух, озираясь по сторонам, точно перепуганная лань. Я знала, о чем она хотела спросить, и как тяжело ей дадутся эти слова, но помогать не собиралась.

— Ирина, что у вас было с моим мужем? — она оборвала-таки колебания. Молодец, решилась.

Время замедлило бег. Мне вспомнились тепло его дыхания, согревавшего мою обледенелую душу, вьюга, бушевавшая над

нами, трепет наших сплетенных тел…

Что было у нас?.. Бессловесная искренность.

— Одиночество, — глухо выговорила я. — Боль утраты. Доверие. Хрупкая надежда. Но больше всего было одиночества.

— Я думала… Мне казалось…

— Не думай. Я тебе не соперница.

Я лицемерка. Добрая, патетичная лицемерка…

Остальное не произнесется вслух. Правда в том, что я предала его доверие, в этой самой каюте, на этом самом месте. Он даже сидел почти так же, как Леа сейчас.

Тогда Койт позвал меня на Глацинию… Снова. А я оказалась настолько трусливой, что даже не смогла ответить: «Нет».

Правда в том, что я не могу быть ни с Койтом, ни с Флинером. И уж тем паче — с Брендоном.

Правда в том, что я умру в одиночестве.

И это случится довольно скоро.

Предвестье, что на принес на темно-лиловых крыльях Фтэрх, обличало ничтожно мало.

Но лучше бы не обличало и вовсе ничего…

Открытая галерея императорского дворца, один из верхних ярусов, изящно вытканная гардина с пушистой дымкой облаков. И нечеловеческий ужас на лице Арны, новой Леди Атир. В светлых глазах ее — отражение моих, закатившихся.

Одиночный кадр из диафильма. Финальный в трагикомедии «Ирина Калинина».

— Старейшие не могут ошибаться, так ведь? — чрезвычайно спокойно спросила я Фтэрха. Страха нет. Он иссяк на оставшемся для меня безымянным спутнике Ишвари.

— Они не видят ничего, что могло бы оборвать эту нить. Мне жаль, Эшти.

— А как же: «Боль ее спасет мир»?

— Очевидно, тебе стоит поторопиться с его спасением.

Легко сказать, поторопиться со спасением мира…

Едва ли не в каждую ночь в мои сны приходит ффта, всегда в одном образе: она плывет в ирреально темной воде, странное тело ее отливает синевой, пока толща чернильных вод не скрывает от меня силуэт отворяющей.

И всякий раз просыпаюсь я от спазмов, сотрясающих самое нутро, будто это меня увлекали в свинцовые глубины, из которых возврата — нет.

И тогда произошло два события. Первое: криоги прекратили наступление, разом, оставив даже те позиции, на которых обладали преимуществом в расстановке сил; второе: «Странник» получил указание вернуться на Консул I. Чета Атир желала лицезреть Леди Калли.

Успеть спасти мир до прибытия на Консул уже не виделось возможным, и вместе с тем пришло облегчение.

А потом нагрянул другой сон. Тот, что однажды уже вывернул наизнанку мою душу.

Между зубчатых скал — зеленый туман. Ущелье, залитое рекой из тумана. Обрыв, и на краю его — я, с распростертыми руками-крылами, бездумная птаха перед полетом-прыжком.

Вниз. В бездну.

Колючий, безжалостный ветер, порывистыми ударами проходящийся по мне со всех сторон.

— Ты готова?

На этот раз я не задаю вопросов, их уже развеял ветер. Стоит мне лишь обернуться — и из тумана объявится высокая фигура в черном плаще. Он — предначертание, он всегда на грани видимого… Но я давно шагнула за эту грань.

— Ты готова? — он, как и прежде, громогласен.

Я колеблюсь минуту, борясь с искусом переступить кайму обрыва.

— Да, папа.

Тяжелые, холодные ладони ложатся на мои плечи. Так и не обернувшись, я протягиваю руку, чтобы мгновенно ощутить леденящее касание металла. Не Страж передал мне его, клинок был соткан туманом…

— Он всегда был твоим.

Я не шевелюсь, наполняя память тяжестью его ладоней.

— Именно потому, что любишь, дочка.

Я кидаюсь в туман, что клубится под ногами. Ветер…

День 322.

— Карета подана, ваше превосходительство, — мрачно пробурчала я, усаживаясь в флаэрель. Пилот бросил в мою сторону удивленный взгляд, но от комментариев воздержался.

Я ухмыльнулась, влекомая невеселыми мыслями. «Спасти мир» надлежит до встречи с Арной, а встреча сия неотвратимо приближается…

— Можем мы сделать небольшой круг? — неожиданно для

себя самой обратилась я к пилоту.

— Конечно.

— Давайте пролетим над горами Раута, — попросила я. Губы растянулись в улыбке. Не вешать нос, Ирочка!

Флаэрель мягко ушел в вираж.

Гордые, величественные пики подпирали земную твердь (ах, жаль, что это лишь подобие Земли, а не она сама, но все равно — красиво), я упивалась зрелищем, не сдерживая восхищенных возгласов. Сколько эти титаны видели правителей? Скольких еще переживут?.. Я вбирала в себя незыблемую гармонию каменных исполинов, спокойствие снежных вершин и непокорную свободу ветра.

Да исполнится предначертанное.

Тихи были шаги мои по мозаичному полу зала совещаний, даже робки, но каждый отзывался гулким эхом под черепной коробкой.

Скоро.

Побелели костяшки пальцев, сжатых в кулаки. Панорама потоков Силы, чуть подрагивая, наложилась на обыденную обстановку.

Издалека — звонкий смех, топот детских ножек.

Я вошла одна, оставив позади охрану. Одна же и выйду. Если удастся.

Он вбежал — воздушный белокурый ангел. Ангел смерти.

— Здравствуй, мой мальчик, — я протянула к нему руки.

Раскрывая объятья, он помчался ко мне.

— Рад встрече.

Из небесно-голубых глаз вырвалось черное пламя.

Я ожидала выброса чистой Силы, пребывая в наивной уверенности, что он станет действовать осторожно, не оставляя следов. Так он поступал ранее… Но не в этот раз.

Драпировки и шторы занялись немедля, обивка диванов и кресел начала тлеть, в зеркалах озорно заблестели отражения черно-красных язычков. Ни дымовой завесы, ни запаха гари — лишь чистое пламя.

Ангел повел взглядом, и в мою сторону хлынул огненный вал.

Я прыгнула, стремясь к самым верхним потокам, ощущая дыхание жара преисподней под ногами.

Сейчас!

Я метнула его, не целясь. Зазубренное лезвие со свистом рассекло воздух.

Пламя опало тотчас же, едва клинок моих кошмаров нашел сердце Тода, только обуглившаяся мебель да почерневшие картины в закопченных рамах свидетельствовали об огненном буйстве.

Я отпустила поток, слишком резко, и потому рухнула, завалившись в падении на бок. Пока я вставала и отряхивала колени, тело Тода начало распадаться: одежда, кожа, все внешние ткани вплоть до костяка сошли в считанные секунды, затем рассыпался скелет, оставив только абрис из сажи.

Вот я и стала детоубийцей.

А теперь идем к Арне. Каяться.

Мне не составило труда найти ее, не понадобилась помощь служителей. Она стояла именно там, где я ее и искала: на одном из верхних ярусов, посреди открытой галереи, напротив огромного окна, завешенного великолепной гардиной. Арна изрядно располнела, заметно выдавался вперед животик под извечным одеянием беременных: расширяющемся под грудью платье.

— Здорово выглядишь, — констатировала я, когда она обернулась на отзвук моих шагов.

— Да уж, — она усмехнулась в ответ. — Еще немного, и я стану больше этого дворца.

— Тебе взаправду идет беременность, — я повторила комплимент, не решаясь перейти к главному.

И верно, она была хороша в нежно-бирюзовом, оттеняющем ее глаза, уборе, с легким макияжем и высокой, идеально выполненной прической. Огромный треугольный бриллиант на безымянном пальце был единственным украшением. Лицо — задумчивое, как положено монахиням, а не монархам, легкая полуулыбка казалась печальнее слез.

— Спасибо, что согласилась нас посетить, — произнесла Арна.

Хотелось кричать и плакать, бессвязно вопить в пустоту и дворцовую роскошь, кидаться с кулаками на резные перильца…

— Не за что.

Мальчик. Красивый беспечный мальчик. Улыбчивый ребенок, а с изнанки — невообразимое, бессердечное зло.

Это из-за него погиб Тиор.

Это он едва не погубил Брендона.

Это по его воле я задыхалась в безумии серой клетушки.

Это он поглотил Силу семи Творцов Невозможностей, упился ей, и отправился дальше, преспокойно переступив через их трупы.

Это с его помощью была развязана война Оплота Кри с Межгалактической Империей, война, унесшая тысячи тысяч жизней…

И все же… Он был мне дорог.

Прости меня, Тод, мой юный ангел с оскалом исчадия ада, прости, но ты не оставил мне выбора.

Арна дергала меня за рукав, выводя из покаянных размышлений.

— А? — я отозвалась-таки на ее домогательства.

— Ты не против присесть? Мне уже тяжело подолгу стоять, ноги отекают.

— Конечно…

Она повлекла меня за собой, сквозь анфиладу комнат, навстречу разговору, от которого не уйти.

— Так-то лучше, — Леди Атир вытянула ноги, заняв большую часть затянутого голубой материей дивана, отличавшегося от тона ее платья лишь меньшей насыщенностью.

Я рассеянно кивнула. Перед глазами снова и снова пролетал тусклый клинок.

— Ты стала совсем другой, — заметила Арна.

— А ты наконец набралась наблюдательности, — машинально парировала я.

— Так уж вышло, что я стала Императрицей. Пришлось.

— Ты счастлива? — я и не думала задавать такого вопроса, он сам сорвался с уст.

— Высокие Лорды поголовно презирают меня за происхождение, недостойное рода правителя, служители не замечают моего присутствия, пока я не начинаю стучать туфлями по стенам, а муж просто-напросто избегает. До рождения наследника менее ста дней, и после него я перестану являться живым инкубатором, следовательно, утрачу всякую ценность. Счастлива ли я? О, безмерно!

— Извини…

Я растерялась, не находя слов.

— За что? — она раскраснелась, изливая накопившееся в душе. Эк же довели девочку, надо б всем рога поотрывать, начиная с императорской персоны! — Во всем только моя вина. Ведь это я его предала, так что не надо меня утешать.

— Кого предала?

Что-то во мне надломилось со смертью Тода, я даже перестала понимать близких людей…

— Моего супруга и Императора, Сэра Брендона. Опоила, соблазнила, умудрилась понести от единственной ночи. Можешь подобрать другое определение моим поступкам?

Горечью сочилось каждое слово ее…

— Могу. Любовь.

Мы замолчали, думая каждая о своем. Зверски хотелось кофе…

— Арна, я убила Тода, — прямо в лоб подруге заявила я. А сколько можно тянуть?..

— Знаю. Я… видела.

— Как?!

— Во дворце немало секретов, Ирина. Ничего не объясняй, не надо. Теперь долги уплачены.

— Не понимаю тебя.

Она всплеснула руками.

— Что там понимать? Когда Тод вернулся… после Македонии, после других планет… я решила, что он стал монстром. А потом… осознала, что он всегда им был. Прошу, не будем об этом.

— Как скажешь.

Получается, Арна знала… Давно ли? Быть сестрой Абсолютного Творца, не имеющего себе равных в этой Вселенной, и не замечать этого… Нет тут вины Арны, никто не мог пробиться сквозь блокировку, которую он поддерживал, начиная с трехлетнего возраста.

Чрезмерно одаренный, изощренно умный, безгранично амбициозный. Была ли Сила его инструментом, или же он сам был инструментом Силы?..

— Ирина, у меня к тебе просьба. Ради нее я тебя, собственно, и вызывала.

— Слушаю.

— Позаботься о моем сыне. Со мной что угодно может случиться, многие меня не любят. А напасть на тебя — побоятся.

Жар. Он поднимался от поясницы и заливал все тело. По кровеносным сосудам медленно протягивали раскаленную проволоку.

— Я так страшна? — я навалилась на спинку дивана, пытаясь выровнять дыхание и отвлечься от подступающей дурноты.

— Где бы ты не побывала, о тебе отзываются, как о демоне ночи…

— А что, похоже, — я облизнула губы. Пить! — Кожа темная, глазки-звездочки.

— Еще тебя называют: тенью, несущей смерть, сумрачной тварью, наместницей ужаса… Продолжить список? Детей пугают за плохое поведение, что Эшти придет за ними в ночи. О тебе говорят страшные вещи, Ирина.

— Я спасаю им жизни, Арна. Будут ли потом их сны

сладкими, меня волнует мало. Мертвым детям, знаешь ли, вообще ничего не снится.

Дни 328–335.

Золотисто-фиолетовые бабочки роятся над головой, сливаясь то в облачко, то в цветок, то в…

Черт!

В дракона.

— С возвращением, Эшти, — Фтэрх, как ни в чем не бывало, уселся рядом со мной, почти выпав из поля зрения. Пришлось поворачивать голову…

— Ррры!.. Больно. Во что я вляпалась на этот раз?

— О, ты исхитрилась, проявив чудеса изобретательности, подцепить инфекцию, последнее свидетельство о которой зафиксировано около трех столетий назад.

— Кхрыгх… Прелестно. Обширные медицинские познания.

— Скорее, умение слушать твоих соплеменников. Кстати, о слухах. Глядящий-сквозь-Время уходит.

— Кто б его отпустил… Стоп! Флинер собрался уйти? Куда? Зачем? — оторопела я.

— Эшти, ты не умеешь задавать вопросы. Совершенно. Первым правильным вопросом было бы: «Когда»?

— Когда? — послушно повторила я за Дайр'Кооном.

— По окончанию сражений. А значит, время для вмешательства еще есть. Второй вопрос…

— Почему? — ворвалась я в его ритмичную мыслеречь.

— Он устал, Эшти. Много жизни, много смерти, много разочарований. Он уйдет не один. С ним — эманирующая конструкция, сущность, живая в не-жизни.

— Что? А, догадалась, Ана. Зови ее Ана. Правда, я все равно ничего не поняла. Куда они собрались?

— В сбитый переход. В недра звезды.

— Подожди. Уйти — аллегория «умереть»?

— Даже Дайр'Коон не уцелеет в чреве звезды. Ты верно истолковала, Эшти. Но остановить его еще возможно.

— Как?

— Не добавляя разочарований.

Сэр Ивенс был мрачен и хмур, но я обрадовалась его визиту, как старшеклассница свиданию — он был первым моим посетителем за неделю, которую мне пришлось проваляться в

постели (медицинский персонал не в счет). Более никто не удосужился заглянуть в мои покои, дабы засвидетельствовать факт очередного моего возвращения из царства мертвых.

Ничего-ничего, оклемаюсь — наведу немощную порчу на весь дворец, чтоб жизнь малиной не казалась! Это, кстати, несложно в исполнении — всего-то и делов, что закрепить каркас из темных потоков, который без стабилизации со временем распадется сам.

— Ирина, не улыбайтесь мне, я с паршивыми вестями, — с порога остудил мою веселость проконсул Вельзевула.

— И первая паршивая новость заключается в том, что я-таки не умру? — предприняла робкую попытку сыронизировать я. — Так я уже догадалась…

Политик укоризненно посмотрел на мою наглую физиономию и вздохнул.

— Дорогая моя, я сделаю вид, что мне смешно, и мы успешно минуем фазу обоюдной неловкости, — он растянул губы в пародии на улыбку. — Так сойдет?

Я спешно закивала. Хорошо, что Грэм меня осадил, а то я стала забываться, он все же не мой приятель, а политик высшей лиги, находящийся в родстве с Императором… Моим приятелем-Императором, ага… Я одернула себя еще разок и перевела внимание на гостя. Ивенс-Атир махнул рукой, очевидно, признавая мою неисправимость, и грохнулся в кресло. Что удивительно, оно не развалилось под весом Главы Совета.

— Мне неприятно говорить об этом, но ситуация с Лордом Хелином по сей день так и не сдвинулась с мертвой точки. Я даже не успел воспользоваться вашим предложением — услать его на передовую, он сам заявил о своем желании направиться в систему Ида-Перион, когда там начались бои. Столкновение не было масштабным, в нем участвовало менее сотни звездолетов с обеих сторон. Высказал он это пожелание на внеочередном заседании Малого Совета, в присутствии Императора, и Брендон в инициативе отказал.

— Он как-то объяснил отказ? — уточнила я. Эпопея с заговором все больше напоминала мне ловлю мелкой юркой рыбешки голыми руками в мутной воде — стоит чудом ухватить, как рыба ловко проскальзывает между пальцев…

— Нет. Формулировка «это неприемлемо» из императорских уст является неоспоримой. Если Лорд Хелин — предатель, он нас обыграл.

Сэр Ивенс развел руками, и мне оставалось только согласиться с поражением.

— Мы в заднице, — пробормотала я, опустив очи долу. — Извините, вырвалось.

— Грубо, зато точно, — оскалился в желчной ухмылке Грэм. — Я приставил к Брендону и Императрице личных телохранителей. Они уже пресекли четыре попытки покушения на племянника и однажды не успели с его женой — она обварилась в личной купальне, туда, как вы понимаете, охрана не допущена. К счастью, обошлось легкими ожогами.

Я сделала пару глубоких вдохов, чтобы удержаться и не высказать вслух все, что думаю о мятежниках, этой своре шелудивых псов, не гнушающихся нападением на беременную женщину. Подлые, трусливые гиеноподобные твари…

— Я разделяю ваше негодование, Ирина. Это низко. При разговоре с глазу на глаз с племянником я обрисовал ему положение дел, и настаивал на расформировании службы, подотчетной Лорду Хелину. Он отказал и в этой просьбе, и в смещении Хелина с должности…

— Он вообще соображает, что творит? — процедила я сквозь зубы. Если Грэм говорит правду, выходит, что Брендон ополоумел…

— У нас нет ничего, прямо указывающего на Лорда Хелина, кроме подозрений. Даже непосредственных исполнителей нет: на Императора падало дерево, в его завтраке оказывалась отрава, затем капсула с ядом была подброшена в его кабинет через вентиляционную систему, когда в него стреляли — нашли только оружие… Мы действительно в заднице.

Я беззвучно ругалась последними словами. Без доказательств у Сэра Ивенса связаны руки, а Брендон, если уперся, переубеждению не поддается… Замкнутый круг.

— Вот что, — решилась я. — Вы можете устроить мне встречу с Хелином наедине? Продолжительную?

За час я выпотрошу всю его подноготную, какими бы методами он ни был защищен.

— Не получится, — с явным сожалением ответил Грэм, поднимаясь из кресла. — Он отбыл с инспекцией на Консул II. Туда нет доступа ни у меня, ни у вас. Вернется в лучшем случае через шесть дней. Отдыхайте, Ирина, мне пора на совещание.

— А что вообще находится на втором Консуле, раз он настолько засекречен? — возмущенно воскликнула я. Если я добралась до *тальрем*-архива, то тайну закрытой планеты разгадать просто обязана! А то развели тут «Секретные материалы[35]»!

Сэр Ивенс, уже направившийся к выходу, обернулся с покровительственной полуулыбкой.

— КР. Там машины обретают жизнь.

— Подъем! Э-эй, подруга, ты встаешь или где? Да просыпайся уже! — восторженно верещала стенка голосом Аны.

С трудом протирая глаза, я силилась понять, что вообще происходит, и с чего вдруг такая суматоха.

— Очухалась, — озвучила наблюдение Ана. — Доброе утро!

— Тебе туда же, гибрид будильника, компа и питекантропа, — буркнула недовольная я. — По какому поводу побудка?

— Сама же просила показать момент перехода. Хотя толку… Так и так не разглядишь ничего.

А ведь и правда просила… Давно так, прям сама умудрилась забыть, благо чудо-машина забывать не обучена.

— Приходи в себя, — прокомментировала мой взлохмаченно-заспанный вид Ана. — Скоро начну отсчет.

Дальняя стена затемнилась. Ана выводила на экраны в моей каюте отображение преодолеваемых «Странником» космических пространств.

— Минута до перехода. — голос Аны стал сухим и безжизненным, будто ее лишили эмоций.

— Готова, — на всякий случай ответила я, уставившись, что называется, во все глаза на обзорные панели. Затаила дыхание. Даже моргать, кажется, перестала.

— Десять… девять… восемь…

На семи защипало глаза. Пришлось моргнуть.

— Два… один…

Тишина. И…

Обидно. Действительно, ничего мне высмотреть не удалось. Я аж засопела от досады… Да, в какой-то момент наложение звезд изменилось, но вот в какой…

— Да не расстраивайся ты так, — речь Аны вновь обрела жизнерадостность. — Не способен человек уловить переход, как и точно обсчитать его.

— Утешила…

— Стараюсь, — хихикнула она.

— Спасибо тебе, дорогая. Только ты и сдерживаешь мою манию величия.

Перед отлетом с Консула я разругалась с Брендоном. Мы спорили до хрипоты несколько дней, оба уверенные в правильности своих убеждений.

Если вкратце: я билась о камень, персонифицированный в Императоре, умоляя его не совершать непоправимого, не «стирать с лица Вселенной», как он однажды выразился, Оплот Кри.

Он… скажем так, Брендон не был со мной согласен. Совсем.

Какие только я ни приводила аргументы, сколько отсылок в историю многонациональной Земли ни озвучила, все было равно гласу вопиющего в пустыне. Впору было начать швыряться тяжелыми предметами, но я стерпела.

Тогда я ушла. Ушла, сознавая, что не сумела предотвратить холокост в масштабах целой галактики.

Единственной выбитой уступкой стало разрешение как мне, так и «Страннику» не вмешиваться в сражение, задуманное Советниками Императора как финальное и победоносное. Однако присутствовать в ареоле Туманности Тарантул, дабы не пропустить час триумфа, надлежало в приказном порядке.

Так то. Уходя, я в сердцах назвала Брендона идиотом. Вслух. При Лорде Хелине, который как раз вернулся из инспекции.

Выражение лица последнего описанию не поддавалось.

…Не убоявшись, сделать шаг.

Последний?..

Ффта обездолена. Не чувствуя холода, ступает она по заснеженной глади. Сумрак обволакивает ее.

— Остановись, — ласково попросила я. — Еще не поздно.

— Они не слышат меня, Видящая, — откликнулась Третья. — Ты слышишь, а они — нет.

Ей больно, а ее транс ворвалось чужеродное, выжигая покровы.

— Мы не такие разные, ффта, — я старалась не ранить ее, больше того — пыталась спасти. — Мы можем сосуществовать.

— Не внимать Жаспану запрещено, — мягко возразила она.

— Люди не внемлют ему, как и любым другим божествам, ибо мы знали слишком много богов и религий. И, проливая кровь, вы не усилите его глас, лишь ярче разожжете ненависть. Не запретишь ветру — дуть, а звездам — пылать в ночи, так и с нами: убивая людей, ты не приведешь их к Жаспану. Мы никому не покоримся, Отворяющая, и скорее погибнем, но погибнем — сражаясь.

— Мудрость я слышу. Должна осознать, — заколебалась ффта. Ее спинное щупальце раскачивалось в такт с порывами ветра.

— Приди к тетрархам, — увещевала я. — Говори с ними. Ценою бездействия может оказаться уничтожение расы. Весьма

вероятно, твоей расы, жрица.

— Я скажу им.

Меня поглощает снежная пыль.

Дни 341–351.

Пир во время… нет, в преддверии чумы.

Золотисто-розовые, удивительно теплые волны, пригревшаяся в лучах карамельного светила галька под ногами, необыкновенно вкусный воздух. Вкуснее только вино в цельнокаменном кубке.

До «великой битвы» оставался временной зазор, и я не преминула воспользоваться данным в один прекрасный день обещанием Флинера: посетить Ацилу, волшебный мир моих снов и его прошлого. Желтоглазому магу удалось невозможное — получить разрешение на разовый визит в провинцию Руах для всего экипажа «Странника». Кроме Аны, разумеется.

К несказанному удивлению меня и самого Флинера, едва ли треть команды согласилась воспользоваться билетом в лето. В объятия ошеломительных, изысканно-лиричных пейзажей и лучших во Вселенной вин решились пасть немногие: привычно молчаливый Листенн, помощник повара Эванард, необычно стеснительная Нильда, всюду сопровождаемая Бенсом с Каллигарии, близнецы с Пифии, почти безводного мирка на задворках Империи, Род и Фод, которых я перестала как-либо различать в первый же вечер (то есть после осушенного залпом кубка), Альдобраст и Стефан от медиков, Леа и Койт, навигаторы Войд и Тара (хотя зачем на управляемом Аной звездолете аж шесть навигаторов, спрашивается), пара закадычных друзей-ремонтников, чьи имена запомнить мне не удалось, застенчивая Инора, звездный картограф с планеты Веста, той самой, что первой из имперских миров ознакомилась с «чистым» вирусом криогов.

Кажется, я никого не упустила. Присутствие в сей славной компании Флинера и меня разумелось само собой.

Вот и все, больше никто не решился «переступить черту», разделяющую общедоступный Адонаи и закрытые владения виноделов. Кетлер Ааст, например, вообще не покинул борт «Странника»…

А зря!

— Классику или экспромт? — чертенята в глазах Флинера прямо-таки подмигивали мне. Игривенько так подмигивали,

стоит отметить!

— Смотря о чем речь, — ответила я, разглаживая не требующий этого местный наряд: простую белую блузку с коротким рукавом и белые же шорты. Забавно, но нынешний мой сероватый цвет кожи удачно сочетался с белизной.

День прибытия в провинцию Руах был ознаменован долгим затяжным дождем, вошедший в роль радушного хозяина Флинер сетовал на неудачный для экскурсий сезон.

— Вино, милая, для нашей первой посиделки. Думаю, все уже успели облачиться, и мне бы пора передать Дютену, что мы будем пить.

— Огласите весь список, пожалуйста, — засмеялась я. Без сомнений, Ацила влияет на меня благотворно, хандра и беспокойство о судьбах мира отошли на задний план.

— Весь?! — неподдельно изумился Лорд Руах. — Женщина, ты в своем уме? Перечислять содержимое моих погребов я буду до заката, а наши друзья не поблагодарят нас за вечер без выпивки.

Меня особенно порадовала искренность его негодования: вот такой, живой и эмоциональный, он нравился мне значительно больше.

— Тогда хоть объясни, между чем и чем выбираем, — смиренно сдалась я, упиваясь видом из распахнутых окон.

Окна эти выходили в сад. Темная, отливающая синевой листва стройных деревьев и фигурно выстриженных кустарников, почти хищная яркость бутонов, дрожащих под струями дождя, арки из похожих на плющ лиан… И, боги! Как оно пахло!

За любованием я прослушала ответ владельца цветущего чуда, за что заработала легкий шлепок по мягкому месту.

— Эй, без рук! Извини, отвлеклась, больше не буду. Повторишь?

Маг картинно вздохнул и изрек:

— Вариант номер раз — что-нибудь коллекционное, классическое, виноградное, весьма достойной выдержки. Второй, пока не поставлявшийся за пределы планеты, и едва ли будет: к виноградному фону добавлена нота персика.

— Чего-чего?!

— Мы выращиваем не только виноград и персиковые деревья. В экосистему Ацилы удалось адаптировать множество растений с Терры.

— Но как?! — мои бессвязные восклицания чуточку его смутили.

— Я, знаешь, лично не присутствовал. Многолетние разработки, обособленный аграрный мирок. Чем еще было

заняться предкам? Вот и растили цветочки да кустики. Ты определилась? Дютен не успеет охладить вино.

— Экспромт, без вариантов.

Желание провести на Ациле больше десятка дней становилось все настойчивей…

— За «Странник»! — провозгласил Стефан. — За наш большой летучий дом!

Выбор оказался верным: вино было изумительное, нежное, с теплой и яркой гаммой, а в немалый каменный кубок я и вовсе вцепилась мертвой хваткой, очень уж он был хорош.

А под разнообразные вкусности, поданные к длинному овальному столу, за которым вольготно разместилось семнадцать человек, так совсем потрясающе. Правда, Леа пыталась выразить протест относительно обилия морепродуктов, но заверения Флинера о компетентности его повара утихомирили девушку.

Эванард, лично продегустировав предложенные яства, принял сторону Флинера.

Я же хотела всего, что стояло на столе в пределах досягаемости… И, пожалуй, напиться. Хотя опасалась за талию.

— А теперь мы просто обязаны выпить за этот, тоже совсем не крохотный, дом, крепко стоящий на земле, — громогласно продолжил Стефан, чей облик никак не вязался в моем представлении с врачебной деятельностью: рослый, только на полголовы ниже Койта, упитанный шотен с шапкой кудрей, эдакий сытый медвежонок.

В ответ на тост веранда огласилась аплодисментами, а сам Лорд Руах склонил голову. Я расплылась в улыбке, так как совершенно спонтанно (и помимо моей воли), мне выпало исполнять обязанности хозяйки.

Да, отдельное слово о веранде. Наверное, она мало кого удивила, но на меня, девушку из «глуши времен», впечатление произвела.

У нее была одна стена. Та, что примыкала непосредственно к дому. Заместо потолка был прозрачный, чуть мерцающий стеклопластик. Такая же мерцающая дуга выдавалась в сад, примыкая краями к «нормальной» стене. Так что ужинали мы практически в саду, над головой бурлили тучи, капли разбивались о мерцание, а с полукружия «стены» стекали полосы воды.

— Замечательно, — чуть слышно, но крайне довольно

прошептал Флинер, он как раз вернулся от ледника с очередными бутылками, и я решила, что комментарий его относился к спиртному.

— М-м? — из вежливости промычала я. Говорить не хотелось, было слишком уютно, естественно-роскошно. Или наоборот, роскошно естественно…

— О, я успел забыть, как звучат голоса в этом доме, — негромко ответил маг. — Замечательно, когда в нем столько людей.

На дальнем конце стола Альдобраст рассказывал какую-то забавную историю о прижимистом пациенте. Я не вслушивалась, но ребята смеялись, значит, история и взаправду была веселой.

— Даже самый красивый терем навевает тоску, когда он пуст, — кажется, я поняла настроение Флинера. — Значит, ты на меня не сердишься?

— За что? — он удивленно изогнул бровь.

— Да за все это, — я обвела взглядом и жестом всю честную компанию, развалившуюся в плетеных креслах. — Мы ведь одно сплошное разорение, даже если забыть про взятки, данные, чтобы нас пустили дальше Адонаи.

— Мой внучатый племянник — проконсул, — мягко возразил Лорд Руах (здесь, на Ациле, я отчего-то часто вспоминала его титул). — Без взяток удалось обойтись.

— Доктор, а вы точно уверены, что мне необходимы эти легкие? — закончил повествование Альдобраст, и наша беседа с хозяином дома прервалась дружным хохотом.

— Нисколько на тебя не сержусь, — продолжил Флинер, когда смех поутих. — Пригласить сюда команду было отличной идеей. Правда, Дютена едва не хватил удар, когда я оповестил его о скором прибытии более сорока человек.

Настал мой черед смеяться.

— Его пугают скопления людей?

— Он пытался осознать, как их можно разместить. В доме только шесть спален.

Я хихикнула.

— Нас тут больше шести… Кто ночует в спальне хозяина?..

— Ты забываешь о гостиных и кабинетах. Впрочем, мне нравится ход твоих мыслей, если замерзнешь, приходи, могу стать твоей ласковой грелкой.

Видится мне, он и впрямь развеселился, что не могло не радовать в связи с заявлением Фтэрха о суицидально-пессимистических намерениях Глядящего-сквозь-Время.

Доброго, великодушно улыбающегося Флинера. Нет, не могу я его отпустить.

— Похоже, темнеет.

— Похоже, прекращается дождь…

Мы выпалили это одновременно, переглянулись и засмеялись снова.

— Ночная прогулка по побережью? — отсмеявшись, предложил Флинер.

— Безусловно! — легко согласилась я.

Осветительных приборов брать с собой не потребовалось. Щелчок артистичных пальцев Творца Невозможностей — и вокруг нас закружилось дюжины три «светлячков» — горящих ровным светом шаров со среднее яблоко.

В руки шары не давались (не слишком трезвая компания пыталась их ловить), но дорогу освещали исправно.

Увы, лицезреть расхваленные Флинером закаты помешали тучи, плотно схватившие весь обозримый небосвод.

— Тех, кто ненароком потеряется, — пряча смешинку в уголках глаз, предупредил хозяин имения и создатель светлячков. — Искать не будем. Шары покажут обратный путь, нужно лишь произнести: «О, всемогущий и добрый маг, изволь явить во мгле нам путь к жилищу твоему»… Шучу. Достаточно сказать: «Пора домой».

В итоге… Долго ли, коротко ли, но все наши спутники, стайками или парами, таинственнейшим образом пропали. Держу пари, вот только что я слышала грудной голос Альдобраста, освещавшего очередной любопытный ракурс медицины…

— И что же ты им посулил, чтобы нас оставили наедине? — не без улыбки, но и не без подозрений спросила я.

— Ты удивишься, милая, но и тут обошлось без взяток, — засмеялся Флинер. — Наши друзья покинули нас добровольно. Понимаешь, в условиях звездолета уединение фактически невозможно.

— Не скажи, я почти перманентно одна, если не считать мой зверинец и Ану.

— Ну ты даешь, милая! — Флинер вновь зашелся смехом. — На всем «Страннике» ровно три таких каюты: для наследника, ныне Императора, для капитана и для почетных гостей. Остальные живут более скученно.

— О! — я смутилась. — Тебя часто называют кладезем знаний?

— Буквально каждый день. Уверен, тебе и невдомек, за что не любит Нильда молодую супругу Койта.

Я изобразила предельную заинтересованность.

— Суть конфликта забавляет половину экипажа. Леа с мужем часто посещают душевые… И она (Леа) весьма громко оповещает весь нижний ярус о получаемом ею супружеском удовлетворении. По несчастью, Нильда проживает на том же ярусе, и время от времени выговаривает Леа за неэтичность ее несдержанного поведения.

— Вот уж не знала, что ты еще и сплетник, — прыснула я, когда Флинер замолк. Чем-то царапающим отозвался во мне его рассказ. Демонстративно ли кричит Леа с Койтом или и впрямь не может сдержать себя?

Дит. Страх. Страсть. Метель.

Что ж, с Койтом можно и покричать…

Мы спустились к самой кромке взморья. Густо-фиолетовые волны накатывали на гальку, воздух пах свободой и водорослями, а сверху снова занялась мелкая морось.

— Поплаваем?

В предложении Флинера, таком невинном на первый взгляд, как и в глубинах размеренных вод, немало подводных камней.

Я знаю, что интересна ему не только как товарищ по приключениям. Я знаю, что под моим нехитрым одеянием ничего нет, кроме меня самой. Я знаю, что не хочу обидеть его.

— Тебе так не терпится увидеть меня голой? — я затрепетала ресницами, норовя отшутиться.

— Расслабься. Никто не покушается на твою девичью честь. Попробую добавить зрелищности, может, это тебя впечатлит.

Едва заметный жест — и волны зарделись отсветом россыпи молочных жемчужин.

— Не серчай, милая, лунную дорожку, как на снимках с Терры, я организовать не в силах. Лун у нас две, обе мелкие и несуразные, и тех не видно из-за туч. Но, если даму не устраивает…

Маг не договорил, пожал плечами и, развернувшись ко мне спиной, одним движением разоблачился.

И тут, с непреходящей ясностью, я вычленила-таки два слова, постоянно мешающие мне жить: но и если. Я отвернулась, скорее рефлекторно, чем стыдливо, однако не столь быстро, чтобы не успеть заметить идеальные формы спины и ягодиц Творца, которого привыкла считать другом.

Уже в воде, сверкающей призрачным бисером, с безопасного, но не слишком дальнего расстояния, я решилась попросить.

— Только не торопи меня.

Флинер расслышал мой голос за шелестом волн, и глаза его

отразили весь спектр ближайших светил, включая луны, не виденные мною.

— Не надо грязи, я ночевала в своей постели!

Легкое похмелье, внеплановый подъем и ментальные щебетания Фтэрха не вселяли радужных предчувствий о грядущем дне.

Нет, Дайр'Коон меня не отчитывал, напротив, его чрезвычайно воодушевляла выуженная из моего сознания сценка. В ней мы с Флинером в обнимку поднимались по ступенькам перед парадным входом.

— Говорю же, я поскользнулась и вывихнула лодыжку.

Эмоциональный всплеск со стороны Хранителя был мне ответом.

— Да, я бесчестное животное, — согласилась я, давясь от смеха и зевоты. Как бы… Неспроста разбушевался Дайр'Коон, я из врожденной вредности блокировала от него воспоминания прошлого вечера. Может у меня быть своя личная жизнь или нет?! А ногу я и правда подвернула…

Хоть и нечего мне было скрывать от Фтэрха, кроме единственного поцелуя с горьким привкусом, длившегося сотню тысяч лет. Горечь осталась от морской воды, я наглоталась ее, неудачно нырнув. А время… Разве оно не субъективно?..

Дни с 352 по неизвестный (снова сбилась со счета).

Десять дней на Ациле пролетели беспечно, красиво и невероятно быстро. Это были хорошие дни: поездки на виноградники, неизменные посиделки по вечерам, прогулки по многоцветию сада. Закаты… Воздух, золотисто-багряным хрусталем разбивающийся о пламенеющее море…

Покой. Душевный, эмоциональный, будто и не было войны, будто руки мои до локтей не покрыла запекшаяся кровь криогов. На Ациле мне удалось забыться.

Мы вернулись на «Странник» к мелодичному, совсем не механическому голову Аны, к причудливым изгибам надвселенной, к беспросветной тягостности грядущего. И Фтэрх, и Флинер утверждали, что шансы окончания войны с Оплотом Кри после сражения в Туманности Тарантул велики, но ни один из них не раскрывал — какой ценой…

Я боялась. Боялась до потери сна и возможности связно мыслить. Я осунулась, почти перестала есть (не хотелось), и

ждала катастрофы.

— Ана! — за последние дни я задергала свою кибернетическую подружку.

— Да, Ирина, — с некоторым запозданием отозвалась она. — Какой на этот раз повод для паники?

Мне некому было изливать свои страхи, и Ане пришлось стать исповедницей для съехавшей с катушек истерички.

— Когда все закончится, — (и как я могла забыть?!) — Чтоб никаких сбитых переходов!

— Ты… Откуда знаешь? — опешила машина.

— Не имеет значения, — я отмахнулась. — Самоубийство компьютера — это, конечно, отличный материал для докторской по эволюции Кибернетического Разума, но совершать ты его не будешь.

— Мне больно без него.

— Я знаю. Хотя, слыша нашу беседу, фантасты разбегались бы и бились об стены. Эпично и толпами. Я отомстила за Тиора.

— Кто? — односложно вопросила стенка.

— Мальчик одиннадцати лет от роду. Мы доставляли его с Македонии.

— Это такая шутка? — голос суше пустынного ветра.

— Увы, нет. Ребенок оказался Абсолютным Творцом, поддерживающим блоки такого уровня, что не снились ни мне, ни Флинеру.

Ана долго молчала, а я сидела с подтянутыми ногами, как свернувшийся в клубок котенок, и что тот котенок — бессильная. Мне не утешить Ану, машину, влюбившуюся в человека.

— Жалок ваш удел, люди, если ваши дети начинают убивать, едва встав из колыбели.

— Не суди, — встрепенулась я. — Выслушай. Он обрел Силу много раньше, чем в него вложили императивы добра и зла. Немногие из взрослых совладали бы с такой чудовищной мощью, и с искушениями, что она несла. А научить его было некому. Я искала, Ана, очень дотошно искала упоминания об обладателях подобной Силы. В истории Империи Тод — третий. Предыдущих… обезвреживали… уничтожали, если начистоту, их же учителя совместно с Творцами тех времен, скопом.

— Еще немного, и я начну жалеть малыша. Ирина, ты просто великий оратор, такой талантище пропадает!

— Не иронизируй. Как бы то ни было, Тода больше нет. А ты мне нужна… Будешь нужна.

— С чего ты взяла?

— Знаю.

Бесконечное ожидание убило панику, на ее месте воцарилась апатия.

Последние восемь суток я бессовестно оккупировала второе кресло в рубке управления, почти изжив из нее Кетлера, нового капитана «Странника». Я срослась с этим креслом, дремала в нем, в нем же пила что-то энергетическое, изредка проглатывала какую-то пищу — так же, не вставая с кресла. Одного в нем было не сделать, и пару раз за день приходилось-таки покидать свою вахту, по причине чисто человеческих нужд.

На громадном экране в режиме реального времени снова роились мотыльки. При этом мотыльки в центральной части, плотно сгрудившиеся вокруг затемненного шара, были подсвечены красным, а внешняя сфера с раскинутыми в стороны рукавами-протуберанцами — зеленым.

Алое — криоги, зелень — люди. Сам принцип подсветки бы обусловлен различиями в конструкциях кораблей, но подробнее — к Ане или механикам.

Криоги оставили все, чтобы оборонить свой главный мир. Космические верфи, планеты-сателлиты, спутники-фермы — все было брошено. Как полагало руководство Имперского флота, криоги спасали тетрархов — верхушку религиозной и государственной иерархии Оплота.

Я знала другую причину, значительно более важную. Дети. На Дите находился инкубатор, вне которого заключенные в мягкую оболочку зародыши не могли развиться. Тетрархи умерли бы за своих детей, и не имело значения, от их ли слияний те происходили.

Я знала, но продолжала молчать. Получи это знание флот — и у планеты не останется ни единого шанса уцелеть, они разрушат ее любой ценой, ведь гибель Дита — почти гарантия, что через сотню лет Оплот Кри не возродится в иной отдаленной точке Вселенной.

«Стереть с лица»… Таково было желание Брендона и всего человечества. Но не мое.

«Молчащие мертвые говорят на простом языке. Разорванные в клочья поют одну и ту же песню. Мир для них — это крест на могиле. Война для них кончилась вместе с жизнью»…

У этой реплики из театральной постановки было продолжение, но оно, как и имя автора, растворилось в

беспамятьи, как мрак стирает краски дня…

По бездонному ущелью неизменно течет река и тумана, каменные уступы над ним не стали надежнее, но страха низвергнуться в бездну уже не вернуть. Мне больше некуда падать…

Изменница-память насмешливо нетороплива. По крупинкам, по обрывкам воспоминаний, собираю я картину своего падения… Пока — не слишком-то успешно.

Хозяина здешний владений я видела только раз, когда очнулась. После чего? Знать бы самой… Он охнул, проделал странный пасс сведенными кистями рук и… испарился.

С тех пор я в гордом одиночестве слоняюсь от подножий скал к ущелью. И обратно. Иногда идет дождь. И, по-прежнему, тоскливо и натужно завывает ветер.

Все, как и раньше. С одним отличием: теперь я этого не ощущаю.

Давно я тут? Сколько воды протекло по лону клепсидры?.. Вопрошать у тумана — без толку, а в обиталище Стража Границы большой дефицит на прохожих с календарем или наручными часами.

Частенько я ловлю себя на мысли: умерла я или банально свихнулась? Ведь раз я так долго «тут», то «там» — в реальном мире — меня нет, логично же, верно?..

Я пытаюсь разгадать сей ребус, заодно изгаляюсь над собственной эпизодической памятью и взираю на привычные пейзажи. И, как ни странно, пейзажи мне нравятся много больше, чем остальное. Привыкла? Научилась мыслить без привязки к стандартам? Может, прониклась гармонией сверхъестественного?.. Вон, даже стихи начала сочинять…

Здесь царство снов,
Страна абсурда и фантазий,
И понимаешь, отпуская фразу,
Что тут не звучен голос слов…

Бред? Ага. Бездарность? Не удивительно. С катушек съехала? Да кто бы сомневался!

А почему над ущельем нет смены дня и ночи, и никогда не бывает солнца?..

Память вернулась с грозой, в свете острых фиолетовых изломов. Гигантские искровые разряды метались внутри облаков, лишь изредка опаляя землю. Казалось, чернильные небеса с

ежесекундно вспыхивающими росчерками вот-вот рухнут.

Грома не было. Воздух отчетливо пах серой. Вот он, сущий небесный ад!

И в этом светящемся безумии, в вездесущем электрическом кошмаре, когда мое сознание было пустым, как оставленная моллюском раковина, а дух — ошеломлен, на меня снизошло настоящее сатори. Пелена «сна неведения» спала, растворилась в ломаных безгромовых всполохах.

Кажется, тогда я начала кричать.

От облака алых искр отделяется одна-единственная, светящаяся пурпурным точка. Сингулярность. Она несется прочь от планеты, уже обреченной на гибель. На мгновение застывают на голопанели как зеленые, так и красные мотыльки. Все — кроме одного.

Еще никому не ясно, что одиночная искра — тот самый переломный момент в противостоянии людей и криогов, что эта крохотная экранная точка способна изменить ход истории Вселенной. И тем не менее, она его изменит.

Спустя удар сердца — оно глухо, замедленно колотит о ребра — за первой вспышкой от окутанного вишневым шара устремляется целый рой, уже не мотыльков — оводов.

Имперская блокада не совершенна, она являет собой крупноячеистую сеть, но алая искра летит не к зазору, ее цель — самый крупный зеленый огонек на той стороне от Дита.

— Флагман, — среди гробовой тишины голос Аны подобен набату.

Я слышу музыку в пустоте: в ней арфа и литавры. Перелив нежных струн и тремоло…

Флагман на экране отступает. К нему, сминая изначальный узор сети, мчат изумрудные искры помельче.

Рой позади беглеца-звездолета отстает совсем ненамного.

Вспышка. Не достигнув флагмана, красный огонек пропадает.

— Ее уничтожили? — не замечая своей оговорки, спрашиваю я КР.

— Переход, — речь Аны тиха и напряженна. — Не могу отследить точку выхода.

Счастливая улыбка озаряет мое лицо. Ффта сумела покинуть систему Дита. Тихий стон арфы смолкает на самой высокой ноте.

И тогда раздается долгий, басовитый глас валторны.

Флагман разворачивается навстречу рою преследователей, я почти вижу, как его КР наводит орудия, калибрует и выверяет расстояния…

Литавры, барабаны и орган. До-диез мажор. Жуткая какофония.

Рой (я успеваю пересчитать, в нем двадцать три звездолета), не сбавляя скорости, приближается к флагману.

Перевожу взгляд на сферу Дита — там хаос. Имперской флот начал атаку.

Истошно взвывают валторны.

Флагман открывает огонь: в вакууме не видно выстрелов или вспышек, но затухающие багряные искры говорят за себя сами. Шестнадцать, четырнадцать, десять…

Они долетают. Последние четыре алых овода, уцелевших каким-то немыслимым образом, сливаются с зеленым огоньком.

Тишина. Позади меня с грохотом валится какая-то посудина.

В той части экрана, где только что столкнулись корабли криогов и флагман Империи — пусто.

На моих глазах белеет и оседает капитан Ааст. Судорожно всхлипывает голосом Аны стенка.

— Что происходит? — я в замешательстве, ни одно сражение не обходится без потерь, их реакция явно преувеличена…

— Флагман, — безжизненно изрекает Ана. — На нем находилась треть высшего командного состава.

До меня начинает доходить масштаб трагедии…

— И Император, — договаривает моя кибернетическая подруга.

Брендон… Брендон. Брендон!

— Личное послание для Леди Калли, — обреченный шепот Аны.

Обвожу взглядом каюту, словно вижу впервые стоящих вокруг людей. Кетлер, Листенн, совсем недавно назначенный его заместителем, главный навигатор Войд, и неулыбчивый шотен, чье имя напрочь выпало из памяти. Вероятно, безумие уже плещется в моих глазах, потому как ни единого возражения моему емкому:

— Все вон! — не раздается.

— Ирина, — звучит в опустевшем помещении родной и усталый голос. — Я оставлю эту запись на случай, если ты была права, назвав меня идиотом. Ты ведь знаешь криогов лучше, чем все мои Советники вместе взятые… Так вот, раз ты меня слышишь, что-то пошло вопреки блестяще выстроенным планам. Впрочем, я подозревал, что могу не пережить эту битву, когда настаивал на своем в ней участии, но за чужими спинами я отсиживаться больше не намерен. К тому же, один наш общий

импозантный знакомый с неимоверно убедительными аргументами не оставил мне выбора. «Рожденный от убийцы, ты сгинешь во мраке, и тем принесешь победу, покой и свет в сердца», — так он сказал, и я склонен ему верить.

В металлических стенах — его смех…

— Никогда б не подумал, что составлять предсмертное послание будет так непросто… Ирина… Мне жаль, что я был вынужден втянуть тебя в чужую войну и дворцовые интриги, но и тут мой выбор был весьма ограничен. Надеюсь, ты сможешь меня понять.

Протяжный вздох… Его или мой?..

— Позаботься о моем наследнике. Я могу доверить Империю Сэру Ивенсу, но уберечь моего сына сможешь только ты. И пусть его назовут Дарином. Не плачь обо мне, меня уверили, что ты сумеешь за меня отомстить. Собственно, по этой причине я и требовал твоего присутствия в Тарантуле. Жизнь Императора за победу — ничто. Встретимся за гранью, Ирина.

Все. Голос пропал. Весеннее солнце не заиграет больше в его чудесных глазах… Встретимся за гранью…

Так догорает рассудок. И рвется на части гордость, как домики из песка.

За гранью, значит? До скорого, о вышний ангел мой. Я уже расправляю крылья.

Пусть крылья эти и чернее ночи.

— Ана, передай на все корабли приказ отойти за пределы системы. Немедленно.

— Но флот…

— Я принимаю командование на себя, — отсоединяю от ремня Звезду. — Как единственный представитель Дома Атиров.

Укладываю невинное с виду украшение на стойку рядом с голопанелью. Осмелятся ли ослушаться адмиралы?..

— Тебя же обвинят в измене…

— Да пусть хоть казнят, но сейчас они должны уйти.

— Сообщения с четырнадцати звездолетов, среди них…

— Игнорируй.

— Но…

— Стоп! — отрезаю я. Время слов вышло.

И рвется на части гордость… Оборачиваться нельзя. За спиной — страх.

Ана продолжает говорить, но слух тает вместе с сознанием. И песочными же замками осыпаются каноны морали, совесть, избитые постулаты добра и зла.

Точно горячий воск, растекается неровным овалом на полотнище вечности душа.

Ирины Калининой более нет ни в одном из поднебесных миров.

Я — Эшти.

Я падаю в тень, резко, одним рывком, без всяких паутин или подпорок.

Отбрасывая костыли сомнений, обретаешь могущество.

Свобода — это ветер.

Тот, что наполняет паруса фрегатов, и тот, что раздувает пожары. Он вертит крылья мельниц и сбрасывает путников с узких горных троп.

Свобода — это ветер, приносящий бурю.

О, в вакууме нет ветра? Пустое, создадим…

Скольжу, неотличимая на фоне вечной ночи, вбирая Силы. Сейчас я не различаю оттенков, они едины, как жизнь и смерть. Я сливаю их в одну бесконечную реку, впервые на пути Творца ощущая подлинное всевластие.

В эти минуты я становлюсь Богом.

Имперский флот отступает. Большинство звездолетов покинуло систему, лишь немногие отходят с боем, вовлеченные в локальные схватки с кораблями Оплота.

Но теперь это не их бой. Мчусь. На тех самых крыльях, что чернее безлунной ночи. Хотя это лишь игра моего воображения…

Их всего восемь, летающих грибовидных громадин, но они стоят между мной и моей местью. Брендон верил, что уходит не напрасно, так могу ли я не оправдать его ожиданий?

Нет!

Тщательно, до педантичности аккуратно, дабы не затронуть имперцев, искривляю пространство. Сейчас, когда Силы бушуют во мне, это не сложнее, чем бросить камень.

Отхожу, не оглядываясь на обломки. Пришел срок справить тризну по Императору!

Корабли криогов жмутся к Диту, точно цыплята к наседке.

Тризна. По Брендону. Все клятвы, что не были произнесены, каждое молчаливое признание, сны, заполненные им — ядовитыми струями омывают мое сердце. Мир, в котором нет его — равнодушный, беспощадный… Ничтожен.

Безумие разрывает последние цепи. То, что еще недавно было мной, разводит бестелесные руки, черные на черном, и огромные

антрацитовые крылья трепещут в первозданной пустоте. Они разрастаются, впивая каждую частичку Силы на своем пути.

Два крыла обращаются в исполненную непроглядной тьмою высь и смыкаются над планетой.

Это — последнее деяние моей изорванной в клочья души. С таким нельзя жить. Невозможно дышать, сознавая, что погребла своим гневом целую расу.

Незримые крылья покрываются кроваво-алой чешуей, и из трещин между чешуй сочится лава — и моя боль. Сходятся воедино ладони, и в плоскость складываются в то же мгновение крылья. Плотно, так, что даже узкий меч не уместился бы меж ними.

Пора.

Мы взрываемся вместе, синхронно, я и планета.

Вот и все. Приливная волна воспоминаний схлынула, оставив меня наедине с несуществующим миром.

Гроза ушла за ущелье, только свинец низких туч отрезал от неба…

Битва проиграна. Брендон умер. Я тоже. Оплот Кри повержен. И никаких победителей. Знамена втоптаны в пыль, а я, не прощенная ни одной из сторон, обречена раз за разом переживать сражение, которого не было.

И раз за разом — умирать. В отчаяньи, в отчуждении. В одиночестве.

Снова и снова.

Он явился с дождем. Столь же холодный, столь же безликий.

— Сеанс самобичевания еще в разгаре? — вопросил он.

Я не стала утруждать себя ответом. Это он отправил Брендона на смерть, снабдив удобочтимым пророчеством. Злиться на него так же глупо, как на цунами, и все же я едва сдерживала истерику.

— Итак, ты меня ненавидишь, — заключил Страж Границы по моему молчанию. — Ненавидишь, не пытаясь вникнуть в суть… Прискорбно. Мои уроки прошли впустую.

— Уроки? — скривилась я.

— Только мысля масштабно, зная достоверно все движущие силы и причины, а также всю цепь возможных последствий, можно пытаться судить.

— А не пойти бы тебе к черту, о великомудрый?! — сорвалась-таки я.

Теперь замолчал он. Ждал продолжения?..

Я откручивала события минувшего года — по времени внешнего мира, конечно же, перелеты на «Страннике» скручивали в спирали целые недели, благодаря причудам надвселенной. Все было в нем: любовь, предательство, война. Войны было слишком много. Она украла у меня право выбора, мой собственный Путь, мою душу…

— Давай закончим, — попросила я. — В этом мире я — лишняя, в том — умерла. Мне больше нет дела до движущих сил и причин. Просто отпустите меня. Я устала.

Жаль, я не феникс. Тогда, сгорая изнутри, я имела бы шанс возродиться…

— Брендон Атир умирал.

— Что?! — остатки выдержки изменили мне.

— Обратная сторона проклятия. Не вздумай себя винить, не сними ты его, он, несомненно, прожил бы дольше. Неподвижным бессознательным манекеном.

— Но… Как же так? — я судорожно вспоминала изречения Дайр'Коонов. «Если цена не покажется тебе непомерной»… «Смерть повелевает им»…

— А ты смогла бы выбрать, открой они тебе истину целиком?

Горечь и понимание. Нет, не смогла бы.

— Он ушел так, как хотел, и не тебе судить, стал ли я его палачом. Будучи Императором, он ликовал бы сейчас, ибо гибель во имя мира — почетна.

— Хватит, — отрезала я. — Довольно дифирамбов. Ты развеял мои заблуждения, а теперь, с твоего позволения, вернемся к моей проблеме.

— А она у тебя одна? — холодно осведомился туманный демон.

— Ага, — хамить, так хамить!.. — Намереваюсь выйти из круга предопределенности. Помнишь, я как бы умерла?

— Чушь, — пророкотал он. — В момент взрыва твоя личность покинула Тень и обратилась к единственному доступному месту, в котором могла существовать. В теле же поддерживают жизнь искусственно.

— И чем же сие отличается от смерти? — почти ехидно поинтересовалась я.

— Для начала тем, что ты жива. И объединение не является невозможным. Более того, я намерен его осуществить, и твои жалкие оправдания усталостью и невыносимыми страданиями меня не остановят.

Похоже, я сумела вывести его из себя…

Зеленоватый туман стек с его пальцев, окутав меня плотным

коконом. Демон, зовущий себя предначертанием, взмахнул рукавом и вышвырнул меня из уютного междумирья.

Обратно, в жизнь.

Жгло глаза, и слезы катились из-под сомкнутых век. Онемевшие конечности свело судорогой, а голова прямо-таки раскалывалась. Неужели так сложно было приглушить свет над полутрупом?!

От негодования я дернулась так резко, что выдернула часть присосавшихся ко мне проводков и трубок. Визг и звон заполонили как комнату, так и мою черепную коробку.

Я выругалась, яростно и беззвучно. Что за люди, даже умереть спокойно не дадут! Вопиющее же (в самом прямом смысле) безобразие!

— Доброе утро, красавица, — промурчал влетевший в каюту Флинер, сияющий, как шар на новогодней елке.

Как и когда-то, я состроила ему в ответ мордочку безумной летучей мыши, сознавая, что колесо истории совершило полный оборот. Будто вчера подлатанную и едва живую меня вот так же приветствовал Флинер. На душе потеплело: ради его улыбки стоило вернуться.

Мы встретились взглядами: мой неестественный лунный камень и его лучистый янтарь.

— Теперь все будет хорошо, — прохрипела я, обращаясь к магу, кинувшемуся меня обнимать. — Обещаю. Только подожди еще немного. Совсем чуть-чуть.

Осталось лишь последние штрихи нанести на гигантское событийное полотно.

Я снова шла по дворцу, и служители в белых одеждах шарахались, спеша освободить мне дорогу. Я видела их страх, без примеси былого восхищения, но теперь мне были безразличны их эмоции. Я спешила.

На мне — отнюдь не подходящее по этикету платье из струящихся тканей, а стандартный боевой комбинезон с активированным защитным полем и полным комплектом вооружения.

В прощальных словах Брендона звучала просьба позаботиться о его сыне, и ни звука — про действующую Императрицу, донашивающую этого сына… Такую «мелочь» просто невозможно забыть. И недосказанность весомее открытых предупреждений: он мог не учесть мать своего наследника лишь в одном случае…

Я опоздала на пару мгновений.

В спину убийце полетел парализующий вал и однозначный приказ Фтэрху: испепелить!

Я же рухнула на колени прямо в лужу растекающейся крови подле трупа подруги и Императрицы, приостанавливая ход времени в пределах галереи… Слишком поздно, Арну мне уже не спасти…

Где были вы, Высшие создания, когда эта тварь, возомнившая себя человеком, одним выстрелом из ПИРа сносила ей полголовы?! Как можете вы смотреть на ее изуродованное лицо, на то, что от него осталось, и верить в свою непричастность? Вы ведь видите ее, глазами Фтэрха, а он — моими глазами…

Так больно… Что стоило вам позволить ей выжить? Сместить события, позволив мне вернуться во дворец минутой раньше? Вы все забрали у меня… Все и всех, кто был мне дорог… Но в чем провинилась она, хрупкая девушка с золотистыми волосами?

Я дрожала от ужаса, горя и усилий на удержание временного потока, понимая, что еще немного — и свалюсь рядом с Арной, так ничего и не сделав…

— Я ставлю блокаду, Эшти, — решился вмешаться Фтэрх. Сам или ему приказали?..

Я плакала, не сдерживая слез, уткнувшись лицом в мертвое тело Арны, пока всполох рассудка не вернул меня к реальности: «Ребенок!»

«Позаботься о моем сыне. Со мной что угодно может случиться»…

Случилось, и не уберегла тебя твоя светлая Сила… И я, которую ты называла сестрой — не уберегла. Но я сдержу слово. Ради Брендона, ради тебя. Вывернусь наизнанку, но сдержу!

Прощупала живот (Арна упала на спину, точнее, ее отбросило при выстреле), зачерпнула чуточку от светлого потока, дабы не навредить темным прикосновением малышу, оно ему чуждо, а значит — опасно. Жив!

Прости меня, сестричка, сейчас твои останки потревожат, пытаясь извлечь из тебя новую жизнь… Я не медик, и никогда не принимала роды… Но выбора нет, я обязана справиться!

Смешала Силы, словно делая сложный коктейль, и направила часть этой смеси в Арну.

Я запечатала, как сумела, дыру (раной это было не назвать) в черепе Императрицы, пустила смесок по ее венам вместо крови. Гладила выпуклый живот, питая дитя, а сама исходила в безмолвном крике — это была мука, физическая и эмоциональная. Малыш откликнулся, принял Силу, и я позволила себе вздохнуть с облегчением — он будет жить, если получится

изъять его из матери.

Не отнимая руки, начала творить будущее вместилище для новорожденного, эдакий инкубатор магического происхождения, ведь если я не ошиблась в подсчетах, беременность Арны еще не достигла срока в сорок недель, а рисковать здоровьем ребенка я не смела.

Теперь самое страшное… Нервно сглотнув, я увеличила ток Силы в ладони, рассекая туго натянутую кожу без скальпеля…

У меня получилось, сын Брендона и Арны увидел свет, но эти минуты я пропущу в описании, они мне слишком тяжело дались…

«И пусть его назовут Дарином»…

— Дарин! — нарекла я малыша, уже устроившегося в видимой только мне колыбели-инкубаторе. — С рождением тебя, кроха.

«И когда сплетутся Свет и Тьма, боль ее спасет Мир»… Дарин с иреа — Мир… О, Боги, Демоны и Дайр'Кооны! Выходит, все эти мистерии, гекатомбы в размахе геноцида, пророчества — ради спасения одного ребенка?!

Если б кто-то мог наблюдать в тот миг за галереей, он узрел бы растерзанный труп Леди Атир на залитом багровым полу, и рядом с ним — Эшти, Леди Калли, серокожего монстра в обличии девушки, стоящую на коленях с вытянутыми вперед руками. Монстр хохотал, а лицо его (ее?..) было залито слезами.

Но Фтэрх, маленький фиолетовый Дайр'Коон, надежно укрыл от любопытных взглядов как галерею, так и женщин на ней — и живую, и мертвую.

Во дворце меня задержала формальность: необходимо было оповестить о произошедшем Сэра Ивенса-Атира, ныне полновластного регента, коим он будет считаться до совершеннолетия Дарина. Попутно я вызнала у Фтэрха, кто и почему стрелял в Арну — последнюю мерзость в своей жизни совершил Валт Гейзел, решивший искоренить любого, кто относился к семье Атир, раз уж его планы о захвате Империи с участием криогов не осуществились. Око за око — как Сэр Хорин обошелся с родными Валта, так и он намеревался одним ударом уничтожить последнюю Императрицу и наследника. И это ему наполовину удалось…

Фтэрх в точности исполнил мой приказ — от Гейзела не осталось и горстки праха. Также пришлось поступить и с телом Арны, но по иной причине: мы заметали следы. Никто, кроме Сэра Ивенса, не должен был узнать о разыгравшейся трагедии.

Официально — Арна вскоре покинет Консул I в неизвестном направлении, с тем, чтобы обеспечить безопасность сына, а Леди Калли, якобы обвиненная в преднамеренном срыве атаки на ядро Оплота Кри, будет отправлена в ссылку — и тоже в неизвестном направлении. План спорный, шаткий, многое в нем зависит от людей, которых Грэм сочтет достойными доверия, но другого я попросту не успела придумать.

— Леди Калли? — изумился регент, когда я, миновав всю его охрану (читать: усыпила), без предупреждения (некому было предупреждать, все мирно дремали на своих местах) ввалилась в его кабинет и почти с разбегу плюхнулась в кресло. Последнее — по причине того, что ноги не держали.

— Она самая, во плоти, — глядя на вытянувшееся лицо Грэма, я порадовалась, что удосужилась стереть потеки крови с комбинезона, иначе регенту грозил бы инфаркт. — Леди Атир мертва. Застрелена Валтом Гейзелом. Все, что я сумела сделать — это спасти ребенка. Мне очень жаль.

Я говорила короткими, рублеными фразами — слова давались мне тяжело. Сэр Ивенс схватился за сердце, претворяя в жизнь мои опасения касательно инфаркта. Я было кинулась оказывать первую помощь, но дядя Брендона справился с потрясением.

— Это случилось здесь, во дворце? — спросил он, едва переведя дух.

Я кивнула. Сняла невидимость с левитирующей колыбельки, в которой посапывал малыш, вполне здоровый и симпатичный. Мне подумалось, что вид мальчика хоть немного успокоит регента, и я не прогадала — Грэм даже не пытался скрыть облегчение.

— Ему нельзя здесь оставаться, Грэм, — выдохнула я, выкладывая карты на стол, пока Сэр Ивенс не опомнился и не усомнился в осуществимости моих идей. Я кратко обрисовала свои намерения, напомнила обо всех покушениях, случившихся на Консуле, и пересказала последнюю просьбу Брендона касательно Дарина, тогда еще не появившегося на свет.

— Я… понимаю, — после моего монолога покачал головой Ивенс-Атир, будто бы разом постаревший лет на десять. — Вы ведь позаботитесь о Дарине?

— Сделаю все возможное, — я склонила голову, давая очередной обет.

— Как быть с заговорщиками? — устало вопросил Грэм. Он не сводил глаз с малыша, словно запечатлевая в памяти его образ. — Лорд Хелин по сей день занимает свой пост, и Гейзел не проник бы во дворец без его помощи — или его людей.

— Разберите его службу по камушку, — ощетинилась я, не пытаясь скрыть злобу. — А самого Хелина — поджарьте на медленном огне. Как пропечется до румяной корочки — расскажет все сам. Вы главный человек в Империи, Грэм, на ближайшие восемнадцать лет, вам и действовать.

— Двадцать два, если вы о совершеннолетии наследника, — машинально поправил Сэр Ивенс.

— Тем более, — я отмахнулась. — Я хочу, чтобы вы изловили этих шакалов, набили соломой их трупики и сделали из них чучела, чтобы другим неповадно было.

— А вы? — осведомился регент. — Не желаете принять участие?

— А что я? — я впервые за день улыбнулась. Почти искренне. — Я выбываю из игры, Грэм. Мне, между прочим, ребенка воспитывать. И, видят боги, я ума не приложу, как это делается!

Вместо послесловия

Месяц спустя, после нескольких перелетов, мы добрались до Адонаи. Мы — это Лорд Руах с молодой женой и сыном, два Дайр'Коона, членистоногое и одна пушистая серая кошка.

В роли жены выступала я, под покровом иллюзии, которую мне предстоит поддерживать ежесекундно на протяжении грядущих двадцати двух (приблизительно) лет. К иллюзии (голубоглазая блондинка с открытой улыбкой, я не стала заморачиваться с подбором внешности и ограничилась штампом) прилагался блок магических способностей. Тут я воспользовалась методой Тода, и отныне воспринималась окружающими как весьма посредственный маг. Как иллюзию, так и блок усиливает Фтэрх, что сводит к нулю вероятность разоблачения.

Ребенком был Дарин. Я всерьез опасалась, что Флинер не одобрит свое якобы отцовство, но он хитро улыбнулся и наградил меня поцелуем. В роль папочки маг вжился в одночасье, а малыш Дарин признавал за успокоительное, няньку и неистощимый источник развлечений только желтоглазого Творца. Я временами ревновала.

Отдельно про ДВУХ Дайр'Коонов… В день отлета с Консула I у Фтэрха появилась напарница, лазурная Иурэй. Привалило нам сие счастье в честь Дарина, дабы хранить и оберегать младенца, точно зеницу ока… Я обматерила Фтэрха в знак благодарности «старым маразматикам» за новую головную боль, но выслать Иурэй обратно не удалось (а хотелось прям очень-очень-очень сильно, так как терпеть ее ментальные сюсюканья над дитятей было запредельно, невыносимо сложно). Старые маразматики, если вдруг не понятно — это Старейшие, к которым я с некоторых пор не испытывала избытка почтения…

Паук был тот же, что и ранее, новых супер-способностей у него не прибавилось, а кошка… Миара ждала меня за дверьми Сэра Ивенса, и смотрела в сторону невидимой (!) колыбели так выразительно, что оставить ее во дворце было бы преступлением.

В семейный багаж, к шмоткам, погремушкам и пеленкам, как бы невзначай затесалась парочка дезактивированных Звезд Атиров (моя и Дарина, мы с регентом не только языками мололи, но и кое-какие делишки успели провернуть). Почему дезактивированных? Логично же, чтобы нас по их сигналу не нашли. А для включения в случае надобности довольно капли крови носителя на поверхность.

Мы с Флинером поженились тайно, глубокой ночью, в призрачном свете трех лун Аплербека. Регистрировавший нас

представитель власти был выдернут Флинером из постели и телепортирован на огромное памятное (для нас) поле, засаженное злаками. Когда казус замяли (Лорд Орсит в момент телепортации был гол и вообще — не один), брачная церемония в сокращенном ее варианте сотворила из меня Леди Руах. Свидетельницами выступили две миловидные девушки, составлявшие компанию Лорду Орситу в его спальне, и случайно перемещенные вместе с ним. Как говорится: «Нет худа без добра».

Тяжелее всего было прощаться с командой «Странника»… Я добилась от Сэра Ивенса перевода экипажа на другой звездолет, чтобы сдержать обещание, данное Ане. Она обрела свободу. Чудо-машина запрограммировала корабль на полет в неизведанную человеком часть Вселенной и впала в летаргический сон — в его кибернетическое подобие.

Новый звездолет назвали «Тиор». На него перешла большая часть экипажа «Странника». Кетлер Ааст торжественно командовал первым вылетом, но меня и Флинера на его борту уже не было. Не было не только нас: Нильда отправилась на Каллигарию, причем не одна, Бенс добился-таки взаимности от нашей «снежной леди»; домой вернулись Леа и Койт, а Альдобраст заявил, что пора бы ему наконец осесть, после чего подхватил под локоток застенчивую Инору, и первым же рейсом новоявленная парочка отбыла на Весту, исправлять ситуацию с недостатком специалистов после запуска криогами «чистого» вируса. Кажется, был среди оставивших команду кто-то еще, но я была слишком поглощена собой и заботами о младенце, чтобы запомнить наверняка.

Мне все еще снятся кошмары, в которых я стою на коленях перед обезглавленным телом Арны и проклинаю Старейших. Проклятия лишь сотрясают воздух, не принося ни ответа, ни облегчения. Но каждый раз меня будит и утешает мой муж, неожиданно ставший самым близким мне человеком. И боль отступает — до следующего кошмара.

А в одну из ночей я увидела ффта. Отворяющая недолго удерживала видение, поэтому я узнала лишь то, что ей удалось спастись и вывезти на грузовом судне несколько ячеек инкубатора. Если я правильно поняла, ячейки эти не были пусты.

С демоном же, именующим себя предначертанием, я более не общалась, равно как и со Старейшими. О чем беседовать гроссмейстерам и шахматной фигуре? Особенно, если фигура эта уже отыграна… Да, я сама загнала себя в западню, безоговорочно поверив разглагольствованиям стража границы и пророчествам Дайр'Коонов. Грех было бы не воспользоваться моей наивностью жертвенного животного, ведомого на убой… В сущности, все мои

«деяния» могла бы совершить группа Творцов, человек десять, а то и меньше, но ведь удобнее править одним «наконечником летящей стрелы», нежели десятком. Говоря откровенно, я далеко не самый сильный Творец — скажем, Тод был на порядок сильнее меня, и без вмешательства стража, то есть, не окажись у меня кинжала из долины зеленых туманов, юный Тод Тайли раскатал бы меня тонким слоем по стеночкам, предварительно изготовив блюдо «Леди Калли в собственном соку». Просто я была более впечатлительной, а значит — управляемой. Там, где эмоции правят бал, разум уходит в отставку…

Как-то раз Фтэрх порывался вызвать меня на «разговор по душам», вроде как на нем настаивали Старейшие. Узнал крылатый нахал о своем происхождении некоторые новые подробности, этнического и биологического характера. Под горячую руку попал и Флинер, рискнувший дракончика поддержать, за что был награжден ласковым взглядом типа «И ты, Брут?[36]», а также экспрессивной репликой в адрес обоих:

— А по корешку хрена в каждую ладошку вам не организовать? Поправочка, кое-кому — в лапы загребущие!

Засим дебаты на тему Старейших прекратились.

Я не злилась на премудрых представителей иной расы. Что толку? Меня ждала новая, размеренная жизнь, в которой не было места политическим играм и интригам, заурядная, чуточку пугающая, но, глядя в лучистые серые глазки Дарина (копия отцовских!), я верила, что справлюсь. Мы справимся.

Душа моя трепетала в робком ожидании… нет, не чуда, покоя, и я надеялась отыскать его под сенью персиковых деревьев Ацилы, на берегу океана из жидкого розового глянца, в объятиях моего супруга и лучшего друга, Лорда Руаха. Еще жива во мне маленькая девочка, верящая в сказку, в которой герои после долгих блужданий находят себя и свой личный уголок рая.

Чуть не забыла: в ближайшие планы мои входит ненадолго заскочить на Землю, в то время, из которого меня выдернули, перепечатать свой дневник и подкинуть флэшку с текстом кому-нибудь из бывших коллег. Я не тешу себя иллюзиями, будто бы мне поверят, и даже сильно сомневаюсь, что рукопись найдет издателя, но не могу не попытаться. «В начале было слово[37]», — хотя, как шепчет моя зловредная интуиция, слово было матерное.

Дамы и Господа, Леди и Лорды, позвольте откланяться. Эшти покинула сцену.

notes

Примечания

1

Троглодиты (Troglodyte) — в фэнтези разновидность монстров, подземные ящеры (в этом качестве слово «троглодит» в фэнтези употребляется чаще, чем в смысле «пещерный человек»).

Гэри Гайгакс, испытывая нужду в новых монстрах для D&D, использовал это название для выдуманной им расы, сделав их ящерами: "Бесконечный поиск новых существ для третирования игроков приводил к расширению многих известных фантастических монстров под эти нужды, а также к выдумыванию многих из них, исходя из цельного образа или просто осмысления названия. Сработало неплохо, не так ли? Так или иначе, я подумал, что подземным жителям более пристало не быть млекопитающими, и возможно даже быть родственниками саламандрам".

2

Анекдоты по Толкиену, по мотивам "Властелина Колец".

3

Формула самовнушения, которую произносят герои Ф. Герберта в серии научно-фантастических романов «Хроники Дюны». Полный текст литании (литания — разновидность молитвы):

> «Я не должен бояться.
> Страх — убийца разума.
> Страх — это маленькая смерть, влекущая за собой полное уничтожение.
> Я встречусь лицом к лицу со своим страхом.
> Я позволю ему пройти через меня и сквозь меня.
> И, когда он уйдет, я обращу свой внутренний взор на его путь.
> Там, где был страх, не будет ничего.
> Останусь лишь я».

4

Ворошиловский стрелок — нагрудной значок Осовиахима для награждения метких стрелков, имеющий две ступени звания

5

Arrivederci (ит.) — до свидания.

6

Пересказ отрывка произведения Хорхе Луиса Борхеса «Книга вымышленных существ».

7

Слова Гая Юлия Цезаря (согласно «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха), произнесенные на суде над Публием Клодием, касательно причины развода Цезаря с Помпеей. Плутарх, Цезарь 9-10, Цицерон, 28–29.

8

Перефразировано: «Герои провели зиму в Туссенте», А. Сапковский, Владычица Озера, Сага о Ведьмаке.

9

Имеется ввиду 6 круг Ада (стены Города Дита) Данте Алигьери. Фурии — стражи 6 круга (томящиеся в нем: еретики и лжеучители).

10

9 Люцифер — одно из имен Дьявола в позднем христианстве. Люцифер у Данте — наполовину вросший в лед царь зла с тремя лицами.

11

Уильям Батлер Йейтс.

12

Use the Force, Luke! — фраза из «Звездных войн», принадлежащая Оби-Вану Кеноби.

13

А. С. Пушкин, «Евгений Онегин».

14

М.И. Цветаева, "Крик станций"

15

Библия, Евангелие от Иоанна, 17:9.

16

Библия, Евангелие от Иоанна, 1:5.

17

22 Пункта китайской книги Чен-Пей.

18

Изумрудная Скрижаль, документ, по легенде оставленный на пластине из изумруда Гермесом Трисмегистом.

19

Группа Би-2, «Серебро».

20

Группа Кипелов, «Я свободен».

21

Александр Блок. Стихотворения 1912. Из цикла Страшный мир (1909–1916).

22

Цитата из художественного фильма «Достучаться до небес», режиссер и сценарист Томас Ян.

23

Александр Блок. Стихотворения1912. Из цикла Страшный мир (1909–1916).

24

«Something is Rotten in the State of Denmark» Реплика Гамлета в произведении У. Шекспира «Гамлет».

25

Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в Стране чудес.

26

Огненный Путь (ориг. Англ. Pattern) — в серии «Хроники Амбера» Р. Желязны: центр и источник существующего миропорядка. Пройти Огненный Путь могут только члены королевской семьи и те, в ком течет их кровь.

27

Группа Пикник, «Серебра!».

28

Имеется ввиду падший айну Мелькор, события «Черной книги Арды», переложения истории Средиземья Джона Р. Р. Толкиена. Авторами «ЧКА» являются Наталья Васильева (Элхэ Ниэннах) и Наталия Некрасова (Иллет).

29

Цитата из художественного фильма «Достучаться до небес», режиссер и сценарист Томас Ян.

30

«Черная книга Арды» («ЧКА»). Наталья Васильева (Элхэ Ниэннах) и Наталия Некрасова (Иллет).

31

Пересказано: «Йу-Року-Сакура», Японские средневековые сказания, Сборник Хёрай. Автор неизвестен.

32

Мацуо Басё. (Пер. В. Марковой).

33

Тэндзи-тэнно. (Пер. В. Санович).

34

Манъёсю — антология японской поэзии. Песня принца Оми, сложенная им в ответ на услышанную песню. Составителем считается Отомо-но Якамоти.

35

Англ. X-Files — американский научно-фантастический сериал.

36

Ориг. Et tu, Brute? (лат). По легенде, последние слова Гая Юлия Цезаря, обращенные к его убийце, Марку Юнию Бруту.

37

Первая строка из Нового завета, Евангелие от Иоанна.